

Годъ III.

Іюнь (Juin).

1901 г.

Сибирскій НАБЛЮДАТЕЛЬ.

L'OBSERVATEUR SIBÉRIEN.

(ВЫХОДИТЬ ДВѢНАДЦАТЬ РАЗЪ ВЪ ГОДЪ).

Книга 6.

ТОМСКЪ.

Паровая Типо-Литографія П. И. Макушина.

1901.

Содержаніе.

	Стр.
I. Сибирская тайга, эскизъ <i>А. Ключе</i>	1
II. Стихотвореніе, <i>Дм. Вольфсона</i>	10
III. Сибирская казачка, рассказъ <i>П. Куз—ина</i>	11
IV. Друзьямъ, стихотвореніе <i>С. Хрынковой</i>	23
V. Сибирскіе чиновники былого времени, <i>Н. Гурьева</i>	25
VI. Приангарскій край въ этнографич. отношеніи, <i>Н. В. Скорнякова</i> .	35
VII. Попутчица, рассказъ изъ обозной жизни въ Сибири, <i>М. Цейнера</i> .	44
VIII. Стихотвореніе <i>П. Куз—ина</i>	53
IX. Кузнецкій Алатау, физико-математич. обзоръ, <i>М. Самохвалова</i> . .	54
X. На пристани, рассказъ <i>Сибиряка</i>	60
XI. Енисейская губернія, статистико-экономич. очеркъ, <i>Ал. Голод—ва</i> .	68
XII. Поездка изъ Зайсана на Черный Иртышъ, дорожныя впечатлѣ- нія, <i>Ев. К—ва</i>	75
XIII. Роль Сибирской желѣзной дороги въ дѣлѣ колонизаціи края <i>Ю.</i> <i>О. Горбатовскаго</i>	82
XIV. Театры въ Сибири <i>С. Ярославцева-Сибиряка</i> и <i>В. Д.</i>	86
XV. Смѣсь. (Сибирскіе отголоски), <i>Гвидона</i>	89
XVI. Библиографія, <i>В. Дол—ова</i>	96
XVII. Communication par eau de la Sibérie.	1
XVIII. Объявленія.	

Портреты, виды и типы (Portraits, vues et types):

1) С. А. Ярославцевъ-Сибирякъ. (Serge Alexandre Iaroslaitzef-Sibiriak, artiste dramatique et entrepreneur du théâtre en Sibérie). 2) Пловучій театръ С. А. Ярославцева-Сибиряка на р. Ленѣ. (Théâtre flottant sur le fleuve de la Léna, appartenant a m-r S. A. Iaroslaitzef-Sibiriak). 3) Церковь въ Зайсанѣ, Семипалатинской области. (L'église dans la ville Zaïsan, gouvernement de Semi-palatinsky). 4) Домъ Губернатора и Интендантскій садъ въ Иркутскѣ. (La maison du gouverneur et jardin d'intendant a Irkoutsk).

Редакторъ-издатель **В. А. Долгоруковъ.**

Годъ III.

Іюнь (Juin).

1901 г.

Сибирскій НАБЛЮДАТЕЛЬ.

L'OBSERVATEUR SIBÉRIEN.

(ВЫХОДИТЬ ДВѢНАДЦАТЬ РАЗЪ ВЪ ГОДЪ).

Книга 6.

ТОМСКЪ.

Паровая Типо-Литографія П. И. Макушина.

1901.

Дозволено цензурою. Томскъ, 17 іюня 1901 года.

Сибирская тайга.

(Эскиз).

... Едва лишь увидѣвъ тайгу, — я полюбилъ ее.

Она манила меня своей синей далью, уходившей въ небо, косматой гривой лѣсистыхъ горъ, мрачныхъ, какъ тучи, грозныхъ, какъ стѣны твердынь; темными стѣнами лиственницъ, упорно взбирающихся по обрывистымъ берегамъ рѣкъ; таинственнымъ шумомъ сосноваго бора...

Сначала я могъ любоваться ею только издали. Судьба гнала меня впередъ — въ глубь тайги, на далекій сѣверъ, по рѣкамъ, окутаннымъ туманами, по дорогамъ, утопавшимъ въ облакахъ пыли. Вездѣ предо мною была тайга! Она разступалась и открывала узкій проходъ: ложу рѣки, извилистой просѣкъ дороги, телеграфнымъ и верстовымъ столбамъ... Она была справа и слѣва, но я небылъ воленъ свернуть съ пыльной дороги въ ея таинственную глубину. Я проникалъ туда воображеніемъ. Моя мысль блуждала среди высокихъ сосенъ, могучихъ кедровъ, темнозеленыхъ пихтъ съ верхушками, похожими на стрѣлы.

Что тамъ таится въ этихъ недоступныхъ для меня дебряхъ, на днѣ океана деревьевъ? Тамъ — иная жизнь иной воздухъ, иные звуки...

Далеко, на сѣверѣ, на рѣкѣ Оби, когда высокія горы береговъ Иртыша, все понижаясь, ушли въ землю и, долго сдерживаемое цѣпами каменныхъ глыбъ, теченіе рѣки разлилось по низинамъ, — тайга изъ мрачной и темной неожиданно сдѣлалась веселой, смѣющейся какъ садъ. Сосновые и кедровые лѣса, могучіе, какъ скалы, дающіе имъ пріютъ и поднимающіе ихъ къ облакамъ, — постепенно смѣнились березовыми рощами, бѣлоствольными и свѣтлозелеными.

Ночь темная и синяя, вѣнчающая вершины сосенъ узорами звѣздъ, серебрящая искрами лунныхъ лучей оголенное чело скалъ, — смѣнилась бѣлою ночью, объята розовымъ пламенемъ зари, прикрытой прозрачной волнистой сѣткой тумана.

Какъ чудно хороша тайга въ бѣлыя лѣтнія ночи, при угасающемъ сіяніи звѣздъ и разгорающихся огняхъ зари! Она полна вѣги и грезъ и чужда представленій о суровости и дикости сибирскихъ ландшафтовъ.

Утромъ, когда еще прозрачный сумракъ ходилъ подвижной стѣной между краемъ рѣки и краемъ лѣса и восходящее солнце золотило зардѣвшіяся облака, — среди бѣлыхъ стволовъ березо-

вой роши показались остроконечные шалаши изъ коры. Они курились струйками голубоватаго дыма. Баржа остановилась у берега, окаймленнаго кудрявыми, свѣтлозелеными зарослями.

Изъ шалашей вышли какіе то приземистые черноволосые, одѣтые въ шкуры, люди. Въ рукахъ они имѣли пучки рыбъ на веревкахъ, скрученныхъ изъ прутьевъ тальнику. Всѣ они казались мнѣ темнолицыми, узкоглазыми, старообразными и похожими другъ на друга. Они кричали намъ что-то на непонятномъ языкѣ, потрясая своими рыбами. Эти обитатели лѣсныхъ трущобъ показались мнѣ какими то сказочными существами среди обстановки, не виданной дотолѣ...

Мы купили у нихъ рыбы; баржа тронулась и они исчезли въ заросляхъ.

Отдѣленный отъ воли желѣзными полосами рѣшетки, цѣпью часовыхъ и волнами рѣки,—я позавидовалъ обитателямъ тайги; позавидовалъ ихъ дикости, свободѣ, зеленому простору ихъ владѣній. Я тосковалъ въ душномъ трюмѣ баржи и мечталъ о дикой волѣ, о просторѣ. О томъ просторѣ, при видѣ котораго въ тундрахъ дальняго сѣвера многихъ путешественниковъ охватывало желаніе стать номадами, завести стадо оленей и блуждать по пустынямъ, неограниченнымъ ничѣмъ, кромѣ неба и моря; вести спокойную жизнь, чуждую требованіямъ вѣка, въ скромномъ счастіи и довольствѣ...

А великая, многоводная Обь несла наше судно по своимъ мутнымъ волнамъ, среди березовыхъ лѣсовъ, поросшихъ тальникомъ острововъ, на половину затопленныхъ водою. Весенній день, блестящій синевой неба, смѣнялся бѣлой ночью... По берегамъ мимо насъ бѣжали лѣса, въ серебряномъ туманѣ сумерокъ, въ розовыхъ огняхъ зари, переходящей въ пожаръ небосклона... Едва опустившееся солнце поднималось вновь и бѣлая ночь падала на землю росой, осыпая жемчугомъ кусты и заросли.

На великомъ пути, „проторенномъ цѣпями“, по Московскому тракту,—тайга шла стѣнами хвойныхъ лѣсовъ то карабкающихся по горамъ къ небу, то сползающихъ въ глубину ущелій. Темная, непроницаемая, она давала пріютъ бродягамъ, отщепенцамъ и неудачникамъ, выброшеннымъ за бортъ жизни, жертвамъ неутомимой борьбы за существованіе, царящей въ мірѣ. Эта борьба обратила ихъ въ нищихъ, лишила родины и крова, озлобила и извратила ихъ души. Они находили пріютъ въ зеленомъ просторѣ тайги до тѣхъ поръ, пока трескучій морозъ и вьюга не прогоняли ихъ въ общество людей: въ тюрьмы, больницы, этапы, притоны бездомной голыдьбы. Общество враждебно встрѣчало этихъ отщепенцевъ за то, что они жили не такъ, какъ живутъ всѣ, а жили, какъ имъ хотѣлось... Общество овладѣвало ими и сводило съ ними старые счета...

Лохматые, оборванные, съ котелками въ рукахъ прокрадывались эти люди въ деревни и села, просили подаянія подъ окнами избъ и опять скрывались въ тайгѣ.

Какъ ни жалка скитальческая жизнь этихъ людей, но она свободна и завидовали этой жизни узники, за стѣнами этаповъ...

Осенью въ пасмурные дни, похожіе на вечеръ, когда мутные тучи ложились на пожелтѣвшіе лѣса и потоки дождя заливали землю,—печальный видъ имѣла тайга и казалась полной скорби и слезъ... Казалось, она плачетъ, вспоминая весенніе дни, зеленое раздолье лѣта...

Въ бурю она полна рыданій и стоновъ и походить на разбушевавшееся море; громады тучъ, какъ волны, несутся по небу, затемняя звѣзды... Кажется, среди грохота и воя бури, что все движется, все дрожитъ и грозитъ рзрушеніемъ, что дрожатъ деревья и тучи, и звѣзды... Кажется, что погаснутъ звѣзды на небѣ, и свалится—ляжетъ лѣсъ на землю подъ напоромъ вѣтра.

Но тайга стойко выдерживаетъ бурю и защищаетъ поля и луга отъ леденящаго дыханія тундръ...

*
* *

Когда я ѣхалъ по Ленѣ, тайга уже оцѣпенѣла отъ зимней стужи.

Бѣлая одежда зимы придала ей своеобразную красоту. Зимнее солнце въ морозномъ туманѣ походить на огненный шаръ, повисшій въ воздухѣ. Онъ недолго виситъ на небѣ, надъ лѣсами, одѣтыми серебрянымъ пухомъ, надъ скалами, надъ дымящимися юртами. Онъ падаетъ куда то, въ глубину ущелій, на каменное дно горной рѣчки... Небо темнѣетъ; ночь раскрываетъ свои безчисленные огненные очи и глядитъ на громады причудливыхъ горъ, толпящихся по обоимъ берегамъ Лены.

Какъ онѣ величественны, эти горы, какъ поражаютъ неожиданностью формъ и очертаній!

Кажется, что вся эта картина: ночь, тайга и горы—не дѣйствительность, а мечта; заколдованный міръ сказаній и легендъ, поэтическія грезы сѣвернаго скальда, задремавшего на вершинѣ скалъ фіорда...

Изъ глубины тайги, чернѣющей по падямъ, встаютъ развалины циклопическихъ построекъ: разломанные стѣны, ворота изъ огромныхъ глыбъ.... все это еще держится, противостоитъ вѣкамъ и стихіямъ; но трещины испещрили каменные глыбы и изъ трещинъ растутъ деревья... Груды камней нависли темными пещерами, легли въ картинномъ безпорядкѣ по склонамъ горъ и чудится, что здѣсь недавно происходила борьба или игра титановъ, разломавшихъ горы и поражавшихъ другъ друга обломками скалъ... И сюда, въ каменное, бесплодное лоно горъ, про-

бирается тайга. Отдѣльные деревья и группы деревьевъ растутъ между глыбъ, пласты снѣга узорчатою бахромой висятъ на вѣтвяхъ и звѣзды зажигаютъ на сугробахъ свои холодныя искры...

Вотъ появляется на скалѣ полуразрушенный замокъ, съ зубчатыми стѣнами, башнями, бойницами, стрѣльчатыми окнами, остроконечными крышами, подъемными мостами, висящими надъ бездною... Появляется среди готическихъ башенъ луна и льетъ на карнизы и грани стѣнъ свой блѣдный свѣтъ, такъ гармонирующій съ развалинами, кладбищами, памятниками сѣдой старины. Совсѣмъ средне-вѣковая картина!...

Если бы не сугробы, глыбы льдинъ на рѣкѣ и туманъ ледяныхъ пылинокъ, свѣтящихся фосфорическимъ свѣтомъ, — можно было бы подумать, что находишься на берегахъ Рейна и видишь развалины средне-вѣковаго замка. Если глядѣть на вершины горъ то, иллюзія очень сильна.... Это Bergshloss изъ стихотвореній Гете:

Da, droben auf jenem Berge
Da steht ein altes Sshloss,
Wo hinter Thoren und Thüren,
Sonst lauerten Ritter und Ross.
Verbrant sind Thüren und Thoren
Und überall ist es so still!...

Да, тишина здѣсь совершенная. Пустыня молчитъ и не слышно, на сотни верстъ кругомъ, звука жизни: звона колоколовъ, свистковъ фабрикъ, жужжанія людскаго муравейника въ городахъ...

Тиха морозная ночь; застыла буря и легла на землю снѣжными волнами. Изрѣдка только раздается подо-льдомъ грохотъ, похожій на выстрѣлъ изъ пушки. Колоколичикъ кибитки гремитъ однозвучно, лошади стучатъ копытами, полозья скрипятъ, ящикъ поетъ грустную сибирскую пѣсню...

Эти звуки теряются въ безбрежной шири рѣки, среди высокихъ скалъ, точно застываютъ и глохнутъ въ густомъ морозномъ воздухѣ....

Развалины замковъ тянутся одни за другими вдаль, и нѣтъ въ нихъ живыхъ существъ—рыцарей, кнехтовъ, трубадуровъ. Только каменные изваянія лѣпятся по стѣнамъ и карнизамъ и оживленные луной призраки носятся надъ ними.

Эти призраки вліяютъ на душу невольнаго странника, жадно всматривающагося въ даль невѣдомой пустыни, которая должна замѣнить для него родину, и наполняютъ ее образами минувшихъ временъ... Припоминаются древнія баллады и сказанія, романическая поэзія, стихи Уланда, Гете... Лѣса, дремлющія въ лунномъ сіяніи, и случайно разбросанныя глыбы камней, получаютъ опредѣленные, гармонирующія съ настроеніемъ очертанія.

Вотъ чудится одинокая часовня, среди черного лѣса; блѣдный лучъ лампы, зажженной надъ гробницей, сколзить по каменной стѣнѣ и кто-то „не здѣшній“, темный, съ непроницаемымъ лицомъ и огненнымъ взоромъ, сидитъ на камнѣ и ждетъ безстрашнаго рыцаря Роланда. А дальше уже вѣдутъ по лѣсу парно черные рыцари и стоитъ у пещеры конь въ черной попонѣ, и движется пустота, полная таинственныхъ призраковъ... Тамъ въ густомъ лѣсу, на вѣковомъ утесѣ, спитъ Гаральдъ, боецъ съдой и сквозь сонъ хватается за мечъ, при ледяномъ рокотѣ рѣки, при каменномъ грохотѣ разсѣдающейся скалы... Далѣе — лѣсной царь въ алмазной коронѣ, среди вѣтвей лѣса, сошедшаго съ горъ къ рѣкѣ по темной разсѣлинѣ. Онъ сыплетъ серебро и перлы по сугробамъ и манитъ путника въ глубь лѣса, полного чудесъ... Въ душѣ звучатъ мѣрные стихи прелестной баллады:

.....Веселаго много въ моей сторонѣ:

Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи;

Изъ золота слиты чертоги мой...

Настроение это ослабѣваетъ при пасмурномъ свѣтѣ дня: горы, замки, развалины тусклы и неподвижны и уныла тайга подъ мутнымъ небомъ въ сугробахъ, блѣдныхъ какъ саванъ, не освѣщенныхъ ни золотомъ солнца, ни серебромъ луны, ни мерцающими огнями звѣздъ. Настанетъ ночь, поднимется луна, и вновь оживить развалины замковъ, часовень и населить ихъ волшебными видѣніями...

* * *

...Подъ Якутскомъ показался высокій „Кангаласскій камень“, упоминаемый въ извѣстной поэмѣ Рылѣева: „Войнаровский“.

Былъ вечеръ. Заходящее зимнее солнце, багряное отъ давленія мороза, освѣщало кровавымъ отблескомъ голую вершину. Высокій, темный крестъ одиноко стоитъ на вершинѣ. Онъ казался еще выше и чернѣе въ огняхъ небосклона... Сколько думъ наводитъ на изгнанника этотъ символъ страданія и скорби!...

Гдѣ-то вблизи этого камня жилъ знаменитый Войнаровский *), по преданію замерзшій на могилѣ жены. Я закрывалъ глаза и

*) *Войнаровский* — полковникъ малороссійскихъ казаковъ, врагъ Петра, сторонникъ Мазепы — онъ дѣйствительно умеръ въ ссылкѣ; но жена его Анна, кажется, жила въ Швеціи. Войнаровский Андрей былъ роднымъ племянникомъ гетмана Мазепы и соучастникомъ его замысловъ стремившихся къ образованію изъ Малороссіи самостоятельнаго независимаго государства. Послѣ Полтавской битвы, гдѣ шведскіе войска подъ предводительствомъ самого короля Карла XII и малороссійскіе, дѣйствовавшіе съ ними за одно, подъ предводительствомъ Мазепы, были разбиты, Войнаровский бѣжалъ въ Германію; но, по требованію Петра I, былъ вызванъ изъ Гамбурга и сосланъ со всей семьей въ Якутскъ, гдѣ умеръ въ 1740 г. Извѣстный поэтъ первой четверти XIX столѣтія Кондр. Ѳед. Рылѣевъ взялъ его ссылку и страданія, вынесенныя имъ въ ней, сюжетомъ для своей даровитой поэмы, которая и явилась въ свѣтъ подъ названіемъ: „Войнаровский“. *Примѣч. редак.*

мнѣ казалось, что я вижу высокую фигуру подъ одинокимъ крестомъ. Изгнанникъ съ нѣмою скорбью смотритъ на снѣжную равнину, назначенную ему могилой. И вспоминается ему прошлое: мечты о славѣ казачества, о счастіи роднаго края, гордыя надежды, погибшія на полѣ брани... Вмѣсто славы и счастія его постигла горькая участь—неволя въ царствѣ морозовъ и выюгъ. Но она не сломила его гордой души, его свободныхъ думъ и, умирая, онъ, можетъ быть, думалъ о родинѣ, мечталъ о томъ, что другіе ея сыны, болѣе сильные и счастливые, воскресятъ надежды, погибшія на полѣ битвы...

Его скорбь, непонятная дикому народу береговъ Лены, дѣлала его какимъ то сверхчеловѣкомъ въ глазахъ якутовъ... Не съ кѣмъ ему было подѣлиться мыслями; онъ умеръ и не передалась его скорбь въ другія сердца.

Въ Якутскѣ я оставилъ берега Лены и очутился въ убогой юртѣ среди сосноваго бора.

Меня привезъ въ эту юрту маленькій казакъ, едва достававшій головой моего плеча, одѣтый въ якутскую одежду и обувь. Если бы не папахъ съ краснымъ верхомъ, онъ совершенно походилъ бы на якута. Онъ былъ безъ всякаго оружія и самъ правилъ лошадыю. По русски онъ говорилъ плохо и только зналъ хорошо русскія пѣсни—единственное наслѣдіе отцовъ, завоевателей этой великой и обильной земли.

Переправившись за городомъ черезъ рѣку, мы очутились въ тайгѣ и поѣхали по узкой тропинкѣ. Сосны и ели чередовались съ лиственницами; по сторонамъ шли тропинки. Тамъ и сямъ, среди бора, попадались поляны съ усадьбами якутовъ. Разбросанные въ безпорядкѣ на огромномъ пространствѣ, жилища эти напоминали первыя поселенія славянъ, или германцевъ того времени, когда Тацитъ восторгался ихъ нравами и ставилъ ихъ въ примѣръ культурнымъ римлянамъ.

Эти жилища расположены, по большей части, по берегамъ озеръ и имѣютъ своеобразный видъ: юрта въ снѣговой шапкѣ, съ каминомъ, сыплющимъ снопы искръ по воздуху; скотъ, бродящій около стоговъ сѣна, огороженнаго жердями; тутъ же въ сторонѣ могилы предковъ, осѣненные крестами, а дальше опять лѣсъ; лѣсъ—вольный, никѣмъ не охраняемый, никѣмъ не оберегаемый отъ людей... Каждый якутъ имѣетъ цѣлую территорію въ своемъ пользованіи!...

Вечеръ, озаренный луной, засверкалъ въ снѣгахъ и зажегъ звѣзды на вершинахъ пихтъ, когда мы съ казакомъ подѣхали къ юртѣ родоваго старосты.

Согнувшись, мы вошли черезъ узкія двери, обитыя кожей, въ юрту, и я въ первый разъ увидѣлъ, какъ живутъ обитатели тайги.

Въ юртѣ было тѣсно и грязно. Полъ былъ земляной; кругомъ, вдоль покатыхъ стѣнъ, опиравшихся на столбы, тянулись почернѣвшія полати; вмѣсто стеколъ—въ окнахъ были льдины; телята лежали въ углу и въ дверь, ведущую въ другую смежную юрту, служащую хлѣвомъ, просовывала голову корова...

Я понялъ, почему въ такой обстановкѣ тоскуетъ русскій человѣкъ. Его давятъ наклонныя стѣны, повергають въ печаль ледяныя глыбы въ окнахъ, одуряетъ запахъ скотнаго двора... Только каминъ, блестящій потоками пламени, льющій расплавленное золото на очагъ, веселитъ это мрачное жилище!

Изъ полумрака дальнихъ угловъ юрты вышелъ скуластый сѣдой якутъ въ грязной рубахѣ изъ синей дабы. Это былъ староста—мое новое начальство. Онъ указалъ юрту, куда меня помѣстить, и я сдѣлался обитателемъ тайги.

Наконецъ-то, теперь я могъ свободно любоваться ею, бродить подъ сводами могучихъ раскидистыхъ сосенъ, тонкихъ мохнатыхъ пихтъ, елей, похожихъ на пирамиды; могъ ходить по звѣринымъ слѣдамъ, которыми были испещрены снѣга; могъ свободно замерзнуть въ сугробахъ, застыть въ скорбной думѣ о родинѣ и загубленной жизни.

Но тайга, которую я начиналъ любить, не осталась безучастной ко мнѣ; она отвѣтила мнѣ взаимностью, вдохнула въ меня бодрость, дала силы выносить страданія и одиночество. Она утѣшала меня въ злосудныхъ, которымъ подвергли меня люди.

Лишенный воли, друзей, общества и участія себѣ подобныхъ—, я находилъ счастье въ общеніи съ природой. Дѣвственная и суровая по внѣшнему виду, она щедра и радушна къ людямъ; она справедлива къ нимъ, чѣмъ роскошная природа юга, немногихъ надѣляющая земными благами и обрекающая на голодъ массы. Она всѣмъ даетъ одинаково,—всѣмъ, кто желаетъ трудиться.

Тайга (здѣсь въ Якутской обл.) еще такъ велика и неприступна, что люди не успѣли еще подѣлить ее между собою и начать борьбу за обладаніе ею. Я любилъ тайгу за то, что она еще свободна и дика, не обложена данью, не служитъ ареной торжища и соперничества людей.

Закутанный въ оленьи мѣха, съ ружьемъ на плечѣ, я бродилъ на опушкѣ тайги, наслаждаясь ея просторомъ, пустынностью, безлюдіемъ. Чувство восторга и благоговѣнія охватывало меня всего: я не испытывалъ такихъ чувствъ при созерцаніи природы на родинѣ, гдѣ такъ тѣсно и людно, гдѣ каждый старается столкнуть своего ближняго съ „хлѣбнаго мѣста“ и самому занять его.

Передо мною въ глубокихъ снѣгахъ лежало огромное озеро, чистое, какъ-бы залитое алебастромъ. Оно горѣло по краямъ

багрянцемъ зари и далеко шелъ розовый отблескъ ея; нѣжный, какъ румянецъ молодыхъ щекъ, онъ гармонировалъ съ бѣлизною снѣга. На крутомъ берегу озера было разбросано якутское кладбище и придавало этой пустынной мѣстности своеобразный видъ. Памятники на могилахъ—деревянные срубы съ крышами и крестами походили на маленькія часовеньки. На другомъ берегу виднѣлась крошечная юрта; струйка синяго дыма стояла надъ ней неподвижно въ морозномъ воздухѣ. Невозмутимая тишина царила кругомъ... Вдругъ раздавался какой-то таинственный звонъ, какъ бы изъ глубины озера, проносился въ воздухѣ и застывалъ въ вышинѣ. Это было похоже на стонъ или на крикъ изумленія... Этотъ звукъ отдавался въ моемъ сердцѣ; я какъ бы просыпался отъ долгаго сна и оглядывался вокругъ: „Гдѣ я?“ Ахъ, какъ далеко отъ людей, отъ жизни, отъ свѣта!“

* *

Эта захватывающая даль, непостижимая для жителя городовъ, манила меня къ себѣ и судьба предназначила мнѣ извѣдать самые дальніе уголки тайги.

Я уѣхалъ въ далекую страну, за полярный кругъ.

Отъ Якутска еще 3000 верстъ до этой страны. Лѣто тамъ коротко, какъ мигъ. Понятіе зима и ночь тамъ синонимы. Это ночь страшная, какъ кошмаръ; темная, какъ мракъ пещеры; скучная, какъ стонъ вѣтра, воющаго въ лѣсахъ. Только сѣверное сіяніе, какъ отрадное сновидѣніе ночи, свѣтитъ за гранью ледяныхъ горъ...

Такой представлялась моему воображенію эта земля.

Но тамъ живутъ-же люди? Да, живутъ, но о нихъ очень мало извѣстно. Съ помощью воображенія я заранѣе переносился въ эту страну, черезъ отдѣляющее меня отъ нея огромное пространство, въ которомъ нѣтъ дорогъ. Я начиналъ привыкать къ пустынѣ, но, все таки, мнѣ жутко было забираться такъ далеко отъ родины.

Мнѣ суждено было узнать и эти самыя отдаленныя области тайги и полюбить ихъ.

Теперь въ моемъ воображеніи встаютъ знакомыя рѣки, озера, горы, весь этотъ широкій просторъ, которымъ я владѣлъ когда то, вмѣстѣ съ коренными жителями этой земли. Въ извѣстномъ смыслѣ я владѣлъ тамъ всѣмъ. Я могъ брать все, что хотѣлъ, въ рѣкахъ, лѣсахъ озерахъ; брать все, безъ чего нельзя тамъ жить и что, въ тоже время, не имѣетъ тамъ особенной цѣны, потому что удовлетвореніе собственныхъ потребностей есть источникъ и цѣль обладанія дарами природы.

Свобода пользоваться всѣмъ, что разстилалось предо мною, была дорога мнѣ потому, что до этой поры я никогда въ жизни

не испытывалъ такой свободы... Здѣсь съ полнымъ правомъ я могъ воскликнуть словами поэта:

... frische Nahrung neues Blut
Saug'ich aus freier Welt!...

Всюду, гдѣ я жилъ раньше, земля была описана, изслѣдована, полита потомъ, кровью, слезами, подѣлена на клочки и каждый клочекъ имѣлъ своего хозяина. Я не могъ перейти за изгородь безъ того, чтобы не нарушить чьихънибудь правъ. Въ далекой полярной странѣ все было свободно и не имѣло хозяевъ: рѣки, озера, покосы...

Тамъ я испыталъ новыя чувства, видѣлъ новыя красоты въ природѣ, новые цвѣта и огни въ небѣ, слышалъ новые звуки, думалъ новыя мысли и это вознаграждало меня за лишенія.

Зимою я наблюдалъ, какъ безконечная пустыня, охваченная глубокимъ сномъ, грезилъ при огняхъ сѣвернаго сіянія. Какія то огромныя тѣни двигались по небу, минуя звѣзды, ловя другъ друга въ синемъ просторѣ, среди огненныхъ столбовъ. Можетъ быть, я, не видѣвшій раньше ничего подобнаго въ природѣ, воспринималъ все это странно. Вся пустыня говорила моей душѣ, отражалась въ ней. И я не забуду того, что говорила она мнѣ...

И увидѣлъ я предѣлъ тайги—„край лѣсовъ“!

Здѣсь деревья становятся ниже и меньше. Кривыя, чахлыя, сучковатыя они ведутъ упорную борьбу за существованіе, отстаиваютъ грудью каждый клочекъ земли, гибнутъ въ болотахъ, трясинахъ, черной смолой разливающихся на ледяной почвѣ.

Борясь за право жизни, они все идутъ впередъ по трупамъ товарищей, среди черныхъ обугленныхъ пожарами, сломанныхъ пургой пней, среди косматыхъ кочекъ и сѣрыхъ мховъ. Это передовые бойцы огромной арміи деревьевъ, ограждающихъ тайгу отъ напора бурь. Они становятся все рѣже и мельче и, наконецъ, исчезаютъ. Только приземистый ползучій кустарникъ прокрадывается въ тундру, скрываясь среди кочекъ и неровностей почвы.

Вьюги безвредно проносятся надъ нимъ. Безконечныя голыя равнины, окаймленные голыми холмами тянутся на сѣверъ и теряются въ дали, лѣтомъ окутанной лиловымъ зимою—мутнымъ туманомъ. Тамъ океанъ: ледъ, вода и небо...

И этотъ безотрадный край, гдѣ кончается тайга, имѣетъ свои красоты; для того, чтобы найти ихъ, надо любить природу...

Сибирская тайга научила меня довольствоваться слишкомъ скромнымъ счастьемъ: счастьемъ сливаться душой съ природой.

Какъ бы бѣдна, однообразна и угрюма не была природа, она возвращаетъ душѣ миръ и спокойствіе, нарушенные бурями жизни...

А. Клюге.

*
*
*

Повремени... не подводи итоги,—
Быть можетъ, преждевременны они...
Бываетъ такъ, что сходятся дороги...

Повремени!

Не осуждай, чтобъ быть не осужденной.
Взойдетъ заря,—освѣтитъ наши дни,—
Къ тебѣ приду, душою обновленный...

Повремени!

Насильемъ злу противиться ненадо.
Ни словомъ ты, ни дѣломъ не казни,
И въ чашу лить за каплей каплю яда

Повремени!

Съ своей судьбою примиришь покорно.
Какъ фарисей, кричать: „распни! распни!“
Того, кто такъ тебя любилъ упорно,

Повремени!

Придетъ весна,—природа оживится,
Воскреснутъ снова радостные дни...
Мой добрый другъ! въ отчаяньи томиться

Повремени!

Дай руку мнѣ,—друзьями станемъ снова...
Гасить любви счастливые огни,
Глядѣть надменно, холодно, сурово

Повремени!..

... ..
Въ душѣ больной и выстрадавшей много
Надеждъ святыхъ навѣкъ не хорони...
Роптать всегда на участь и на Бога

Повремени!

Дм. Вольфсонъ.

Сибирская казачка.

(Разсказъ).

Село Туранъ находится въ одной изъ живописнѣйшихъ мѣстностей Иркутской губерніи. Куда ни кинешь взглядъ, повсюду видишь одни огромные лѣса, то тянущіеся по безконечнымъ равнинамъ съ неподвижнымъ, необъятнымъ моремъ сплошной зелени, то разбросанные по вершинамъ и склонамъ причудливой формы холмовъ, словно колоссальныя, гигантскія остановившіяся волны. А тамъ, дальше опять безчисленныя цѣпи холмовъ, теряющихся далеко—далеко въ туманѣ какимъ то заколдованнымъ царствомъ. Но несмотря на всю заманчивую прелесть окружающей его мѣстности, Туранъ принадлежалъ и принадлежитъ еще понынѣ къ тѣмъ немалочисленнымъ въ Сибири селамъ, о которыхъ невольно спрашиваешь себя: и для чего собственно они существуютъ? Еще интереснѣе, еще сложнѣе былъ бы вопросъ,—какъ они существуютъ, вопросъ, который у насъ очень рѣдко себѣ задаютъ. Состояли они изъ десятковъ восьми домовъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ и только рѣдко образующихъ нѣчто похожее на улицы. Эти то дома и составляли главный центръ или то, что собственно называли „селомъ“. Далѣе, приблизительно въ полуверстѣ отъ этого центра и отдѣляясь отъ него большимъ лугомъ, стояли десятка три бурятскихъ юртъ, окруженныхъ небольшими плетеными заборами и лѣтомъ утопавшихъ въ густой зелени лѣса.

Эта часть села у туранскихъ жителей была извѣстна подъ названіемъ „Контрабанднаго тракта“. Что же касается собственно села, то оно исключительно было населено одними казаками. Дома въ немъ, точно также какъ и юрты бурятъ, были построены изъ тоненькихъ бревенъ, обитыхъ досками; въ окнахъ стекла замѣняютъ бычачьи пузыри. Есть въ Туранѣ нѣсколько домиковъ красивыхъ; особенно красивы тѣ изъ домовъ, которые сосредоточивались вокругъ большой площади, бывшей когда то торговымъ центромъ, въ тѣ блаженные годы, когда, по словамъ мѣстныхъ обывателей, Туранъ процвѣталъ во всѣхъ отношеніяхъ и когда всѣ имѣли свой кусокъ хлѣба съ почетомъ.

Этотъ золотой вѣкъ села относится къ той счастливой, незабвенной эпохѣ, когда въ 20 верстахъ отъ него находились золотые пріиски, гдѣ жилъ управляющій, а иногда, лѣтомъ большею частью, и самъ владѣлецъ пріисковъ. Золотой пріискъ цѣлый годъ занималъ человѣкъ триста рабочихъ, которые тамъ жили, не говоря уже о какихъ нибудь сверхштатныхъ починкахъ или постройкахъ, очень часто тамъ производившихся,

когда число людей, бывало, тамъ удвоивалось. Кромѣ того, во время лѣтнихъ шахтовыхъ работъ тамъ сосредоточивались сотни временныхъ рабочихъ, для которыхъ все нужное закупалось въ Туранѣ. Золотой приискъ, помимо того, привлекалъ массу торговцевъ хлѣбомъ, мясомъ, масломъ и т. д. и т. д. Словомъ—жить можно было „полнымъ ртомъ“.

Само собою разумѣется, что въ этомъ прославленіи „прошлыхъ годовъ“ не обошлось безъ очень значительныхъ преувеличеній, и о нихъ говорили со вздохомъ и такіе люди, которыхъ отцы, дѣды и прадѣды точно также вздыхали о тѣхъ же „прошлыхъ годахъ“, врядъ ли зная, къ какой собственно эпохѣ относятся эти дни всеобщаго блаженства на землѣ. Какъ бы то ни было, но, лѣтъ за тридцать до описываемой эпохи, золотые прииски были заброшены и совершенно запустѣли, а съ ними стало пустѣть село и, наконецъ, оно превратилось въ какую то заброшенную, забытую всѣми пустыню, куда никто никогда не проникалъ.

Только начальство въ лицѣ земскаго засѣдателя или исправника вспомнить иногда о несчастной оставленной сиротѣ, что, однако, по свойственной человѣческой натурѣ черной неблагодарности, неособенно радовало туранскихъ жителей. Напротивъ того, —колокольчикъ“, возвѣщавшій о приближеніи представителя отеческой власти, ввергалъ ихъ въ истинный ужасъ. Еще большій ужасъ наводило на нихъ самое лицезрѣніе „кокарды“, которую они никакъ не могли научиться созерцать безъ смертельнаго страха и трепета.

По словамъ туранскихъ жителей, которымъ, конечно, читатель не придастъ много вѣры, это появленіе попечительнаго начальства не только ничего селу не приносило, а, напротивъ того, еще много, будто бы оттуда уносило. Правда, взамѣнъ полученныхъ воздаяній, его благородіе читало обитателямъ сильное, энергичное слово съ чисто національными приправами. Но, по тѣмъ же неособенно достовѣрнымъ утвержденіямъ туранскихъ жителей, выходило, будто, что подобное слово, хотя и часто сопровождавшееся трогательнымъ трепаніемъ ихъ за бороды и еще многими другими проявленіями отеческой нѣжности, они могли, безъ особенныхъ денежныхъ жертвъ, услышать въ любое воскресенье отъ своего любого *командира*, особенно, если сей послѣдній подкрѣпитъ себя предварительно нѣсколькими чарками „голдобинской“.

Но исчезнетъ страшная кокарда, стихнетъ не менѣе страшный колокольчикъ, и село—на время встревоженное, запуганное, наполненное шумомъ и эхомъ отъ крѣпкихъ словъ и энергичныхъ рукоположеній, снова погрузится въ прежнюю неподвижность и дремоту до новаго наѣзда. И эта неподвижность, эта дремота

нисколько не нарушатся выползаніемъ вдругъ на свѣтъ Божій чуть ли не цѣлой половины мужскаго населенія, лежавшаго за-прятаннымъ съ затаеннымъ дыханіемъ на какомъ нибудь чердакѣ или гдѣ либо въ подпольѣ, во все время пребыванія начальника.

Въ этомъ-то селѣ жила вдова—казачка по имени Ариша. Это была женщина лѣтъ тридцати восьми, высокая, плотная, коренастая, съ очень смуглымъ и чрезвычайно пріятнымъ лицомъ и большими темно-сѣрыми глазами. Ротъ у нея былъ нѣсколько большой, губы полныя, неплотно смыкающіяся, дававшія возможность видѣть ея не особенно правильные, но очень бѣлые зубы, и вмѣстѣ съ тѣмъ придававшіе всему ея лицу выраженіе необычайной доброты. Вся ея мощная фигура дышала какой то силой и энергіей и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣла въ себѣ нѣчто невыразимо мягкое, нѣжное.

Не смотря на многія неправильности ея чертъ, на ея тридцать восемь лѣтъ, она еще въ описываемую эпоху производила впечатлѣніе красивой женщины.

— „Не сказали бы: „молодая дѣвушка“, обыкновенно говорили о ней, не безъ нѣкоторой примѣси зависти, туранскія женщины, завидя издали ея прямой красивый станъ, тѣсно охваченный неизмѣннымъ ни лѣтомъ, ни зимой бумазейнымъ платьемъ.

„Настоящій гвардеецъ“, говорили о ней мужчины, оцѣнивая этимъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ея моральныя качества, т. е. необычайную энергію, трудолюбіе, силу воли и т. п. Дѣлать же каковы либо хоть малѣйшій намекъ на физическія прелести женщинъ считалось въ Туранѣ для мужчинъ чуть ли не безнравственностью. Это уже, по меньшей мѣрѣ, обнаружило бы, что восхваляющій эти прелести видѣлъ ихъ, присматривался къ нимъ. Ну, а смотрѣть на женщинъ, да еще присматриваться къ нимъ, въ Туранѣ считалось очень и очень предосудительнымъ.

Какъ бы то ни было, но объ Аришѣ говорили въ селѣ больше, чѣмъ о всякой другой женщинѣ сначала недружелюбно, съ досадою, съ нѣкоторой даже злобой, а въ послѣдствіи — съ единодушнымъ одобреніемъ и уваженіемъ.

Это, однако, объяснялось не столько ея выдающимися качествами, сколько тѣмъ обстоятельствомъ, что она была вдова, т. е. беззащитнымъ существомъ. А ужъ извѣстна слабость людей — брать подъ свой контроль всѣхъ беззащитныхъ, не для защиты ихъ, конечно, а такъ, для опеканія, для заглядыванія имъ въ душу, въ *горшокъ*.

Состояла она уже вдовою около двѣнадцати лѣтъ. Ея мужъ, за котораго она вышла шестнадцати лѣтъ, умеръ, проживъ съ нею около десяти лѣтъ. Хотя она вышла за него, не выдавъ его предварительно до самой минуты вѣнчанія, да и даже въ этотъ

торжественный моментъ взглянувъ на него только мелькомъ, съ сердечнымъ трепетомъ, но, узнавъ его ближе, полюбила его страстно, со всею силою своей пламенной молодой души.

Это былъ тихій, добрый, скромный юноша, не имѣвшій никакого понятія о жизни и ея требованіяхъ и знавшій только свои книги, за которыми онъ провелъ всѣ свои дѣтскіе и юношескіе годы и съ которыми не разставался ни на минуту и въ теченіе десяти лѣтъ послѣ свадьбы. Изъ этихъ десяти лѣтъ пять лѣтъ ихъ супружеской жизни, самые счастливые въ жизни молодой четы, они провели у родителей Ариши въ селѣ Туранѣ, какъ это было установлено въ брачномъ договорѣ.

Родители Ариши были вначалѣ люди болѣе или менѣе состоятельные, но разорились окончательно устройствомъ своихъ дѣтей.

Ариша была у нихъ послѣдняя дочь и потому—самая любимая. Они сдѣлали послѣднее усиліе, чтобы ее пристроить какъ можно приличнѣе, чтобъ ея свадьба прошла съ такимъ же блескомъ, какъ и свадьба другихъ ихъ дѣтей. Только годъ спустя послѣ свадьбы, Ариша замѣтила, до какого разоренія дошли они, хотя тѣ и дѣлали все возможное, чтобы не дать ничего замѣтить своей дорогой дочери.

Ариша, однако, своимъ любящимъ сердцемъ все поняла, и, не задумываясь надъ своей собственной будущностью, стала давать тайно своей матери на все необходимое въ хозяйствѣ изъ своего приданнаго, доходившаго до двухъ тысячъ рублей. Ея молодой мужъ тоже противъ этого ничего не имѣлъ, ибо съ первой же минуты сталъ смотрѣть на Аришу съ какимъ то благоговѣніемъ,—приданное быстро стало уменьшаться. Мать горько плакала объ этомъ цѣлыя ночи, но ничего не могла противъ этого подѣлать.

По истеченіи пяти лѣтъ, они переѣхали и устроились въ Култукѣ, гдѣ жили родители мужа. Открыли они, по обыкновенію, лавочку на остатокъ приданнаго, и такъ бились пять лѣтъ, пока не были съѣдены всѣ деньги вмѣстѣ съ товаромъ. Тогда Павликъ (такъ звали мужа Ариши) рѣшилъ отправиться на витимскіе золотые пріиска, въ надеждѣ найти заработокъ. Дѣло было зимою, а одежда у него была очень плохая. Черезъ мѣсяцъ онъ возвратился домой настоящимъ мертвецомъ, съ страшными коликами и кровохарканьемъ, а черезъ три мѣсяца и умеръ. Страшное, мрачное отчаяніе охватило Аришу. Въ теченіе двухъ лѣтъ ея неодолимое горе было также свѣжо, какъ въ первый день смерти мужа. Весь свѣтъ Божій казался ей противнымъ и ненавистнымъ; она даже иногда доходила до ропота на Бога.

Вырвать у нея изъ сердца ея Павлика! За что, кому онъ или она сдѣлали зло, кого они обидѣли въ своей жизни? За что же такъ жестоко погубить ея молодые годы?

— Нѣтъ, нѣтъ, это несправедливо! думала она въ своемъ отчаяніи и заливалась потоками слезъ. На несчастье у нея еще дѣтей не было.

— Хоть бы ребенка отъ него имѣла бы! И несчастная женщина начинала себѣ рисовать крошечнаго ангелочка съ черными добрыми, задумчивыми глазами отца, съ его большимъ, выпуклымъ лбомъ, его черными волосами, его мягкимъ голосомъ. И отъ этой картины ея сердце еще болѣе разрывалось, отчаяніе становилось еще полнѣе, еще ужаснѣе.

— Нѣтъ, ничего нѣтъ! О, какая страшная пустота въ сердцѣ.

— Боже, отчего не я заняла его мѣсто въ могилѣ! восклицала она часто.

Какъ и всѣ сильныя, глубокія натуры, Ариша не любила говорить о своемъ горѣ другимъ, и заперлась съ нимъ въ самой себѣ, въ святая святыхъ своего сердца.

Но на міръ, какъ извѣстно, не угодить, и нѣтъ худшаго, болѣе капризнаго тирана, какъ то неопредѣленное, что принято называть обществомъ, людскою молвою, общественнымъ мнѣніемъ и т. д.

И хотя всѣ эти собирательныя понятія суть ни что иное, какъ соединеніе отдѣльныхъ, порознь взятыхъ единицъ, но эти, отдѣльныя единицы или части, въ противность извѣстной математической аксіомѣ, гораздо лучше своего цѣлаго. И хотя всѣ въ отдѣльности отлично понимали горе и отчаяніе Ариши, но въ общемъ молва ее осудила, какъ „гордячку“, за ея молчаніе, за ея сосредоточенность и замкнутость въ себѣ самой. Мало по малу, однако, острый мучительный періодъ боли сталъ проходить и хотя забвеніе не являлось, но первое воспоминаніе о мужѣ, сдѣлавшись постояннымъ спутникомъ ея жизни, этимъ самымъ потеряло свой прежній острый характеръ. Ариша была еще сравнительно молода и далеко недурна собой, и не смотря на вѣрность памяти о мужѣ, она была не прочь выйти за мужъ.

Не смотря на то, что массовая сибирская женщина не знаетъ другой жизни, кромѣ брачной, и старая дѣва среди сибирскихъ женщинъ—такая же диковинка, такое рѣдкое явленіе, какъ вьюга въ іюлѣ мѣсяцѣ, тѣмъ не менѣе, молодыя вдовы, остающіяся таковыми до старости—самое частое явленіе, даже при красотѣ и состоятельности вдовствующей. Кромѣ нежеланія дать вотчима своимъ дѣтямъ, сибирская женщина, имѣя дѣтей, считаетъ главную цѣль своей жизни достигнутой и отдается имъ цѣликомъ. Но не таково было положеніе нашей Ариши. Оставаться всю жизнь одной, одинокой въ цѣломъ мірѣ, не имѣть около себя ни одного близкаго, дорогого, любящаго и любимаго существа, не имѣть кого приласкать, кому отдать свое полное любовью и нѣжности сердце, окончить жизнь „копченымъ хариузомъ“....

Да на что же тогда жить, на что было родиться на свѣтъ Божій?.. Такъ таки пройти незамѣтной тѣнью по землѣ, не оставивъ никакого слѣда послѣ себя! Нѣтъ, нѣтъ, Господи, такъ невозможно.

Правда, она жила съ мужемъ около десяти лѣтъ и дѣтей отъ него не имѣла. Но, пускай люди болтаютъ въ своей злобѣ или въ своей глупости что хотятъ, она увѣрена, что это не ея вина. О, нѣтъ, нѣтъ, она это знаетъ! Какъ въ ней бьется материнское сердце, какъ горитъ какимъ то жгучимъ чувствомъ неодолимое желаніе быть матерью, имѣть малютку.

— Малютку! О, моя жизнь, красота моего сердца, вѣнецъ моей души!—И она мысленно прижимала воображаемаго малютку къ своему лихорадочно бьющемуся и болѣзненно сжимающемуся сердцу. И этотъ малютка въ ея мысляхъ походилъ на того же Павлика, имѣлъ его добрые черные глаза.

И несчастная женщина все ждала—ждала годъ, два, пять... Кто возьметъ ее, вдову безъ гроша денегъ и къ тому же еще прослывшую бездѣтной. Въ самомъ Култукѣ вдовцевъ вовсе не было.

Юноша же въ Култукѣ считалъ для себя величайшимъ позоромъ жениться на вдовѣ; да и не только на вдовѣ, но и жениться на дѣвушкѣ постарше себя однимъ годомъ—рѣшится развѣ какойнибудь поселенецъ или калѣка. Изъ сосѣднихъ же селъ представлявшіеся женихи были всѣ вдовцы съ дѣтьми. А за такихъ Ариша ни за что не хотѣла выходить. Мысль сдѣлаться мачихой и навлечь на себя проклятья всѣхъ—было для нея еще ужаснѣе ея одиночества, ея жизни „копченаго хариуза“. Такъ незамѣтно проходили годы. Прошелъ періодъ, когда ее еще считали молодой женщиной, и мало по малу она превратилась въ бабу въ лѣтахъ, т. е. перешла въ періодъ самой убійственной, безнадежной жизненной прозы, когда всякія мечты о будущемъ умираютъ безвозвратно, навсегда. Но Аришѣ предстояло разрѣшить вопросъ: чѣмъ просуществовать свой вѣкъ? При этомъ вопросѣ у бѣдной женщины стыла кровь. Но этотъ же мучительный вопросъ вмѣстѣ съ тѣмъ вывелъ ее изъ той апатіи, въ которую ее повергло ея горе, и возвратилъ ей ея прежнюю энергію. Послѣ неудачной попытки съ лавочкой, уничтожившей почти до тысячи рублей, она рѣшила открыть торговлю медовымъ квасомъ. У нея былъ собственный домикъ, доставшійся ея мужу отъ его родителей, который былъ еще въ очень хорошемъ состояніи. Внутри состоялъ онъ изъ двухъ комнатъ и кухни. Всѣ заботы свои отдавала Ариша выходявшей на улицу большой комнатѣ, обстановка которой состояла изъ узкаго деревяннаго крашенаго дивана, большой сосновой кровати, тщательно убранной и прикрытой бѣлымъ вышитымъ покрываломъ;

работы самой Агаши большого четырехугольного стола, самой простой, первобытной работы, нѣсколькихъ подобнаго же рода стульевъ и, наконецъ, большого пузатаго комода, съ желтыми мѣдными бляшками вокругъ замковъ. Не смотря на эту простую обстановку, комната эта, въ которой всегда царствовали строгій порядокъ и чистота, отличалась чрезвычайной уютностью и привѣтливостью. Что же касается второй комнаты, имѣвшей какъ разъ по срединѣ пола дверь, ведущую въ погребъ, то она была почти совершенно пуста. Таково было жилище Ариши, въ которомъ волею судебъ ей суждено было проживать одной оди-нешенькой, ибо и родители покойнаго мужа мало по малу оставили ее, такъ какъ между ними не осталось больше никакихъ связующихъ узъ, а ея собственные родители переселились въ вѣчныя жилища.

И такъ, Ариша, для поддержанія своего существованія, стала фабриковать медовый квасъ и продавать его по 15 к. за бутылку. Но самое большее отъ этой торговли Ариша могла имѣть въ мѣсяцъ рубля четыре. Вскорѣ къ приготовленію медоваго кваса присоединилось приготовленіе кедроваго масла, — новое увеличеніе доходовъ вдовы рубля на три въ мѣсяцъ! А потомъ Ариша стала фабриковать пирожки съ печенкой, а вскорѣ затѣмъ и пряники. Всѣ эти многочисленныя промышленныя и торговыя операціи довела ея доходы до баснословной цифры, приблизительно до 30 руб. въ мѣсяцъ, и зимою, когда пирожки съ печенкой находили себѣ прекрасный сбытъ у арестантской партіи, даже до сорока руб. Тутъ то, наконецъ, она успокоилась. Правда, для того, чтобы дойти до такого цвѣтущаго состоянія, Ариша билась лѣтъ шесть въ горькой нуждѣ. Но она не отчаявалась, и всегда была бодра.

— Что мнѣ одной-одинокой нужно, говорила она себѣ: шесть рублей въ мѣсяцъ — и я буду жить припѣваячи. А что дѣлать тѣмъ, у которыхъ полная хата дѣтей. Только бы не допустилъ меня Господь прибѣгать къ человѣческому даянію — вотъ и все, что я прошу у него.

Но, обезпечивъ свое матеріальное существованіе, Ариша все больше и больше задумывалась о своемъ одиночествѣ. Особенно тяжело, бывало, ей станеть въ воскресенье или въ праздникъ. Всѣ собрались со своими семьями за столъ. Вездѣ раздается громкій говоръ, веселый смѣхъ дѣтей, лепетъ малютокъ, громкій хохотъ молодыхъ дѣвушекъ. Только у нея одной мертвенно тихо. Вотъ черезъ дорогу, изъ открытаго окна, слышенъ мелодичный голосъ дѣвушекъ. И ей вспоминается, какъ и она когда-то пѣла въ дѣвушкахъ.

И, сравнивая все это со своимъ настоящимъ одиночествомъ, она обливалась горячими слезами.

Но потомъ она вдругъ встанетъ, вытретъ глаза, пріободрится, „Что я дѣлаю,—упрекнетъ она себя мысленно: плачу въ праздникъ... нѣтъ, нѣтъ, это грѣхъ. Зачѣмъ роптать на Господа! Онъ великъ и знаетъ, что творитъ. Видно, такъ я у него заслужила“. Но какъ не разсуждай, а душевную пустоту разсужденіями не наполнить. И эта самая Ариша, которая такъ энергично выносила, нисколько не роища, всѣ матеріальныя лишенія и страданія, часто сгибалась и падала подъ тяжестью нравственныхъ пытокъ. Желаніе *жить*, т. е. быть чѣмъ нибудь, дѣлать что нибудь, переносить свою дѣятельность на другихъ, оказалось въ ней гораздо сильнѣе, чѣмъ стремленіе *существовать*, давно отошедшее у нея на второй планъ. Конечно, Ариша нисколько не сознавала, что въ ея неудовлетворенности выражалась возвышенность натуры, стремящейся къ чему нибудь болѣе высокому, чѣмъ къ несложному процессу животнаго существованія. И хотя она даже часто ясно формулировала свою неудовлетворенность желаніемъ быть „хоть чѣмъ нибудь для другого, а не жить скотиной, которая и то живетъ для дѣтенышей“, но она это желаніе считала, какъ мы уже видѣли, грѣховнымъ, эгоистичнымъ. „Все, молъ, ропщемъ,—ничѣмъ тебя неудовлетворишь“. Но такъ какъ заглушить это дурное, по ея мнѣнію, чувство ей не удалось, то она должна была найти, наконецъ, исходъ изъ своего нестерпимаго положенія. Этимъ исходомъ оказались благочестіе и добрыя дѣла.

И съ какою энергіей кинулась она отыскивать и раскапывать, гдѣ только можно было, какое нибудь доброе дѣло, такъ что жители села Култука говорили о ней шутя: „Предоставьте Аришѣ дѣлать доброе дѣло“. Да, „доброе дѣло“ было для нея чѣмъ то въ родѣ свѣжей ключевой воды для странника въ знойной пустынѣ. Съ какою то ненасытною жадностью и наслажденіемъ она дѣлала все, что только могла. И какъ безконечно была она счастлива въ тотъ день, когда совершала особенно выдающееся доброе дѣло! Ликовало доброе, теплое сердце! И какъ ни было велико ея задушевное желаніе—дѣлать все безъ шума, она вскорѣ прославилась во всемъ селѣ и сдѣлалась буквально идоломъ всѣхъ богатыхъ и бѣдныхъ, ибо Ариша не различала никого и оказывала услуги всѣмъ.

Вставала Ариша зимой и лѣтомъ очень рано. Окончивъ всѣ необходимыя работы, по части своего кваса, пирожковъ, масла, пряниковъ и проч., она одѣнется, т. е. накинеть на себя неизмѣнное бумазейное платье, несмотря ни на какое время года, завяжетъ голову платкомъ и, вынувъ изъ комода свой молитвенникъ,—примется молиться, усѣвшись за столъ... Удивительно оригинальную картину представляла эта красивая, полная энергіи женщина, усердно читающая молитвы, съ такою теплою, за-

душевною, заунывною мелодіей, что можно было ее заслушаться. Молитва у нея продолжалась добрый часъ, а иногда и больше. Возвышающая сторона въ этихъ молитвахъ состояла въ томъ, что онѣ всегда обнимали у нея весь народъ и весьма рѣдко имѣли личный характеръ.

„Братья наши, весь міръ православный, стонущіе въ несчастіяхъ, гдѣ бы ни были, во глубинѣ сибирскихъ рудъ или въ тюрьмѣ, да сжалится Господь надъ вами, да избавитъ Онъ васъ отъ горя и да наступитъ для васъ свѣтъ—вмѣсто тьмы, свобода—вмѣсто неволи и рабства“.

И подобнаго рода молитвъ у Ариши множество.

Къ матеріальнымъ благамъ она больше не стремилась, а если и стремилась, то вовсе не имѣя въ виду заботу о своей особѣ.

Если она горько плакала за молитвою, то это потому, что у нея душа искренно болѣла за другихъ, за всѣхъ людей.

Она газетъ не читала, а потому о богатствѣ и благоденствіи народа ничего не знала и не слыхала. То же, что она видѣла своими собственными глазами на каждомъ шагу, ничего утѣшительнаго не представляло. Видѣла она, что въ Култукѣ на пятьдесятъ семействъ—сорокъ бьется, какъ рыба объ ледъ, что никто изъ нихъ не знаетъ сегодня, чѣмъ будетъ сытъ завтра. Тоже самое она видѣла и въ своемъ селѣ Туранѣ и подобное же слышала и о другихъ ближайшихъ селахъ. Вездѣ она видѣла горе, слезы, на всѣхъ лицахъ она читала страшный роковой вопросъ приближенія конца недѣли. Гдѣ взять на муку?—Другихъ страданій, кромѣ матеріальныхъ, насмотрѣлась она также не мало.

Видѣла она арестантовъ, падающихъ подъ тяжестью кандаловъ, видѣла глумленіе конвойныхъ надъ ними, видѣла земскаго засѣдателя, выжимавшаго послѣдніе соки съ каждымъ наѣздомъ, видѣла какъ онъ у почтеннѣйшихъ стариковъ изъ крестьянъ рвалъ бороды, плевалъ имъ въ лица, сбрасывалъ ихъ шапки въ грязь, врывался въ церковь и ее осквернялъ своею руганью.

Она, поэтому, всю эту земную жизнь считала каторгой, которой когда нибудь долженъ же наступить конецъ. И съ какимъ жаромъ, съ какимъ благоговѣйнымъ чувствомъ читала она всѣ молитвы, говорившія о загробной жизни. Не успѣетъ она покончить молитвы и усѣсться за завтракъ, который почти всегда, исключая сезона огурцовъ, состоялъ изъ хлѣба и наръзанной ломтями рѣдьки, политой масломъ, какъ явится какая нибудь женщина.

— Добраго утра вамъ, Ариша.

— Добраго утра и вамъ, Поля! Что скажете добраго?

— Да, вотъ, понимаете ли вы меня... О, черные годы мои... очень горько, понимаете ли вы меня, когда надо прибѣгать... О горе моимъ годамъ, когда надо прибѣгать къ человѣческой рукѣ.

И Поля, вмѣсто дальнѣйшаго объясненія, зальется въ три ручья.

— Да Богъ съ вами, Поля, присядьте, успокойтесь, начнетъ сильно взволнованная, хотя и привычная къ подобнымъ сценамъ Ариша.—Скажите же, что такое случилось?

— Да вотъ этотъ разбойникъ Зыбуновъ, чтобъ онъ не ступалъ на хорошее мѣсто, шкуру съ насъ деретъ за эти десять руб., знаете, что мужъ мой у него взялъ въ прошлый мѣсяцъ на муку. Сегодня мы всѣ еще были въ постели, а онъ прибѣжалъ, какъ разбойникъ какой, сталъ кричать на всю улицу, грозить, что корову продастъ нашу; стучалъ кулаками по столу, словомъ—поднялъ крикъ, какъ будто его рѣжутъ. Мой мужъ ему говоритъ, что нѣтъ денегъ, просить его подождать. А онъ и слушать не хочетъ,—все кричитъ и дѣтей на смерть перепугалъ. Моя маленькая Маша и безъ того нездорова. Со вчерашняго дня жалуется на боль въ головѣ, вся такъ и пылаетъ... Такъ вотъ этого перепугу еще не доставало!—И Поля опять заливается.

— Да перестаньте же, Поля, не ребенокъ же вы маленькій. А вотъ что. Денегъ, видитъ Богъ, у меня теперь нѣтъ ни одного гроша. Только не пугайтесь такъ, Бога ради;—что вы такъ поблѣднѣли? Уже я все устрою съ Зыбуновымъ. Больше онъ къ вамъ не придетъ и больше васъ трогать не будетъ. А когда вамъ Богъ поможетъ, то эти десять рублей принесите мнѣ.

— Какъ мнѣ васъ благодарить, Ариша,—начинаетъ Поля, вся дрожа отъ волненія. Что могу я, слабая, ничтожная женщина? Только Богъ, одинъ Богъ можетъ воздать вамъ, какъ вы заслуживаете.

И несчастная, осчастливленная на время женщина, поспѣшитъ къ мужу—подѣлиться радостнымъ извѣстіемъ о томъ, что она устроила.

А съ Зыбуновымъ Ариша вотъ какъ поладить. Пойдетъ она къ нему этакъ вечеркомъ, когда онъ уже закрылъ свою лавку, въ которой продается все,—отъ дегтя до лимоновъ, отъ веревочныхъ возжей до шелковыхъ платковъ. Зайдетъ и, пожелавъ добраго вечера всѣмъ, прямо обратится къ хозяину, который сейчасъ же пойметъ, зачѣмъ она пришла.

— Скажите, пожалуйста, Зыбуновъ: вы, видно, думаете, что такъ таки уже Бога на свѣтѣ нѣтъ, что все это простая случайность?

Зыбуновъ дѣлаетъ видъ, что ничего не понимаетъ.

— Ахъ, уже не корчите изъ себя „простодушнаго ангела“. Вы отлично знаете, о чемъ я говорю.

— Право, какъ я православный христіанинъ, что я ничего не знаю.

Ариша измѣрять его съ ногъ до головы, покачаетъ нѣсколько разъ презрительно головой и скажетъ.

— Такъ вы еще считаете себя хрістіаниномъ, да! Много можно положиться на вашу клятву. Пускай же хоть ваша жена знаетъ, каковъ вы.—И Ариша рассказываетъ все, что услышала отъ Поля.

— Ой, ой, разбойникъ, таки побѣжалъ туда,—начинаетъ жена Зыбунова. Вѣдь, ты же обѣщаль не идти и прождать еще мѣсяць.

— Хорошо тебѣ сказать—жди. Что это, у меня колодець какой нибудь? Да и колодець можно исчерпать. Дѣлаешь собакѣ добро, а она еще лаесть. Понимаешь, пошла жаловаться Аришѣ. Что мнѣ Ариша сдѣлаетъ? Буду я знать, какъ оказывать услуги этимъ грабителямъ.

— Ну ужъ, пожалуйста, вы, Зыбуновъ не говорите объ услугахъ,—возражаетъ Ариша. Знаю хорошо ваши услуги, какъ онѣ бокомъ всѣ выходятъ. Вѣдь за то, что вы Ивану (мужъ Поля) дали въ долгъ десять руб., онъ васъ возилъ въ Иркутскъ и назадъ въ Култукъ, откуда вы еще привезли пудовъ тридцать товару на его несчастной кляченкѣ, которая и такъ еле тащится.

Да я за это ему огромную связку сѣна далъ,—защищается Зыбуновъ.

— Много оно стоитъ ваше сѣно—двадцать копѣекъ. А вотъ за поѣздку вы всякому мужику заплатили бы десять рублей.

Эта горькая съ такою безцеремонностью высказанная правда совсѣмъ приводитъ въ ярость Зыбунова, и онъ начинаетъ неистово кричать.

— Скажите, пожалуйста, что вы за сердобольная посредница на чужой счетъ!.. Понимаете! Что это у меня деньги—на кучѣ сору растутъ, что-ли! Кто это раздаетъ свои деньги первому встрѣчному! И что это вы меня за богача такого нашли! Я вотъ уже десять лѣтъ торгую и заработалъ себѣ капиталецъ въ какихъ нибудь пятьдесятъ тысячъ руб., такъ уже въ богачи попалъ и всѣ меня облѣпили какъ мухи. Зыбуновъ! дай на прокаженныхъ. Зыбуновъ! дай для бѣдной невѣсты. Зыбуновъ! дай на погорѣлое. Тому дай, тому одолжи. Да, Господи, вѣдь эдакъ можно скоро начать съ женою и дѣтьми „по домамъ расхаживать“.

— Насколько я знаю, отъ васъ не очень много достается этимъ прокаженнымъ, бѣднымъ невѣстамъ и погорѣльцамъ—перебьетъ его съ насмѣшкой Ариша.

— Оттого то я еще, слава Богу, и состою купцомъ. Если бы васъ послушать, то уже давно бы по міру пошелъ.

Нѣтъ, нѣтъ Зыбуновъ,—говоритъ, покачивая печально Ариша головой,—нѣтъ, вы горько ошибаетесь. Кто Богу даетъ, тотъ по міру никогда не поидетъ.

И Ариша кинетъ на Зыбунова долгій, пронзительный взглядъ, котораго онъ не въ состояніи вынести, и онъ въ смущеніи опуститъ голову, словно осужденный.

— Однако, что же вы хотите, Ариша? скажетъ онъ уже куда мягче.

— Да то, чтобы вы Ивана совсѣмъ оставили въ покоѣ. А когда вы будете сильно нуждаться въ этихъ десяти рубляхъ, то приходите ко мнѣ, и я уже все уплачу.

— Такъ бы и сказали съ самаго начала. А то стали стыдить при женѣ и дѣтяхъ, ну я и погорячился. Теперь опять миръ, не правда-ли? Да садитесь, куда вы спѣшите? Вотъ чаю выпьете съ нами.

— Нѣтъ, нѣтъ, спасибо. Такъ улажено, какъ я сказала?

— Что тутъ еще спрашивать,—разумѣется, улажено.

— Доброй вамъ ночи всѣмъ.

— Доброй ночи и вамъ, Ариша, идите здоровыми.

И Ариша отправится дальше, улаживать подобную-же исторію. Уйдетъ Поля, придетъ другая и т. д. И Ариша никому не отказываетъ, для всѣхъ сдѣлаетъ все, что въ ея силахъ. Но такъ какъ средствъ ея не могло хватить и на сотую долю того, что ей приходилось раздавать, то она должна была прибѣгать къ другимъ и, такимъ образомъ, мало по малу, всѣ болѣе или менѣе достаточные жители села сдѣлались ея постоянными данниками.

Очень многіе, завидя ее издали и зная, зачѣмъ она идетъ, старались поскорѣе исчезнуть или же говорили злобно:

— „Вотъ она уже идетъ, эта печальница“.

Само собою разумѣется, что Ариша должна была имѣть не мало враговъ среди людей, которыхъ она эксплуатировала въ пользу покровительствуемыхъ ею бѣдняковъ. Но эти враги были временные, минутные, только когда раскрывался для Ариши волей неволей ихъ кошелекъ. За то были и многіе такіе, преимущественно—среди женщинъ, которыя ее радостно встрѣчали и еще радостнѣе отдавали ей свою лепту. Уваженіемъ же она пользовалась положительно у всѣхъ.

Безъ Ариши не обходилось ни одно болѣе или менѣе крупное событіе въ селѣ. Случалась ли свадьба, похороны, обрученіе, все равно—у богатого или бѣднаго, Ариша заправляла всѣмъ, дѣлала все, помогала во всѣхъ приготовленіяхъ, сама готовила кушанья и подавала ихъ во время свадебнаго ужина, усаживала гостей. И на той свадьбѣ, на томъ обрученіи, гдѣ всѣмъ заправляла Ариша, все шло отлично, какъ заведенная машина, и всѣ гости уходили довольные пріемомъ, что такъ рѣдко удается въ маленькихъ селахъ, гдѣ въ такихъ случаяхъ сильно пробуждается мелкое тщеславіе. Сидора, молъ, съ его подслѣповатою Акулиной посадили около самого жениха, а мнѣ, молъ, пришлось сидѣть около

сапожника Григорьева, вмѣстѣ съ поселенцемъ Лукой,—что, развѣ я не такой же хорошій человекъ, какъ Сидоръ и т. п. Такого рода жалобы всегда услышите въ селахъ на другой день послѣ свадьбы, если не въ тотъ же вечеръ. Но Ариша сумѣла устраивать такъ, что при ея участіи на свадебномъ пирѣ никто не былъ обижаемъ.

Но никогда ея плодотворная дѣятельность не обнаруживалась съ такою силою, какъ при больныхъ. Тутъ Ариша становилась не только доброю, благородною, но истинно великою душою. Какъ бы ни была велика опасность, она никогда не теряла головы и умѣла поддерживать и ободрять не только больного, но и его родню, что гораздо труднѣе. Будучи педантично чистою и брезгливой во всемъ, она въ такихъ случаяхъ откладывала въ сторону всю свою брезгливость и возилась съ такими предметами, одна мысль о которыхъ въ обычное время повернула бы ея внутренности.

Въ домѣ у нея постоянно водились разные сорта варенья, до которыхъ она никогда не касалась. Готовила же она и хранила все это спеціально для больныхъ, для родильницъ, чтобы было чѣмъ „оживить душу“. Она также обзавелась нарочно коровою, тоже для того, чтобы было чѣмъ „оживить душу бѣднымъ“. Тому отнесетъ крыночку молока для дѣтокъ, другому блюдечко сметаны, третьему немного только что приготовленнаго масла и т. д.

Такова была вдова казачка Ариша,—такова была въ общемъ ея жизнь...

П. Куз—минъ.

Друзьямъ.

Друзья мои, мои друзья,

О, васъ ли вижу я?

Опять толпитесь предо мной

Вы дружною семьей!

Гдѣ-жъ были вы столь много лѣтъ

Въ годину лютыхъ бѣдъ,

Когда съ жестокою судьбой

Я велъ неравный бой.

Когда я былъ тѣснимъ врагомъ,

Васъ не было кругомъ,

И тщетно взоръ тоскливо мой
 Искалъ души родной.
 Когда меня увлекъ потокъ, —
 Опять я одинокъ
 Боролся съ бездной роковой
 Слабѣвшею рукой.
 Когда, покинувши волну,
 Я шелъ на крутизну, —
 Встрѣчалъ лишь скаль бездушныхъ рядъ
 Мой истомленный взглядъ.
 Насталъ унынья страшный часъ,
 Надежды лучъ погасъ,
 И я одинъ, лишенный силъ,
 Къ паденью близокъ былъ.
 Но смѣхъ врага мнѣ ранилъ слухъ,
 И ожилъ гордый духъ,
 Принявъ безтрепетно судьбу —
 По смертный часъ борьбу.
 Рядъ долгихъ горестныхъ годинъ,
 Борясь, я былъ одинъ.
 Я имя, рѣчь и ликъ забылъ
 Всѣхъ, кто мнѣ близкимъ слылъ.
 Какъ вдругъ сталъ снова дорогъ я
 Вамъ, милые друзья!
 Спѣшатъ со всѣхъ сторонъ опять
 Скорѣй меня обнять.
 И вновь я вамъ и другъ, и братъ,
 И радъ я, о какъ радъ!
 На близкій отдыхъ вашъ приходъ
 Надежду мнѣ даетъ.
 Какъ ласточки, что, кинувъ югъ,
 Летятъ въ отчизну вьюгъ,
 Сулите мнѣ златые сны
 Вы, вѣстники весны.

С. Хрѣнкова.

Сибирскіе чиновники былого времени.

(Продолженіе. См. I—V книжки т. г.).

Глава X.

Сперанскій, какъ мы уже говорили выше, положилъ новую эру въ исторіи Сибири вообще, и въ частности—въ исторіи сибирскаго чиновничества. Не стало уже такихъ рѣзкихъ, выдающихся проявленій чиновническаго своевластія, но злоупотребленія, во многомъ напоминавшія старыя подвиги служилаго люда, не прекратились, да и не могли прекратиться. При проникнувшихъ въ кровь и плоть сибирскаго населенія старыхъ условіяхъ жизни, при поголовномъ невѣжествѣ мѣстнаго общества, способствовавшемъ только злоупотребленіямъ чиновничества, Сперанскій и не могъ произвести коренныхъ измѣненій въ ходѣ дѣлъ сибирской администраціи,—обстоятельство, которое онъ и самъ признавалъ и силился разъяснить другимъ, разрушая иллюзію, будто одна его личность могла что-либо сдѣлать. Такимъ образомъ ревизія, Сперанскаго не помогла, какъ не помогло прекращенію злоупотребленій его управленіе. Необходимо было создать новыя основанія управленія, услѣдивъ причины зла. Общіе недостатки сибирскаго управленія состояли въ самовластіи, безконтрольности, беззаконіи и личномъ произволѣ, развившихся благодаря отдаленности страны. Сперанскій хорошо видѣлъ, что доселѣ управленіе Сибирью основывалось исключительно на личномъ довѣріи къ администраторамъ и что ихъ власти не было положено ни основаній, ни границъ. Онъ поставилъ цѣлью, поэтому, сибирскихъ правителей подчинить законамъ и сдѣлать орудіемъ правительства. Но самое огражденіе законами, по его мнѣнію, не могло достигать цѣли безъ особыхъ прочныхъ учрежденій, могущихъ слѣдить за этой властью. Самые лучшіе начальники, предоставленные самимъ себѣ, могли, по меньшей мѣрѣ, ошибаться. Вотъ что совершенно справедливо высказалъ самъ Сперанскій по этому поводу:

„Если-бы личная власть въ Сибири, предоставленная до 1819 года бывшимъ въ Сибири главнымъ правителямъ, и ограждалась подробными и самыми вѣрными правилами, то и тогда, бывъ удалена отъ надзора и не имѣя вокругъ себя ни преграды, ни предостереженія, она легко могла-бы перейти въ самовластіе. Довѣріе къ личнымъ свойствамъ тутъ не защита, ибо въ самовластіе впадаютъ постепенно, нечувствительно и не всегда съ худымъ намѣреніемъ. Напротивъ, при намѣреніяхъ самыхъ лучшихъ, по самому усердію къ добру и желая дойти къ нему кратчайшею дорогою или избрать рѣшительнѣйшія мѣры, увле-

каются въ заблужденія, сперва для сокращенія нарушаютъ формы маловажныя, потомъ идутъ къ важнѣйшимъ, наконецъ, касаются и существа дѣла и, такимъ образомъ, поступая всегда по добрымъ побужденіямъ, ниспровергаютъ порядокъ и, дѣйствуя по совѣсти, дѣйствуютъ противузаконно“... „До 1819 года,—говоритъ Сперанскій-же въ другомъ мѣстѣ,—главное управленіе въ Сибири было личное, такъ сказать—домашнее, и не имѣло опредѣленныхъ правилъ. Отсюда власть личная удобно перерождалась въ злоупотребленія и почти всегда имѣла видъ самовласти. Дѣйствуя безъ публичныхъ законныхъ участниковъ и по причинамъ, ей одной извѣстнымъ, она не могла, даже при самой чистотѣ намѣреній, оградить себя отъ подозрѣній. Въ Сибири, гдѣ не было и нѣтъ еще публичнаго мнѣнія и гдѣ, по недостатку дворянства, и быть оно долго еще не можетъ, подозрѣнія сіи дѣйствуютъ сильнѣе. Самыя разстоянія усиливаютъ ихъ, ибо предполагается, что до Высшей Власти ничто не доходитъ, потому что и въ самомъ дѣлѣ не доходитъ многое. По продолжительному навыку къ симъ подозрѣніямъ и по многимъ послѣдствіямъ самовластнаго личнаго распорядка, вообще люди такъ думаютъ, что зависятъ отъ произвола начальника и о законности дѣйствій тамъ еще менѣе имѣютъ понятіе, нежели въ другихъ мѣстахъ. Одинъ способъ защиты и противодѣйствія былъ въ Сибири до 1819 года—жалобы и доносы“...

Въ виду этого, по словамъ Ядринцева, *) главною программой и цѣлью своей реформы онъ поставилъ: 1) преобразить личную власть начальниковъ въ установленіе и, соединивъ единство ея дѣйствія съ гласностью, охранить ее отъ самовласти и злоупотребленій законными средствами; установить ея дѣйствія такъ, чтобы они не были личными и домашними, а служебными и публичными: 2) усилить надзоръ, собрать раздробленные и безсильныя его части въ одно установленіе и такимъ учрежденіемъ замѣнить, съ одной стороны, удаленный отъ Сибири надзоръ высшаго правительства, а съ другой—недостаточный надзоръ общественнаго мнѣнія; 3) раздѣлить и опредѣлить тѣ административныя функціи, которыя прежде были смѣшиваемы въ разныхъ учрежденіяхъ; 4) привести въ согласіе всѣ части управленія; 5) приспособить управленіе къ особенному положенію тѣхъ сибирскихъ областей, которыя при огромномъ пространствѣ имѣютъ весьма мало населенія, и 6) ввести простоту и удобство обрядовъ въ видахъ успѣшности и быстроты разрѣшенія дѣлъ.

Эти основанія, обѣщавшія столько благъ нашей окраинѣ въ теоріи, нужно было умѣло примѣнить и на практикѣ. Было-ли это сдѣлано въ дѣйствительности?

*) „Сибирь, какъ колонія“, стран. 514.

На этотъ вопросъ, какъ мы увидимъ далѣе, далеко нельзя отвѣтить положительно.

Вышеизложенная программа была осуществлена Сперанскимъ въ изданномъ и опубликованномъ 22 іюля 1822 года при именномъ указѣ Правительствующему Сенату особомъ *учрежденіи для управленій Сибирскихъ губерній* и приложенныхъ при немъ десяти отдѣльныхъ уставахъ и положеніяхъ по разнымъ отраслямъ сибирскихъ дѣлъ. (Уставъ объ управленіи инородцевъ; уставъ объ управленіи сибирскихъ киргизовъ; уставъ о сибирскихъ городскихъ казакахъ; уставъ о ссыльныхъ; уставъ объ этапяхъ въ сибирскихъ губерніяхъ; уставъ о содержаніи сухопутныхъ сообщений въ Сибири; положеніе о земскихъ повинностяхъ въ сибирскихъ губерніяхъ; положеніе о казенныхъ хлѣбныхъ запасныхъ магазинахъ; положеніе о разборѣ исковъ по обязательствамъ, заключеннымъ въ сибирскихъ губерніяхъ обывателями разныхъ сословій).

По „учрежденію для управленія сибирскихъ губерній“ главное управленіе какъ въ Западной, такъ и въ Восточной Сибири было установлено въ видѣ коллегіально дѣйствующаго совѣта, подъ предсѣдательствомъ генераль-губернатора. Совѣту этому придавалось значеніе части министерскаго учрежденія, дѣйствующей на мѣстѣ. Въ составъ его входили члены-дѣлопроизводители и члены отъ министерствъ. Въ совѣщаніе его приглашались и начальники отдѣльныхъ частей управленія. Назначеніе его состояло въ томъ, „чтобы мѣстнымъ надзоромъ за дѣйствіями подчиненныхъ ему управленій удостовѣрить сколь можно болѣе правильность ихъ движенія и точность исполненія и чтобы въ случаяхъ настоятельныхъ и чрезвычайныхъ доставить всѣмъ частямъ мѣстнаго управленія ближайшее и скорѣйшее разрѣшеніе и тѣмъ отвратить въ нѣкоторой мѣрѣ неудобство дальнихъ разстояній“. Исполнительная власть въ совѣтѣ главнаго управленія принадлежала генераль-губернатору, а въ отсутствіе его—предсѣдательствовавшему въ совѣтѣ. Генераль-губернаторъ могъ принять или отвергнуть мнѣніе совѣта и это мнѣніе безъ утвержденія предсѣдателемъ считалось недѣйствительнымъ. Члены совѣта не могли останавливать исполненія, но они имѣли право представлять свое непринятое мнѣніе высшимъ властямъ, члены отъ министерствъ—своимъ министерствамъ. Кромѣ правъ, предоставленныхъ власти генераль-губернатора по общему „учрежденію“ 1775 года, главному управленію дано было право опредѣленія, увольненія, отрѣшенія и преданія суду всѣхъ чиновниковъ, за исключеніемъ опредѣленныхъ Высочайшими указами. Въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, особенно по продовольствію, ему предоставлялось право дѣйствовать всѣми ввѣренными ему средствами; ему предоставлялось утверждать контракты на

всякую сумму, утверждать окончательно уголовные приговоры по разногласію губернскаго суда съ губернаторомъ, за исключеніемъ приговоровъ о лишеніи гражданскихъ правъ; рѣшать окончательно всѣ дѣла по жалобамъ и протестамъ на губернскія мѣста въ нарушеніи порядка производства дѣлъ; но главному управленію не дозволено было ни отмѣнять или ограничивать новыя издержки или увеличивать существующіе, ни располагать казеннымъ имуществомъ, ни вмѣшиваться въ подробности внутренняго распорядка разныхъ частей управленія.

Сосредоточіемъ управленія въ губерніи по тому-же „учрежденію“ до самаго послѣдняго времени (начала 90-хъ годовъ) служило общее губернское управленіе, имѣвшее свой, состоявшій подъ предсѣдательствомъ губернатора, губернскій совѣтъ.

Такимъ образомъ, сибирское „учрежденіе“ обладало слѣдующими существенными особенностями: 1) власть генераль-губернатора въ извѣстныхъ случаяхъ умѣрялась совѣтомъ и 2) губернаторъ отдѣлялся отъ губернскаго правленія и составлялъ особое учрежденіе, дѣла котораго въ извѣстныхъ случаяхъ подвергались разсмотрѣнію совѣта.

Составленное Сперанскимъ новое учрежденіе сибирскаго управленія не удовлетворило ожиданіямъ и страдало недостатками, которые съ перваго-же раза были замѣчены. Учрежденіе это,—говоритъ Ядринцевъ,—обвиняли въ томъ, что оно ведетъ къ послѣдствіямъ, совершенно противоположнымъ, чѣмъ было высказано въ программѣ, начертанной въ основаніяхъ. Ставили въ вину то, что проектъ Сперанскаго основанъ былъ на одномъ бюрократическомъ началѣ. Обвиненія эти раздавались какъ изъ лагеря консерваторовъ, недовольныхъ замѣною стараго режима бюрократическими формами, взамѣнъ приказнаго произвола, такъ и людьми, ожидавшими отъ Сперанскаго большей реформаторской инициативы. Одинъ изъ противниковъ сибирскаго „учрежденія“—Геденштромъ—замѣчалъ при его введеніи: „Сперанскій долженъ былъ возстановить въ Сибири дѣйствіе законовъ и съ ними навлекъ гибель на Сибирь, потому что исполнителями законовъ стали чиновники, чтущіе только удовлетвореніе своей прихоти и корысти“... „Вмѣсто общаго желѣзнаго вѣка, учрежденіе ввело бумажный, увеличивъ до крайности письменное производство“... „Власть генераль-губернатора только повидимому ограничена совѣтомъ, въ дѣйствительности-же всѣ дѣла рѣшаются по его произволу“...

Сибирское учрежденіе имѣло и другіе, болѣе очевидные недостатки, возбуждало другіе, болѣе серьезные вопросы. „Первымъ условіемъ программы Сперанскаго,—говоритъ болѣе современный критикъ Сибирскаго учрежденія г. Вагинъ,—были глас-

ность и публичность дѣйствія власти. Но именно этого условія и не выполняетъ „учрежденіе“. Оно замыкаетъ дѣятельность власти въ тѣсный кругъ канцелярій и присутствій и тѣмъ самымъ налагаетъ на нее характеръ бюрократизма, а не гласности и публичности. Въ сибирскомъ учрежденіи нигдѣ не поставлено того, чтобы постановленія совѣтовъ обнародывались во всеобщее свѣдѣніе. Слова программы о публичности и гласности дѣйствій власти остались безъ всякаго приложенія въ самомъ законѣ. При отдаленности правительственнаго надзора, при слабости общественнаго мнѣнія недостатокъ публичности и гласности давалъ исполнителямъ возможность обходить и даже прямо нарушать его, безъ опасенія, что такіе поступки ихъ получаютъ полную извѣстность“...

Другой важный недостатокъ составляетъ, по мнѣнію г. Вагина, та слабая степень самостоятельности, какую, по „учрежденію“ Сперанскаго, представляетъ организація мѣстныхъ совѣтовъ. Членамъ совѣтовъ предоставлено важное право,—право и единоличнаго, и коллективнаго протеста; но члены совѣтовъ, хотя высокопоставленные въ составѣ мѣстной администраціи, находятся въ прямой зависимости отъ губернатора, или генераль-губернатора, и потому не могутъ съ полною свободою употреблять свое право протеста. „Всякій дорожить своимъ мѣстомъ“ —справедливо замѣчаетъ Геденштромъ. Притомъ самое право протеста было весьма ограничено; къ тому-же можно было всегда обойти протестъ и принять самую противозаконную мѣру, не внося ея въ совѣтъ. По дѣламъ-же, лично зависящимъ отъ начальника, право протеста вовсе не имѣло мѣста и произволъ могъ царить во всей своей силѣ. Такимъ образомъ, самое главное установленіе, на которомъ созидалось управленіе Сибирью, не достигло своей цѣли. Даже само правительство признавало, что мѣры, предложенныя Сперанскимъ, были ничтожны и неудовлетворительны. Самъ „сибирскій комитетъ“ призналъ нужнымъ составить совѣтъ главнаго управленія, хотя отчасти, изъ особыхъ чиновниковъ, не подчиненныхъ генераль-губернатору.

Кромѣ всего этого, сибирское „учрежденіе“ было составлено наскоро и ясное и понятное лишь для самого Сперанскаго — оно оставляло широкій просторъ для произвольныхъ толкованій другихъ.

Вслѣдствіе этого „учрежденіе“ Сперанскаго далеко не достигло всѣхъ цѣлей, къ которымъ онъ стремился. Придуманные имъ совѣты не оправдали своего назначенія; они не нашли никакой самостоятельности и не были ни гарантіей отъ злоупотребленій, ни ограничивали власть отдѣльныхъ начальниковъ. Совѣты явились вполнѣ имъ подчиненными и были только „ширмами для генераль-губернаторской власти“, какъ выразился

одинъ изъ критиковъ позднѣйшаго сибирскаго управленія Дм. Ир. Завалишинъ. Генераль-губернаторская власть, по прежнему усиливаясь и сосредоточивая въ себѣ всѣ части управленія, по немногу воротилась къ прежней регламентаціи, а губернаторская власть или была безсильна противъ злоупотребленій, или относилась къ нимъ равнодушно. Такимъ образомъ, планъ Сперанскаго въ главныхъ чертахъ совершенно оказался практически несостоятельнымъ, онъ имѣлъ слабыя гарантіи, а потому и началъ разрушаться при его пріемникахъ. „Учрежденіе“ Сперанскаго не разрѣшило въ жизни задачу постановки закономѣрнаго надзора, контроля надъ управленіемъ, не переходящаго въ произволъ и не допускающаго его проявленій среди подчиненныхъ органовъ управленія.

Правила, начертанныя Сперанскимъ, никѣмъ не исполнялись и одинъ изъ путешественниковъ по Сибири отзывался, по словамъ того-же Ядринцева, что это „учрежденіе“ было утопіей, дарованной испорченнѣйшему въ мірѣ обществу. Послѣ Сперанскаго Рупертъ, управлявшій Камчаткою, выразился, что онъ такъ связанъ, что можетъ зла сдѣлать сколько угодно, а добра нисколько.

Правда, вину въ бездѣятельности созданныхъ учрежденій трудно сваливать на одного Сперанскаго: этому было много причинъ, а между прочимъ—и кратковременность пребыванія Сперанскаго; его личное вліяніе въ Сибири не могло еще укрѣпить въ народѣ чувства законности и независимости отъ произвола. Невозможно было, чтобы положеніе дѣлъ вдругъ измѣнилось потому только, что Сибири даны новые законы, тогда какъ всѣ другія условія сибирской жизни остались по прежнему. Большинство исполнителей было вовсе неспособно понять идеи Сперанскаго и провести ихъ въ свою дѣятельность, а тѣ, кто понималъ ихъ, искалъ въ нихъ только орудія для своихъ интересовъ. Многіе изъ преемниковъ и исполнителей плана Сперанскаго далеко не стояли на высотѣ своего призванія.

Уже при преемникѣ Сперанскаго генераль-губернаторѣ Лавинскомъ явилось стремленіе парализовать планъ сибирскаго „учрежденія“ и дѣйствовать противно ему. Это стремленіе выразилось въ подборѣ состава членовъ главнаго управленія, по скольку пополненіе этого состава зависѣло отъ представленій генераль-губернатора.

Установленнымъ сибирскимъ „учрежденіемъ“ правомъ представленія кандидатовъ для замѣщенія трехъ должностей совѣтниковъ—дѣлопроизводителей въ совѣтъ главнаго управленія Восточной Сибири генераль-губернаторъ Лавинскій воспользовался слѣдующимъ образомъ: онъ представилъ кандидатовъ съ совершенно неизвѣстнымъ образовательнымъ цензомъ, изъ коихъ двое начали

службу свою „копіистами“, а третій канцелярскимъ служителемъ почтамта. Служебное прошлое и образовательный цензъ этихъ кандидатовъ нисколько не указывали на подготовку ихъ къ столь труднымъ и сложнымъ обязанностямъ, какъ двойная работа въ качествѣ члена и производителя дѣлъ въ установленіи, поставленномъ законодателемъ во главѣ управленія цѣлой половины Сибири.

Изъ трехъ кандидатовъ Лавинскаго — Кобрить, пятнадцати лѣтъ отъ роду, съ неизвѣстнымъ образовательнымъ цензомъ, поступилъ въ литовскій почтамтъ въ число канцелярскихъ служителей и послѣ четырехъ лѣтъ службы дослужился до перваго чина коллежскаго регистратора. Другой кандидатъ — Воиновъ также съ неизвѣстнымъ образовательнымъ цензомъ, на тринадцатомъ году отъ роду поступилъ на службу въ тюменскій окружный судъ „копіистомъ“, на восьмомъ году службы произведенъ въ первый классный чинъ, однажды перемѣнилъ мѣсто своего служенія противъ воли, будучи удаленъ по рѣшенію тобольской уголовной палаты; въ формулярномъ спискѣ Воинова есть, между прочимъ, такія строки: „Въ бытность дворянскимъ засѣдателемъ былъ судимъ за оказавшійся у тюменскаго соляного пристава недостатокъ соли и по суду причтено сіе къ его недосмотрѣнію и за сіе отъ должности засѣдателя былъ удаленъ“... Вступивъ вскорѣ же послѣ этого приговора вновь на службу, Воиновъ сумѣлъ снискать покровительство Сперанскаго, выразившееся въ исходатайствованныхъ ему наградахъ. Третій кандидатъ Лавинскаго — Алексѣевъ — также съ неизвѣстнымъ образовательнымъ цензомъ, 15-ти лѣтъ отъ роду поступилъ на службу въ С.-Петербургскую палату гражданскаго суда „копіистомъ“ и на пятомъ году службы произведенъ въ первый классный чинъ.

Несоотвѣтствіе предложенныхъ кандидатовъ значенію должности, на которую они предназначались, вызвало даже у министра внутреннихъ дѣлъ замѣчаніе, что „при учрежденіи сего совѣта Высочайшее намѣреніе было, чтобы мѣсто сіе было совѣщательнымъ, а не просто исполнительнымъ учрежденіемъ, и чтобы чиновники, его составляющіе, были дѣйствительно совѣтниками генераль-губернатора и слѣдовательно имѣли-бы и чины, званію сему соотвѣтствующіе. Если на нихъ возложено по учрежденію вмѣстѣ и производство дѣлъ и часть исполнительная, то сіе сдѣлано единственно по уваженію экономіи въ людяхъ, но при семъ главное ихъ назначеніе быть совѣтниками генераль-губернаторской власти осталось непримѣненнымъ“.

По этимъ основаніямъ министръ внутреннихъ дѣлъ отказывался войти съ представленіемъ объ опредѣленіи на должности кандидатовъ генераль-губернатора, находя ихъ несоотвѣтствующими важности и отвѣтственности поста.

Но, не смотря на основательность возраженій министра внутреннихъ дѣлъ, генераль-губернатору Лавинскому удалось черезъ посредство сибирскаго комитета,—вѣроятно, при содѣйствіи всемогущаго тогда графа Аракчеева,—добиться допущенія предложенныхъ имъ кандидатовъ къ присутствію въ совѣтъ главнаго управленія съ званіемъ „исправляющихъ должность совѣтниковъ“.

Такимъ образомъ, въ Восточной Сибири совѣтъ главнаго управленія сразу оказался поставленнымъ въ положеніе, несоотвѣтствующее тому, которое хотѣлъ создать Сперанскій въ своемъ Сибирскомъ „учрежденіи“. Насколько пополненіе состава упомянутого совѣта зависѣло отъ представленій и вліяній генераль-губернатора, членами совѣта при самомъ его возникновеніи назначены были такіа лица, которыя ни по образовательному своему цензу, ни по пройденной предварительно служебной школѣ, ни по своему іерархическому положенію не могли придать вновь создаваемому установленію того значенія,* которое было указано ему въ мотивахъ Сибирскаго Учрежденія *).

Въ виду изложеннаго нѣтъ рѣшительно ничего удивительнаго, что, не смотря на реформу Сперанскаго, дѣла управленія въ Сибири шли такъ, что съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе требовали принятія, для упорядоченія ихъ, особыхъ, сильно дѣйствующихъ мѣръ. Къ числу такихъ мѣръ, обыкновенно, принадлежатъ сенаторскія ревизіи. Въ Западной Сибири ревизія, порученная сенаторамъ Безродному и князю Куракину, обнаружила массу неправильностей. Вотъ что, на примѣръ, открыли сенаторы-ревизоры относительно Тобольскаго гражданскаго губернатора Бантышъ-Каменскаго:

„Бездѣйствіемъ и небреженіемъ съ своей стороны попустивъ земскихъ чиновниковъ, начальствовавшихъ конными и пѣшими вооруженными командами, наряжаемыми для экзекуцій и для усмиренія мнимыхъ бунтовъ (которыхъ никогда, какъ свидѣтельствовали сенаторы, на самомъ дѣлѣ не было) простирать своеволіе до жестокости, наносить сельскимъ жителямъ побои, истязанія, вымогать отъ нихъ взятки, раззорять ихъ имущество до того, что у нѣкоторыхъ крестьянъ даже образа снимались со стѣнъ,—Бантышъ-Каменскій и по прибытіи сенаторовъ на мѣсто возложенной на нихъ по Высочайшему повелѣнію ревизіи, дѣйствовалъ неправильно: ибо вмѣсто того, чтобы на основаніи предписаній ихъ удостовѣриться черезъ благонадежныхъ чиновниковъ, отчего именно татары не платятъ податей, по упорству-ли, или по бѣдности, онъ въ заключеніяхъ своихъ по сему предмету ограничивался донесеніями земскихъ исправниковъ о мнимыхъ возмущеніяхъ, не взирая на то, что донесенія сіи не имѣли за-

*) См. „Сибирскія окраины“. Историко-юридическіе очерки С. Прутченко. С.-Пб. 1899. Стр. 310—312.

Церковь въ Зайсанѣ, Семипалатинской области
 (L'église dans la ville Zaisan, gouvernement de Semipalatinsky).

Домъ Губернатора и Интендантскій садъ въ Иркутскѣ
 (La maison du gouverneur et jardin d'intendant à Irkoutsk).

конной достовѣрности, представлялъ оныя на разрѣшенія сенаторовъ, медлилъ исполненіемъ ихъ предписаній и вообще усиливался склонить ихъ къ предполагаемой имъ мѣрѣ экзекуціоннаго понужденія, послѣдствіями своими столь бѣдственнаго. Когда-же сенаторы для приведенія въ точную извѣстность, по какимъ именно причинамъ инородцы останавливаются платежемъ податей, и для испытанія ихъ въ семъ случаѣ мѣрами кротости, а не строгостію экзекуцій черезъ казаковъ, откомандировали отъ себя въ татарскія селенія совѣтника главнаго управленія статскаго совѣтника Коллета, по ревности къ службѣ и опытности лично имъ сенаторамъ извѣстнаго,—то Бантышъ-Каменскій послалъ по слѣдамъ его въ Индерскую волость другого слѣдователя, титулярнаго совѣтника Рѣзанова, каковое слѣдствіе, за откомандированіемъ совѣтника главнаго управленія, не могло быть умѣстно ни по званію Рѣзанова, ни по лѣтамъ, ни по опытности, ни даже по его нравственности“...

Вообще, ревизія Западной Сибири сенаторами Безроднымъ и княземъ Куракинымъ раскрыла массу подобныхъ фактовъ. До пріѣзда въ Сибирь сенаторовъ злоупотребленія по управленію въ Тобольской губерніи оставались скрытыми. „Даже всеподданнѣйшая жалоба,—свидѣтельствуешь Сибирскій комитетъ,—крестьянъ Туринскаго округа, Кушиновской волости, преданныхъ суду за буйство и неповиновеніе въ платежѣ повинностей, принесенная Государю Императору на противузаконныя дѣйствія чиновниковъ, производившихъ слѣдствіе, и пристрастное производство онаго,—обратившая на себя особое Высочайшее вниманіе, и по положенію комитета министровъ, Высочайше утвержденному 2 января 1826 г., препровожденная на мѣсто съ тѣмъ, чтобы по оной произведено было строжайшее изслѣдованіе чрезъ благонадежнаго чиновника и чтобы виновные въ злоупотребленіи власти своей не были оставлены безъ законнаго взысканія,—оставлена была губернскимъ начальствомъ по его, Бантышъ-Каменскаго, распоряженію безъ всякаго уваженія и даже не было ни отъ кого никуда донесенія о томъ, чѣмъ и какъ исполнено сіе Высочайшее повелѣніе“...

Если высшіе чиновники въ своемъ самовластіи доходили до пренебреженія Высочайшимъ указамъ, то примѣру ихъ слѣдовала и мелкая сошка, своевольничавшая и притѣснявшая ввѣренныхъ ей попеченію и заботамъ обывателей.

У насъ не хватило-бы мѣста описанію всѣхъ тѣхъ подвиговъ и ухищреній, которые употребляли эти мелкіе чиновники въ своемъ своеволіи и беззастѣнчивомъ стремленіи къ наживѣ. Чиновники,—укажемъ для примѣра, —особенно любили дѣйствовать въ своихъ корыстныхъ интересахъ на поприщѣ торговли водкою съ инородцами.

Продавать инородцамъ вино всегда строго запрещалось. Это запрещеніе подтверждалось и „Сибирскимъ учрежденіемъ“ и поддерживалось высшимъ мѣстнымъ начальствомъ. Но „огненная вода“ по прежнему текла по инородческимъ стойбищамъ,—не безъ содѣйствія, конечно, низшаго ранга чиновниковъ,—пожирая и имущество, и здоровье инородцевъ.

Вотъ какъ, напримѣръ, производилась виноторговля въ Березовскомъ краѣ въ 30-хъ годахъ. Инородцы покупали водку, преимущественно, у березовскаго откупщика. Прежде чѣмъ инородецъ отпраплялся въ городъ за водкой,—разсказываетъ Шашковъ,*)—онъ долженъ былъ являться къ засѣдателю, и тотъ, за извѣстную сумму, давалъ инородцу дозволеніе поѣхать за водкой. Собиралось нѣсколько инородческихъ семей и всѣ они отпраплялись въ Березовъ. Здѣсь инородцы останавливались у знакомаго обывателя, который велъ ихъ представлять разнымъ чиновникамъ. Сначала шли къ городничему. Городничій спрашивалъ, сколько имъ нужно водки и, сообразно съ количествомъ ведеръ, назначалъ количество потребныхъ ему мѣховыхъ даровъ. Затѣмъ, онъ давалъ остякамъ дозволенную записку къ откупщику на отпускъ водки. Отъ городничаго остяковъ вели къ исправнику и ко всѣмъ другимъ важнымъ чиновникамъ, а если ихъ водилъ казакъ, то и къ начальнику казачьей команды. Вездѣ повторялась та же исторія, что и у городничаго. Наконецъ, инородцы добираются до откупщика и покупаютъ нѣсколько сотъ ведеръ водки, а затѣмъ, по пьянствовавъ въ городѣ, отпрапляются домой. Едва отъѣдутъ они версты двѣ—три, какъ уже встрѣчаютъ на дорогѣ чиновниковъ, у которыхъ они не были. Чиновники останавливаютъ дикарей, начинаютъ допрашивать, какъ смѣли они покупать водку, грозятъ имъ судомъ, приказываютъ вернуться въ городъ и т. д. Инородцы удовлетворяютъ этихъ господъ, чѣмъ могутъ—деньгами, звѣриными шкурами, отпряженными отъ саней оленями, даже снимаемою съ себя одеждою. Инородцевъ отпускаютъ. Проѣдутъ они версты три—вдругъ на дорогѣ стоитъ нѣсколько вооруженныхъ казаковъ съ обнаженными шашками, а „другіе казаки, нагоняя ихъ, скачутъ на лошадяхъ и, приведя инородцевъ въ безмѣрный страхъ, забираютъ все, что осталось у нихъ изъ денегъ или вещей; буде-же мало того, то снимаютъ съ нихъ половину одежды и забираютъ даже часть купленнаго ими вина, и тогда только отпускаютъ инородцевъ въ ихъ жилища“.

Чиновникъ Плашковскій, вѣздившій въ Березовъ для разслѣдованія этихъ злоупотребленій, пишетъ, что и сами чиновники

нерѣдко возили къ инородцамъ водку, продавали ее и, спаивая инородцевъ, забирали все, что могли найти у нихъ цѣннаго. Особенно обширную виноторговлю вель Обдорскій отдѣльный засѣдатель...

Въ такой невозможной атмосферѣ тогдашняго чиновничества, не исправленнаго мѣрами Сперанскаго, неуваженіе къ человѣческой личности доходило до истязанія провинившихся, а подчасъ и невинныхъ. Въ этой атмосферѣ, при безнаказанности преступленія и порока, порождавшей и увеличивавшей самоволіе чиновничества, воспитывались типы должностныхъ лицъ самыхъ различныхъ іерархическихъ положеній относительно приемовъ и способовъ воздѣйствія на подвѣдомственное населеніе.

Какъ на примѣръ, укажемъ на главнаго начальника Алтайскихъ заводовъ Бекмана. Семевскій рассказываетъ про этого господина, что это былъ тиранъ, какихъ Европа не знаетъ уже со временъ инквизиціи. Онъ нерѣдко пыталъ людей и даже находилъ въ этомъ наслажденіе. Обыкновенный его приемъ состоялъ въ засовываніи несчастному допрашиваемому мокраго платка въ ротъ, пока человѣкъ не начиналъ задыхаться, и кровь не показывалась изъ горла. Но бывали приемы и лучше. Нѣкоторыхъ онъ раздѣвалъ и приказывалъ бить перышкомъ по такимъ частямъ тѣла, которыя быстро у того распухали, производя ощущеніе невыносимой боли...

Если такія явленія были возможны въ Западной Сибири, ближайшей къ Европейской Россіи, къ центру государства, то немудрено себѣ представить, до какихъ геркулесовыхъ столповъ доходило въ своемъ своеволіи и безчинствѣ чиновничество Восточной Сибири....

(Продолженіе будетъ).

Н. А. Гурьевъ.

Приангарскій край въ этнографическомъ отношеніи.

Приангарскій край, лежащій по теченію рѣки Ангары или, такъ называемой, Верхней Тунгузки съ ея притоками, до сихъ поръ представляетъ, можно сказать, страну мало извѣстную и мало изслѣдованную. Въ этнографическомъ отношеніи край этотъ настолько интересенъ, что онъ далъ бы богатый матеріалъ для изслѣдованія.

Населеніе края, удаленное отъ трактовыхъ путей, заброшенное въ глухую, суровую и горную мѣстность, покрытую непроходимыми лѣсами, въ сосѣдствѣ съ кочевыми инородцами, полу-

чило особый укладъ жизни, съ своеобразными нравами и обычаями, въ которыхъ сказывается отчасти вліяніе аборигеновъ края—тунгусовъ.

До семидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія приангарское населеніе отличалось замѣчательною патріархальностію, честностію, при полномъ, однако, невѣжествѣ русскаго населенія, чему много способствовало отсутствіе воинской повинности въ краѣ, къ которой и по настоящее время не привлекается молодежь. Сохраненію стараго уклада жизни много способствовало и отсутствіе въ краѣ ссыльнаго элемента, который все болѣе и болѣе въ послѣдніе годы сталъ увеличиваться, въ явный ущербъ коренному населенію приангарскаго края.

Въ 60—70 годахъ край этотъ посѣщали немногіе, и то крупные, торговцы, ѣздившіе туда въ зимнее время за сборомъ и покупкой пушнины; въ настоящее же время число торгашей значительно увеличилось, вслѣдствіе чего въ торговые сношенія была внесена не малая доля недобросовѣстности, оставляющая дурной слѣдъ на нравахъ населенія.

Настоящей статьей мы не претендуемъ на полноту изслѣдованій, а лишь желаемъ запечатлѣть въ памяти читателей тотъ интересный матеріалъ, какой удалось собрать иниціатору, и полагаемъ, что для этнографа, для науки, онъ будетъ представлять нѣкоторый интересъ, тѣмъ болѣе, что съ каждымъ годомъ жизнь населенія, измѣняясь, утрачиваетъ многое изъ своего прошлаго. Съ другой стороны—трудъ нашъ, страдая литературными недостатками, имѣетъ цѣлю не столько обыкновеннаго читателя, сколько этнографа, любителя, для котораго наброски эти послужатъ лишь сырымъ матеріаломъ, натолкнуть, быть можетъ, на мысль—болѣе серьезнаго и детальнаго изслѣдованія приангарскаго края.

* * *

Въ сѣверо-восточной части Енисейской губерніи по рѣкѣ Ангарѣ залегаетъ обширный край, называемый Богучанскимъ, въ составъ котораго входятъ двѣ волости—Пинчугская и Кежемская: первая, имѣющая 75,174 кв. версты и 160,000 кв. саж. и вторая—37,187 кв. вер. и 500 кв. саж., съ населеніемъ на 1-е января 1894 года—2712 бойцовыхъ душъ и 500 стариковъ. Удаленность края отъ городовъ, неудобства путей сообщенія (такъ сюда лѣтомъ можно попадать только на лодкахъ, а зимою по рѣкѣ

*) Матеріаломъ для этой статьи намъ послужили наброски, бывшаго въ селѣ Богучанскомъ—на р. Ангарѣ долгое время учителемъ министерскаго училища, Всеволода Никитича Скорнякова, который, къ сожалѣнію, не имѣлъ времени ихъ обработать и дополнить другими свѣдѣніями. Наброски эти записаны были въ 1892—4 годахъ; слѣдовательно, относятся къ этому только времени.

Ангарѣ), недостатокъ школъ (двѣ въ 1894 году),—наложили на этотъ край особенный отпечатокъ. До 60-хъ годовъ въ краѣ не было ни одной школы и только въ концѣ ихъ были основаны двѣ школы, на разстояніи одна отъ другой на 300 верстъ—въ Богучанахъ и Кежмахъ. Первая школа просуществовала только годъ и закрылась по неимѣнію учителя. Въ продолженіи болѣе 20 лѣтъ она была забыта и только въ 1889 году было возбуждено начальствомъ ходатайство объ ея открытіи, которое и совершилось въ слѣдующемъ году. Какъ велось обученіе въ этихъ школахъ, одному Богу извѣстно, такъ какъ учебная власть съ самаго основанія до 1894 года не посѣщала ихъ.

Ангарскій житель, по невѣжеству своему, общенію съ тунгусами и какъ звѣроловъ-охотникъ, крайне суевѣренъ. Въ Бога хотя и вѣруеть, но относится къ нему индифферентно и вся религіозность его выражается только въ посѣщеніи церкви, знаніи самыхъ обыкновенныхъ молитвъ, которыхъ не знаютъ иногда даже старики. Вліяніе духовенства на народъ крайне слабое и оно не пользуется авторитетностію. Даже тунгусы, вѣрующіе въ бытіе Бога, несутъ ему дары въ лѣсѣ, подвѣшивая бѣлку, кожи, платки и шали на деревьяхъ, и, на предложеніе принести эти дары Богу въ церковь, тунгусы наотрѣзъ отказываются, боясь, что поцѣ ихъ пропѣетъ. Они, въ подобныхъ случаяхъ, говорятъ: „дерево видитъ, что моя повѣсилъ Богу“. Вѣра въ шамановъ еще до сихъ поръ не исчезла среди приангарскаго крестьянскаго населенія. Мы не говоримъ уже о томъ, что среди послѣдняго въ разговорномъ языкѣ остается въ обращеніи масса тунгузскихъ словъ.

Ангарскій крестьянинъ, вообще, человѣкъ крайне любознательный и впечатлительный. Будучи по натурѣ звѣроловомъ—охотникомъ, въ постоянной борьбѣ съ суровою природою, среди мрачныхъ хвойныхъ лѣсовъ, сталкиваясь при своей кочевой охотничьей жизни съ инородцами и бродягами, онъ обладаетъ крайне развитымъ воображеніемъ и самыя простыя явленія жизни у него воплощаются въ фантастическіе образы, и онъ вѣруеть до сихъ поръ въ то, что уже давно притрактовому мужику кажется смѣшнымъ. Малѣйшее измѣненіе въ строѣ жизни приангарскаго крестьянина заставляетъ его задумываться и искать причины этого измѣненія. Такъ, напр., въ село Чадобское былъ назначенъ вдовый священникъ. Въ первые мѣсяцы его служенія въ деревнѣ умерло семь женщинъ. Крестьяне встревожились, пошли толки между ними, которые привели къ тому убѣжденію, что „напасть“ эта случилась отъ того, что у нихъ вдовый священникъ. „Не надо намъ его, надо подать просьбу о переводѣ, а то весь народъ перемретъ“—заговорили мужики и стали хлопотать о переводѣ священника.

Авторъ набросковъ, которые послужили матеріаломъ нашей статьи, касается, преимущественно, жизни Богучанскаго обитателя, среди котораго онъ жилъ, но, посѣщая лично приангарскій край въ 60-хъ годахъ и нѣсколько ознакомившись съ нимъ, могу сказать, что характеристика перваго близко подходитъ и къ Кежемской волости, за исключеніемъ развѣ рр. Муры и Чуны, гдѣ сохранилось еще болѣе старины.

Народъ въ Богучанахъ тихій, хитрый, эгоистичный и расчетливый, и если гостепріименъ, то съ расчетомъ. Такъ, если принялъ къ себѣ гостя, то ужъ самъ зайдетъ къ нему безъ приглашенія. Идетъ съ сознаніемъ того, что онъ впередъ „загостилъ“ гостя и тотъ долженъ его угостить. Если же видитъ, что съ человѣка нечего взять и нечѣмъ угоститься, то и приглашать его не будетъ. Въ гостяхъ, у своей ровни въ особенности, подвыпившій крестьянинъ крайне развязенъ, даже отчасти нахаленъ. Приглашенный въ первый разъ къ водкѣ, онъ, затѣмъ, уже самъ, безъ приглашенія, наливаетъ вино, думая, что это неосудится. Когда хозяинъ или хозяйка приглашаетъ гостя къ чаю, то онъ, обыкновенно, отговаривается, говоря, что «не хочетъ, что сейчасъ пилъ», но, все-таки, садится за столъ, съ уговоромъ: „ну выпить чашку“, а какъ сядетъ, такъ подливай только. Взять что-либо даромъ любить, но за свое крѣпко держится; чужое беретъ иногда, неспросивъ хозяина, а при протестѣ его—говоритъ: „что сдѣлалось твоей вещи; вѣдь, я принесъ ее обратно“. Свой трудъ цѣнятъ дорого, чужой—дешево. Если знаетъ, что съ человѣкомъ встрѣчатся будетъ или видитъ въ немъ человѣка вліятельнаго, то правду о немъ никогда въ глаза не скажетъ, тогда какъ съ тѣмъ, съ которымъ, какъ говорится, не пиры водить, онъ не церемонится и всѣ недостатки его ставитъ на видъ. Правды онъ не выскажетъ и на судѣ, если обвиняется его ближній или сосѣдъ; онъ даже откажется отъ свидѣтельства и постарается скрыть преступленіе, если видитъ, что пріятели его потерпѣть могутъ.

Работники они вялые; работаютъ лѣниво болѣе потому, что свободнаго времени у нихъ ужъ слишкомъ много: стукнуть топоромъ разъ-два, да покурятъ или понюхаютъ, на что они большіе охотники, потомъ, поработавъ, поговорятъ, а тамъ, глядишь, бѣсть захотятъ,—въ такомъ бездѣльи больше и время проходитъ.

Живутъ, вообще, грязно, о чистотѣ дворовъ и улицъ заботятся только по понужденію начальства. Избы моютъ только разъ въ недѣлю, а наружныя стѣны—передъ Пасхой и Рождествомъ. Въ жилой избѣ крестьянинъ и кожи дѣлаетъ, и овчину обдѣлываетъ, и невода плететъ, и выполняетъ всѣ работы. Одежду по стѣнамъ не развѣшиваютъ, а кладутъ на брусъ. Кровати у большинства не закрыты занавѣсками, спятъ на войлокахъ или

перинахъ, а дѣти на полу. Бабы, вообще, народъ неопрятный и неприборчивый; ребятишки ходятъ грязными, съ нечистотами подъ носомъ; матери за ними не слѣдятъ и не моютъ, а гдѣ есть грудныя дѣти, то тамъ присоединяется еще вонь отъ подстилокъ. Отъ сушки же мокраго платья и онучей воздухъ въ избахъ невыносимый для свѣжаго человѣка, удушливый, такъ какъ въ зимнее время ставятся желѣзныя печи, отъ которыхъ бываетъ такая жара, что непривычному человѣку не вынести; но пройдетъ нѣсколько десятковъ минутъ, то хоть на печь полѣзай—въ избѣ водворяется холодъ. Живя при такихъ невозможныхъ условіяхъ, крестьяне, однакоже, не знаютъ большихъ болѣзней, а чахоточныхъ среди нихъ и совсѣмъ не встрѣчается. Очевидно, этому помогаютъ бани, которыя топятъ передъ каждымъ праздникомъ. Платковъ носовыхъ крестьяне и крестьянки не имѣютъ: первые сморкаются въ руку и вытираются рукавомъ, а вторыя въ углы шалей или фартука. Полотенце полагается одно на всю семью и перемѣняется оно разъ въ недѣлю. Шкафовъ для посуды не имѣется. По стѣнамъ развѣшиваютъ картины и разныя бумажки. Иконы ставятся на божницы, куда прилѣпляются и восковыя ствѣчи, а передъ Пасхой украшаютъ ихъ вербою съ разноцвѣтными бумажками. Курицъ зимою держутъ подъ шесткомъ, а собакъ въ избу не пускаютъ. Скота въ избахъ не держатъ.

Въ отношеніи жилыхъ помѣщеній приангарскіе крестьяне оказались нѣсколько прогрессивнѣе. Старинныхъ избъ, которыя строились лѣтъ 40—50 тому назадъ, уже нѣтъ въ краѣ. Это были избы черныя, т. е. дымъ изъ печей шелъ не черезъ трубу, а около потолка и выходилъ наружу изъ боковаго отверстія. Строились тогда избы съ холодными сѣнями на двѣ половины—избу и горницу, имѣя 4—5 небольшихъ оконъ, со слюдою вмѣсто стеколъ. Наличниковъ у оконъ не было и бревна къ колодамъ только стесывались; о ставняхъ тогда понятія не имѣли. Теперь же строятъ избы съ теплыми сѣнями въ серединѣ той и другой половины; амбары же ставятъ подальше отъ жилого помѣщенія и нерѣдко въ два этажа, тогда какъ прежде амбары были маленькіе или было ихъ нѣсколько и строились они близъ сѣней жилого помѣщенія. Крыли и кроютъ строенія драньемъ и тесомъ на два ската. Окна дѣлаются 4—5 четвертей въ высоту и 3—4 четверти въ ширину, на разстояніи аршина отъ полу и въ направленіи на сѣверъ, югъ и западъ; на зиму вставляются двойныя со стеклами рамы или замѣняютъ ихъ одною, съ натянутою брюшиною. Ставни хотя и дѣлаются, но безъ болтовъ. Печи у всѣхъ глинобитныя; ставятся обыкновенно въ углу, а за ними дѣлается ходъ въ подполье. Въ печахъ не парятся, а лишь ложатся на нихъ, чтобы прогрѣться. Печь-же

служить единственнымъ вентиляторомъ. Избы дѣлаются на мху изъ сосноваго лѣса въ 6—7 вершковъ и только нижніе ряды кладутся листовичные, прямо на землю и рѣдко на стойки; полы ординарные; во время зимы, около избы, дѣлается завалина изъ назыму или снѣгу. Полати есть въ каждой избѣ, стѣны внутри тесанья, небѣленья и немазанья, потолокъ обыкновенно засыпается глиной на полъ-аршина и даже болѣе. Мебель составляютъ скамьи, табуреты и стулья.

За рубку избы берутъ здѣсь съ угла отъ 3 до 5 рублей на хозяйскихъ харчахъ, на условіи положить полы, потолки и брусья подъ печку. За отдѣлку одной половины избы берутъ 20—25 рублей, также на харчахъ хозяина. За крышу платятъ отдѣльно. Такъ что средняя изба въ одну половину со всѣмъ матеріаломъ стоитъ отъ 80 до 90 рублей. Амбаръ-же, на который уходить 150 лѣсинъ, стоитъ ту же цѣну. Стоимость здѣсь лѣса—6 саж. длиною и 5 вер. шириною—30 и 35 копѣекъ съ вывозкой на мѣсто. За дранье для крышъ, изъ осины и лиственни, берутъ по рублю съ сотни на хозяйскомъ содержаніи и по 3 р. на своемъ. Тесъ пилятъ по 1½ коп. съ аршина, на своемъ содержаніи.

Описаніемъ жилыхъ и нежилыхъ строеній приангарскаго крестьянина мы хотѣли показать степень культурнаго развитія народа, который, несомнѣнно, рано или поздно, оставитъ настоящія формы жилищъ и перейдетъ, да постепенно и переходитъ уже къ новымъ формамъ, такъ что наше, болѣе или менѣе подробное описаніе построекъ, полагаемъ, имѣетъ нѣкоторый историческій интересъ.

Та или иная культура все болѣе и болѣе, въ особенности въ послѣдніе годы, начинаетъ врываться въ жизнь приангарскаго населенія и мало по малу начинаетъ измѣнять національную самобытность. Народные обычаи, являющіеся здѣсь пережитками отдаленнаго прошлаго, во многомъ заимствованнаго отъ болѣе могучаго и развитаго,—чѣмъ были тогда первые русскіе колонизаторы,—кочевника-тунгуса, наполнявшаго въ былое время приангарскія мѣстности, съ каждымъ годомъ начинаютъ уступать вліянію другой культуры, и только благодаря еще отдаленности края, отсутствію удобныхъ и скорыхъ путей сообщенія съ нимъ, старые обычаи мѣстами упорно держатся. Обычаи эти представляютъ большой интересъ какъ съ точки зрѣнія исторіи культуры и этнологіи, такъ, отчасти, и въ смыслѣ практическомъ, для уясненія условій и нуждъ народнаго быта.

Въ нашемъ распоряженіи имѣется весьма небольшой запасъ этнографическаго матеріала. Но—какъ говорится: „съ міру по ниткѣ—голому рубаха“—быть можетъ, и наши свѣдѣнія кому-нибудь пригодятся. Къ сожалѣнію, по недостатку времени и крайней

разбросанности имѣющагося у насъ матеріала, мы не имѣемъ возможности систематизировать его и будемъ давать въ сыромъ видѣ, предоставляя разбираться въ немъ настоящему этнографу.

Въ селѣ Богучанахъ 9-го марта бабы пекутъ изъ тѣста, такъ называемые, „жаворонки“ въ формѣ птицъ, лошадей и коровъ. Затѣмъ, ребятишки бѣгутъ съ ними на гумно, гдѣ, разостлавъ соломы, кладутъ на нее жаворонки и покрываютъ ихъ соломой-же. Потомъ начинаютъ ходить вокругъ, похлестывая свое приношеніе метлой и приговаривая: „жавороночки на проталинкахъ, на завалинкахъ, унесите студено, принесите тепло, чтобы стѣны жгло, керъ-керъ тепло, керъ-керъ морозъ“. Послѣ этого дѣти кувыркаются, катаются черезъ солому и играютъ, такъ какъ собирается ихъ, обыкновенно, довольно много. Наигравшись вволю, берутъ жаворонки и идутъ на другое гумно, гдѣ повторяютъ тоже самое, а затѣмъ—расходятся по домамъ, при чемъ часть жаворонковъ съѣдаютъ, а часть оставляютъ до великаго четверга. Въ этотъ день опять идутъ на гумно, при чемъ участвуютъ и старшіе; исполнивъ здѣсь тѣже обрядности, жаворонками кормятъ въ тотъ же день, до восхода солнца, скотъ свой, при чемъ каждому животному даютъ соотвѣтствующій ему жаворонкъ, съ изображеніемъ или птицы, или лошади или коровы.

Въ великій же четвергъ, рано утромъ, до восхода солнца, бабы прядутъ изъ шерсти нитки, которыми и перевязываютъ около кистей руки, тогда онѣ отъ работы „разовьются“. Въ ночь же на великій четвергъ кладутъ на столъ: хлѣбъ, соль, сметану, богородскую траву и деньги, а подъ столъ: смолу, верескъ, вѣникъ, пепель и табакъ. Все это стоитъ до утра и убирается до восхода солнца. Вставши рано, смолою этою дѣлаютъ на лбу крестъ у всѣхъ членовъ семейства, чтобы не страдали безсонницей, а ребятишкамъ при этомъ приговариваютъ: „какъ смолочка здорова, такъ и ребенокъ будь здоровъ“. Той-же смолой мажутъ и скотъ, чтобы его не урочили. Дѣлаютъ еще такъ: раскладываютъ на дворѣ огонь, кладутъ въ него смолу и верескъ, и черезъ нихъ прогоняютъ лошадей, чтобы ихъ также „уроки не брали“, т. е. не урочили. Верескъ берутъ для окуриванія скота отъ всѣхъ болѣзней. Вѣникъ хранятъ три года и имъ парятъ нездоровыхъ людей, чтобы они выздоровѣли. Богородской травой окуриваютъ коровъ послѣ отеленія. Соль идетъ въ кормъ скоту и употребляется отъ „ногтя“, такъ же, какъ табакъ и пепель, причемъ первые два смѣшиваютъ вмѣстѣ. Часть соли оставляется и называется она „четверишной“ солью, хранится она весь годъ и употребляется отъ ногтя у скота *).

*) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Евр. Россіи, тоже, существуетъ обычай въ великій четвертокъ брать соль и класть ее въ истопленную печь, чтобы она приняла темный цвѣтъ. Такая соль называется *четверговой* и считается тоже цѣлебной. *Прим. ред.*

бомъ кормятъ скоть утромъ въ четвергъ такъ, чтобы люди не видѣли, отчего скоть долженъ быть здоровѣе. Сметана, чтобы быть здоровыми, съѣдается на Пасхѣ, но есть повѣрье, что поставленная на великій четвертокъ сметана цѣлый годъ не переводится. Деньги кладутся для того, чтобы не переводились, для чего еще въ великій четвергъ на зарѣ пересчитываютъ ихъ.

Съ праздника Благовѣщенія крестьяне избѣгаютъ вносить огонь въ избы и обходятся, по возможности, безъ него. Въ день этотъ бываетъ церковная служба, на которую съѣзжаются крестьяне изъ многихъ деревень, съ цѣлю полученія, такъ называемыхъ, „благовѣщенскихъ просфоръ“, съ которыми потомъ крестьяне выѣзжаютъ для пахоты поля. Въ этотъ же праздникъ существуетъ обычай подвѣшивать въ воротахъ качели, покачавшись на которыхъ, снимаютъ ихъ въ тотъ же день. Днемъ устраиваются вечерки и, кромѣ того, молодежь обоего пола ходитъ по домамъ, гдѣ и пляшутъ.

Въ четвергъ, передъ Троицынымъ днемъ, наряжаютъ въ платье и обвѣшиваютъ платками березку, которую ставятъ среди площади, гдѣ и водятъ около нея хороводы. Березку эту хранятъ до Троицына дня, когда ее раздѣваютъ и относятъ, какъ покойника, на рѣку, гдѣ и топятъ.

Въ какойнибудь праздникъ, болѣе всего въ Николинъ день, въ нѣкоторыхъ деревняхъ устраиваютъ, такъ называемый, *канунъ*, т. е. ктонибудь варитъ пиво и приглашаетъ желающихъ угощаться имъ, за что пьющіе платятъ деньги, кто сколько пожелаетъ. Деньги эти передаются въ церковь.

Когда рѣка весной тронется, существуетъ обычай бросать въ рѣку кусокъ чернаго хлѣба съ приговариваніемъ: „хозяинъ водяной, возьми себѣ хлѣбъ, намъ дай рыбы, сохрани насъ отъ волны и потопа“.

Въ день именинъ или послѣ нихъ крестница приноситъ крестному или крестной ягодный пирогъ, за который тѣ должны отдарить чѣмъ-нибудь—конфектами или платкомъ. Замѣчаютъ, что если пирогъ состряпанъ хорошо, то крестница въ этотъ годъ не умретъ. Пирогъ стряпается изъ пшеничной муки и имѣетъ круглую форму, при чемъ на верхъ его кладутъ узкія полоски изъ тѣста вдоль и поперекъ, а между ними накладываются ягоды. Имянинникъ, въ день своего ангела, самъ собираетъ гостей, угощая ихъ сначала чаемъ, а потомъ всевозможными кушаньями, въ такомъ порядкѣ: въ постные дни—1-е холодное изъ головъ красной рыбы; 2 холодное изъ бѣлой рыбы; 3 строганина мороженая изъ бѣлой или красной рыбы; 4 пирогъ изъ красной рыбы; 5 каша съмянная; 6 каша крупяная; 7 кутья; 8 пирогъ изъ бѣлой рыбы; 9 блины; 10 сладкій пирогъ; 11 картофель съ жиромъ; 12 пирожки съ морковью и 13-е пирогъ изъ брюквы.

Въ скоромные дни: 1-е студень; 2 мясная похлебка; 3 жаркое изъ рябчиковъ, свинины и сохатины; 4 блины; 5 каша крупяная; 6 драчена картофельная; 7 драчена кислая; 8 пирожки (пряженники) и 9-е пирогъ морковный. Къ чаю подаютъ пироги съ черемуховой мукой, пирожки соковые, рыбные и ягоду. Когда гости, на именинахъ, разольютъ чашки, то есть обычай желать имениннику всего хорошаго. Наѣвшись до сыта, гости уходятъ по домамъ. Въ виду такого обильнаго угощенія, собираясь въ гости, крестьяне говорятъ: „на что дома ѣсть; вѣдь, сегодня на именины надо идти“. У такихъ же деревенскихъ особъ, какъ волостные писаря, угощеніе въ день именинъ еще обильнѣе, но уже на городской манеръ: тутъ и галантиръ, и пельмени, и телятина, и котлеты, и желе съ вафлями и стаканомъ молока, при чемъ передъ каждымъ кушаньемъ подается по рюмкѣ вина или наливки.

Послѣ имениннаго угощенія дѣвушки гурьбой идутъ по деревнѣ и поютъ пѣсни.

Здѣсь мы, кстати, сообщимъ способы приготовленія нѣкоторыхъ, указанныхъ нами, кушаньевъ: кутья—крошатъ квасникъ въ горшокъ, наливаютъ въ него воды и ставятъ въ печь. Получается густое сусло, которое процѣживаютъ, кладутъ въ него пшеничнаго зерна или ягоды и ставятъ опять въ печь, при чемъ иногда прибавляютъ меду. Каша сѣмянная—берутъ конопляное сѣмя и растираютъ его въ водѣ, полученную жидкость процѣживаютъ и кладутъ въ нее мелко истолченный картофель и потомъ все это ставится въ печь. Пирожки соковые—берутъ процѣженную изъ коноплянаго сѣмени воду, ставятъ въ печь и парятъ, отчего на поверхности появляется накипь, которую снимаютъ и употребляютъ для начинки пирожковъ, *шаней*. Кислая драчена—берутъ два стакана сливокъ, 10 яицъ, 2 ложки сметаны, все это размѣшиваютъ, прибавляютъ муки и ставятъ на ночь въ теплое мѣсто. Когда вся эта смѣсь поднимется, кладутъ на сковороду и ставятъ въ печь.

(Продолженіе будетъ).

Н. В. Скорняковъ.

Попутчица

(Разсказъ изъ обозной жизни въ Сибири).

— Вася, вставай! Пора ѣхать.
Въ отвѣтъ молчаніе.

— Да будетъ же тебѣ дрыхнуть! Обозъ ужъ давно ушелъ, пора и намъ за нимъ.

Въ отвѣтъ—ни слова.

— Васенька, голубчикъ, вставай, ради Бога! Посмотри, какая красавица съ нами ѣдетъ—чудо!

— Что ты врешь? Какая красавица,—соннымъ голосомъ спрашиваетъ Вася, переворачиваясь съ одного бока на другой.

— Ага, встрепенулся!—шепчетъ про себя обозный хозяинъ и добавляетъ въ слухъ:—Да не вру же я... Ей Богу! Просила довести ее до Бирюсы, къ мужу. Жалко мнѣ стало ее. Взялъ.

— Да ты что, въ самомъ дѣлѣ не врешь?—окончательно выбиваясь изъ сна и протирая глаза, спрашиваетъ Вася.

— Да ей Богу же!

— Ну, зачѣмъ это? Скажи на милость: куда мы ее посадимъ?

— Куда-нибудь да посадимъ. Постѣснимся немного день другой.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что *постѣснимся*. А впрочемъ, обиженнымъ тономъ добавляетъ Вася,—ты, вѣдь, хозяинъ; значить, имѣешь право дѣлать, что тебѣ угодно.

— Ну, полно, не говори глупостей, Вася! Право тутъ не причемъ. Хорошая знакомая проситъ довести ее до дому. Съ кѣмъ-нибудь другимъ она боится ѣхать, а на меня надѣется, знаетъ меня ужъ давно. Согласись самъ, хорошо-ли я бы сдѣлалъ, еслибы отказалъ ей въ этой просьбѣ!

— Ну ладно, ладно.—неохотно соглашается Вася:—дѣло сдѣлано. Значить, что толковать объ этомъ!

— Давно бы такъ, а то—„хозяинъ“... и чертъ знаетъ еще какія глупости говорить!..

— Пускай будетъ глупости. А только я хорошо знаю, что нѣтъ хуже того, какъ возиться съ попутчицами. Сколько съ ними неудобствъ въ дорогѣ—ты и самъ, конечно, знаешь. Въ особенности ночью: не пошевели ты ее невзначай, потому—дама; не вылезъ изъ тарантаса лишній разъ—совѣстно предъ дамой... И лечь то нужно такъ, а не эдакъ—потому обидишь даму... Тьфу ты, чертъ возьми! Просто мука одна да и только.

— Все это ты напрасно говоришь. Въ дорогѣ нечего стѣсняться, въ особенности предъ замужней женщиной.. Такъ что тебѣ особенно нечего и беспокоиться. Однако, довольно болтать,—пора ѣхать.

— А гдѣ же она, красавица-то твоя?

— Скоро увидишь ее, имѣй терпѣніе. Мы за ней заѣдемъ на ея квартиру.

— Гдѣ же ея квартира? Далеко отсюда?—спрашиваетъ Вася Степана Ивановича (такъ зовутъ обознаго хозяина), садясь въ тарантасъ, запряженный парой сивыхъ лошадей.

— Нѣтъ, не далеко. Вонъ видишь—большой двухъэтажный домъ на лѣвой сторонѣ отсюда? Вонъ возлѣ него еще садикъ—видишь? Ну, вотъ тамъ и есть. Только, пожалуйста, прошу тебя, не строй такой кислой физіономіи. Неловко, понимаешь....

— Ну, ладно, ладно.. А вотъ, кажется, и домъ, гдѣ она живетъ...

— Этотъ, что-ли?

— Да, да. Пстой ка, ямщикъ, немного. Мы возьмемъ здѣсь попутчицу.

— Терпѣть не могу бабъ!—ворчитъ Вася, въ то время, какъ Степанъ Ивановичъ, выскочивъ изъ тарантаса, направляется къ дому, въ которомъ квартируетъ ихъ будущая спутница.—Сколько возни съ этимъ народомъ—бѣда! То ей подай, это принеси, такъ не сиди, тутъ не лежи... Тьфу ты, дьяволъ! И сунула же его нелегкая этакую глупость устроить... Вотъ и она идетъ, красавица писанная... Хохоchetъ. Весело ей...

— Вотъ наша попутчица, Вася,—Клавдія Ивановна Николаева, а это мой двоюродный братъ—Василій Митрофановичъ Павловъ. Прошу, господа, любить другъ друга да жаловать!—весело произноситъ Степанъ Ивановичъ и, послѣ взаимнаго обмѣна новыхъ знакомыхъ обычной фразой „очень пріятно познакомиться“, добавляетъ:

— Ну, а теперь, пожалуйста, Клавдія Ивановна, усаживайтесь, какъ вамъ удобнѣе.

— Пожалуйста вы ужъ меня извините, что стѣсню васъ немного, но что же дѣлать!—звенить пріятный голосокъ Клавдіи Ивановны, усѣвшейся между молодыми людьми.

— Помилуйте, какія тутъ стѣсненія!—привѣтливо улыбаясь, говоритъ Степанъ Ивановичъ.—Напротивъ, мы вамъ очень рады...

— Да, рады!—мысленно возмущается Вася.—Хоть бы вѣкъ не бывало такой радости!

— Вы-то, я знаю, ничего не имѣете противъ моего присутствія... Съ дѣтства, можно сказать, знаемъ другъ друга. А вотъ они....

— Что вы, что вы!—невольнo возражаетъ Вася, а самому такъ и хочется выпалить: „Зачѣмъ кривляться-то! Сѣла, поѣхала—ну, значить, нечего больше и толковать объ этомъ“...

И въ головѣ его быстро созрѣваетъ планъ, какъ избавиться хоть на время отъ начинающейся бесѣды со спутницей.

Какъ только они нагоняютъ обозъ, Вася пересядетъ на верховую лошадь объѣздного, который можетъ пѣшкомъ прогуляться... Идутъ же многіе ямщики за обозомъ десятки верстъ и—ничего, здоровы. Отчего же и объѣздному не пройти нѣсколько верстъ?

Итакъ, рѣшено: Вася покатается верхомъ, а затѣмъ—скоро наступитъ и вечеръ, и тогда можно будетъ завалиться въ тарантасъ спать.

— Вонъ обозъ идетъ!—съ необыкновенною радостью восклицаетъ Вася, увидѣвъ длинный рядъ телегъ, медленно движущихся впередъ.—Знаешь что, Степа,—возьму я у объѣздного лошадь и прокачусь немного... Надоѣло трястись въ тарантасѣ.

— Сдѣлай милость. Катайся, сколько твоей душѣ угодно.

— Не изъ-за меня ли удралъ онъ отсюда?—смутно догадываясь, спрашиваетъ Степана Ивановича его спутница въ то время, какъ Вася садится на лошадь объѣздного.

— Нѣтъ, нѣтъ! При чемъ тутъ вы!—старается разуверить свою спутницу Степанъ Ивановичъ.—Хандрить онъ—и все тутъ. Врачи нашли у него сильнѣйшее разстройство нервной системы. Они-то и посоветовали ему предпринять какую-нибудь дальнюю поѣздку, чтобы разсѣять свою хандру...

— Съ чего же это разстроились у него нервы?

— Да смерть жены на него такъ повліяла. И года не прошло послѣ ихъ вѣнчанія, какъ она простудилась, и ее быстро скрутила чахотка—скоротечная, значить... Ударъ этотъ сильно расшаталъ его нервы. Вотъ уже около года прошло со дня ея смерти, а онъ все еще не можетъ оправиться. И какъ только что-нибудь его начнетъ волновать, онъ сейчасъ же берется за флакончикъ съ бромистрымъ натромъ. Вы замѣтили, какъ онъ взялъ изъ подъ своей подушки флакончикъ? Это—съ бромистымъ натромъ. Вася не расстаётся съ нимъ ни на шагъ.

— Вотъ оно что! А я еще думаю, что это онъ такой угрюмый? Неужели, думаю, мое присутствіе вызвало въ немъ такое настроеніе? Право, я даже начала уже раскаиваться, что поѣхала съ вами.

— Напрасно... Однако, становитея темновато,—круто измѣняетъ разговоръ Степанъ Ивановичъ, увидѣвъ приближающагося Васю.—Кажется, отсюда недалеко деревня; у меня есть тамъ знакомые. Не заѣхать-ли къ нимъ? Напились бы чайку да закусили бы на ночь. До пряжки, вѣдь, еще далеко..

И, обращаясь къ соскочившему съ коня Васѣ, онъ спрашиваетъ его:

— Что, прокатился? Не хочешь-ли теперь напиться чайку? Я, знаешь, надумалъ заѣхать въ деревню, недалеко отсюда. Хочешь?

— Нѣтъ, не хочу,—влезая въ тарантасъ, отвѣчаетъ Вася.

— Ну, ладно. Это мы еще посмотримъ. Отъ компаніи нельзя отставать... Ну-ка, ямщикъ, пошевеливайся! Обѣзжай обозъ, да — въ деревню, прямо на дворъ къ Сидорычу. Знаешь его? Ну, такъ вотъ къ нему вези насъ.

Лихо мчатъ кони тарантасъ къ указанному дому.

На звонъ колокольцевъ выбѣгаетъ изъ полуотворенной калитки тщедушный сѣденькій мужичекъ и, со словами: „милости просимъ, пожалуйста“, настежъ растворяетъ ворота, въ которыя въѣзжаетъ Степанъ Ивановичъ со своими спутниками.

Быстро выскакиваетъ изъ тарантаса Степанъ Ивановичъ, за нимъ осторожно слѣзаетъ Клавдія Ивановна и только Вася одинъ остается въ тарантасѣ. Какъ ни уговариваетъ его Степанъ Ивановичъ послѣдовать за собой, какъ ни проситъ его объ этомъ и Клавдія Ивановна, — Вася непреклоненъ.

— Не хочется, — твердитъ онъ одно. — Идите себѣ съ Богомъ, а я пока отдохну тутъ... И чего ей-то надо отъ меня? — думаетъ Вася, оставшись одинъ. — Ну, Степа — еще туда — сюда, а она-то что? Кто я ей? Ни братъ, ни свать...

Тьфу ты! Баба — такъ баба и есть... Хоть бы вздремнуть, пока они тамъ чаевать будутъ, а то послѣ — кто его знаетъ! — удастся ли еще. Гдѣ мы тутъ всѣ помѣстимся!

Но опасенія Васи напрасны. Не проходитъ и полчаса, какъ Степанъ Ивановичъ и Клавдія Ивановна уже снова въ тарантасѣ и, къ общему удовольствію, всѣ такъ удобно располагаются „на ночевую“, что лучшаго и желать не надо.

Клавдія Ивановна устраивается между Степаномъ Ивановичемъ и Васей, ничуть не стѣснивъ ихъ. Вася съ разрѣшенія спутницы ложится къ ней спиной, въ увѣренности, что она не вступитъ теперь съ нимъ ни въ какіе разговоры.

Ахъ, еслибы заснуть! — думаетъ онъ и въ то же время чувствуетъ, что къ его рукѣ прикасается чья-то чужая, горячая рука.

— У Степы жесткая, грубая рука, — думаетъ Вася, — а эта такая мягкая, нѣжная... Чертъ возьми. Любопытно, какая изъ себя обладательница этой руки? Почему это я давеча не рассмотрѣлъ ее хорошенько? И отчего я такъ непривѣтливо обошелся съ нею?...

— Впрочемъ, зачѣмъ это мнѣ знать? Къ чему это? — пытается Вася отогнать прочь навязывающіяся мысли, но, вслѣдъ за тѣмъ, онъ снова начинаетъ любопытствовать: — Красивая она или нѣтъ? Отчего я давеча не обратилъ на нее вниманія?

И чтобы хоть теперь исправить свою оплошность, Вася рѣшается измѣнить свое положеніе: онъ поворачивается лицомъ къ своей сосѣдкѣ. Но, Боже мой! Что съ нимъ начинается твориться! Какъ будто уже заглухшее чувство страсти воскрешаетъ

снова въ его груди горячее дыханіе молодой женщины. Сердце его начинаетъ биться все сильнѣе и сильнѣе....

Какъ жаль, что онъ не можетъ разглядѣть теперь лица такъ близкой къ нему женщины,—ночной мракъ мѣшаетъ ему сдѣлать это. Но онъ чувствуетъ всѣмъ своимъ молодымъ существомъ, что рядомъ съ нимъ бьется также молодое, горячее сердце. Онъ слышитъ, какъ колышется грудь молодой женщины. И, словно опьяненный, склоняетъ онъ свою голову на эту колыхающуюся грудь...

— Что съ вами? — тревожно шепчетъ молодая женщина.

И этотъ шепотъ такъ глубоко проникаетъ ему въ душу, такъ властно охватываетъ Васю, что по всему его тѣлу пробѣгаетъ нервная дрожь, и онъ бессвязно произноситъ:

— Голова... нервы....

— Бѣдненькій! — сочувственно шепчетъ она, прикладывая свою руку къ его лбу. — Голова болитъ? Нездоровится вамъ?

— Да, нервы....

— Слышала я: Степанъ Иваннычъ рассказалъ мнѣ, что съ вами было, отчего у васъ нервы разстроились...

— Успѣлъ ужъ! Ну, и болтуша...

— Зачѣмъ такъ отзываться! Вѣдь, онъ по простому, а вы ужъ и придираетесь къ нему готовы.

— Нѣтъ, не придираются, а все же непріятно мнѣ.

— Не волнуйтесь только. Не изъ-за чего тутъ нервы себѣ разстраивать. Ничего особеннаго онъ не болталъ, можете быть спокойны....

— А знаете, что я вамъ скажу? — нерѣшительно произноситъ Вася. — Я былъ очень недоволенъ тѣмъ, что вы присосѣдились къ намъ, а теперь....

— А теперь? — съ безпокойствомъ спрашиваетъ Клавдія Ивановна.

— А теперь.. знаете... теперь мнѣ такъ хорошо, такъ хорошо, что, кажется, вѣкъ бы вотъ такъ прожилъ....

— И мнѣ хорошо, очень хорошо! — нѣжно шепчетъ Клавдія Ивановна, все ближе придвигаясь къ Васѣ. И, порывисто прильнувъ къ щекѣ его своими губами, она замираетъ въ долгомъ, страстномъ поцѣлуѣ..

— Тише, пожалуйста тише! — шепчетъ, весь дрожа, Вася. — Что вы дѣлаете! Вѣдь, Степа услышитъ...

— Не услышитъ, спитъ онъ. Хотите, испытаемъ?... Степанъ Иваннычъ, а Степанъ Иваннычъ! — возвышаетъ она голосъ.

Въ отвѣтъ слышится лишь храпѣніе обознаго хозяина.

— Что же вы ничего не отвѣчаете, Степанъ Иваннычъ? — еще громче восклицаетъ Клавдія Ивановна, дергая за рукавъ спящаго сосѣда.

— Что нужно? А?—слышится, наконецъ, сонный голосъ Степана Иваныча.

— Слышите вы, о чемъ мы говоримъ?

— Слышу,—отвѣчаетъ Степанъ Иванычъ.

— О чемъ же именно?

— Да, да!—бессознательно произносить Степанъ Иванычъ.

— Что „да“?

— Ничего....

И продолжительное храпѣніе, слѣдующее за безсвязными отвѣтами, совершенно успокаиваетъ Васю, который, уже смѣясь, замѣчаетъ:

— Дѣйствительно, онъ *ничего* не слышитъ...

— Убѣдились! А вы говорите...

Но Вася не даетъ своей спутницѣ докончить начатую фразу. Сильно сжимая молодую женщину въ своихъ объятіяхъ, онъ цѣлуетъ, цѣлуетъ ее до усталости, до головокруженія....

— Боже мой!—задыхаясь, шепчетъ она.—Вѣдь, ты до смерти зацѣлуешь меня... Но какъ хорошо мнѣ! Какая счастливая ночь! Дорогой ты мой! Милый! Никогда, никогда не забуду я этой ночи.

— Я тоже... Клянусь тебѣ въ этомъ, моя дорогая!

Такъ нашептывая другъ другу слова любви и сжимая другъ друга въ объятіяхъ, они и не замѣчаютъ, какъ на смѣну темной ночи приближается свѣтлое утро.

И только, когда голоса ямщиковъ идущаго впереди ихъ обоза начинаютъ звучать въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ все громче и громче, только тогда поцѣлуй увлекшихся молодыхъ людей становятся слышны все рѣже и рѣже и, наконецъ, совершенно смолкаютъ.

Громко зѣвая, пробуждается Степанъ Иванычъ и, откинувъ заветъ *) тарантаса, весело произносить:

— Что, Вася, проснулся ужъ? Правда, хорошее утро?

— Не понимаю, что тутъ хорошаго!—раздраженно произноситъ Вася.

Очевидно, бессонная ночь сказывается, и пылъ Васи начинаетъ постепенно остывать. О, съ какимъ удовольствіемъ удалился бы онъ отсюда, чтобы не видѣть этого веселаго, жизнерадостнаго лица Степана Иваныча и даже—какъ это ни странно—алыхъ губъ Клавдіи Ивановны, которыя онъ еще такъ недавно цѣловалъ. Какъ онъ усталъ, какъ измучился! Ахъ, зачѣмъ такъ безумно, такъ дико провелъ онъ всю ночь...

Чувство раскаянія охватываетъ его все сильнѣе и сильнѣе. Нервы опять начинаютъ „пошаливать“. И, вынимая изъ-подъ

*) „Заметомъ“ называется кожаный занавѣсъ, опускаемый для защиты отъ рѣзкихъ лучей солнца, а также отъ дождя или сильнаго вѣтра.

подушки флаконъ съ цѣлебнымъ натромъ, Вася съ жадностью проглатываетъ ложку этой горько-соленой жидкости.

— Что это?—спрашиваетъ Степанъ Ивановичъ.—Опять нервы? Должно быть, плохо спалъ?

— Да, плохо,—мрачно отвѣчаетъ Вася.—Скорѣй бы хоть до пряжки доѣхать. На мѣстѣ спокойнѣе,—авось, засну. А то трясеть въ этомъ тарантасѣ...

Съ тревогой въ опечаленномъ взорѣ слѣдить за расхандрившимся Васей молодая женщина.

— Бѣдный! Какъ онъ мучается!—съ болью въ сердцѣ думаетъ она. И я виновата въ этомъ. Боже мой! за что же, за что мнѣ такое испытаніе.

И она закрываетъ лицо руками, чтобы Вася и Степанъ Ивановичъ не видѣли слезъ, навертывающихся на ея глаза.

— Ну, слава Богу! Вотъ, наконецъ, и пряжка!—произноситъ Степанъ Ивановичъ, выскакивая изъ тарантаса, остановившагося у постоялаго двора.

И, проводивъ Клавдію Ивановну до хозяйскаго дома, онъ направляется къ ямщикамъ—сдѣлать распоряженія, касающіяся своего обоза, расположившагося среди обширнаго двора.

Отдавъ необходимыя приказанія, онъ подходитъ къ Васѣ, котораго зоветъ съ собою въ домъ, но тотъ рѣшительно отказывается, предпочитая отдохнуть въ это время въ тарантасѣ, „на вольномъ воздухѣ“.

Узнавъ объ этомъ, Клавдія Ивановна идетъ сама къ Васѣ, надѣясь уговорить его закусить что-нибудь и выпить чаю.

Робкими шагами подходитъ она къ тарантасу и останавливается на минуту въ раздумьи передъ спущеннымъ замкомъ, но скоро ея робость смѣняется рѣшимостью.

Безшумно поднимается она въ тарантасъ и невольно ея лицо покрывается румянцемъ стыда при видѣ изумленнаго Васи.

— Боже мой! Что онъ подумаетъ обо мнѣ!—мелькнуло въ ея головѣ.—Уйти развѣ?.. Нѣтъ, поздно теперь.... Придется объясниться....

Взволнованная, она съ мольбою въ глазахъ обращается къ нему:

— Милый мой, не удивляйся моему приходу, выслушай только меня!

— Зачѣмъ вы пришли сюда?—сурово обрываетъ ее Вася.

— Выслушай меня. Умоляю тебя: выслушай меня, ради Бога!

— Какая вы странная женщина, право. Я усталъ, хочу отдохнуть, а вы пристааете ко мнѣ со своими нѣжностями. Добромъ прошу васъ, уйдите вы отсюда, оставьте меня въ покоѣ!

— Какъ!—пораженная, восклицаетъ Клавдія Ивановна. Вѣдь, только что вы говорили...

— Ну да, говорилъ... Помню. Но то *было*, а теперь... а теперь я прошу васъ: оставьте меня въ покоѣ, уйдите отсюда!

— Нѣтъ, если такъ, не уйду!—съ пылающимъ отъ гнѣва лицомъ вскрикиваетъ молодая женщина.—Не уйду, пока вы не выслушаете меня.

— Вотъ какъ! Эге, да вы, оказывается, женщина съ норовомъ!—говорить Вася.—Хорошо. Я выслушаю васъ. Только, пожалуйста, не тяните, говорите скорѣе, въ чемъ дѣло? Что вы хотите отъ меня?

— Хочу, чтобы вы выслушали меня.

— Слушаю,—нетерпѣливо произноситъ Вася, заложивъ руки подъ голову, склоненную на подушку.—Слу-ша-ю-съ!

— Хорошо... Такъ, вотъ, вы теперь грубо отталкиваете меня. Поиграли, значить, и бросили. А за что? Вы думаете: вотъ привязалась ко мнѣ бабенка! Я съ ней пошутилъ, а она ужъ возмечтала о чемъ то серьезномъ. Не дура ли? Мужчины, обыкновенно, такъ думаютъ о женщинахъ, которыя имъ легко даются. А я вамъ легко далась.. Значить, по вашему, не грѣшно было со мною пошутить такъ зло, не грѣшно было поиграть и бросить...

— Слышалъ ужъ я это, слышалъ. И еслибы вы знали, какъ вы мнѣ надоѣли!

— Надоѣла, говорите вы, надоѣла я вамъ!—воскликаетъ Клавдія Ивановна, и на глазахъ ея выступаютъ слезы негодованія, а мысли въ головѣ до того перепутываются, что она не въ силахъ продолжать начатаго признанія, не въ силахъ высказать всего того, что заставило ее такъ легко отдаться ему. Для этого ей необходимо было рассказать ему всю свою жизнь.

Но что это была за жизнь!

Десяти лѣтъ она осталась круглой сиротой. По просьбѣ сердобольныхъ знакомыхъ, ее приютила одна богатая семья. Но эти богачи!.. Будь они прокляты!.. Въ своей бѣдной, очень бѣдной семьѣ, постоянно нуждавшейся въ кускѣ хлѣба, ей жилось въ тысячу разъ легче, чѣмъ когда она попала къ богачамъ. День и ночь работала она на нихъ, а они смотрѣли на нее, какъ на дармоѣдку. И не было возлѣ нея ни одного человѣка, которому она могла бы высказать свое горе; не было человѣка, съ которымъ она могла бы поговорить по душѣ, чтобы хоть немного облегчить свои муки...

А годы шли впередъ быстро... Она становилась взрослой дѣвушкой. Мученія ея усиливались все больше и больше. Жизнь дѣлалась для нея настолько тяжелой, что нерѣдко являлась даже мысль о самоубійствѣ. И только надежда на лучшее будущее удерживала ее отъ этого шага.

Надежда эта увеличилась еще болѣе съ тѣхъ поръ, какъ ей, бѣдной дѣвушкѣ, было сдѣлано предложеніе однимъ молодымъ

купцомъ изъ сосѣдняго села, часто прїѣзжавшимъ къ ея воспитателямъ по своимъ дѣламъ. Конечно, ея согласія не требовалось: воспитатели дали за нее слово, и вскорѣ послѣ того состоялась свадьба.

Вотъ уже третій годъ, какъ она замужемъ, но жизнь ея не на много измѣнилась... Мужу своему она дорога лишь какъ самка; ему дорого только ея тѣло, а душа... что ему до нея!

И вотъ, когда Степанъ Ивановичъ разсказалъ ей, что пережилъ Вася, она почему-то подумала: вотъ человѣкъ, который пойметъ ее. Онъ самъ страдалъ душой, думала она, и потому пойметъ ея страданія.

Но она ошиблась.

Зачѣмъ же, зачѣмъ онъ обманулъ ее своей неискренней нѣжностью! Зачѣмъ онъ поступилъ съ ней такъ безчестно!

И съ ея устъ невольно срывается упрекъ Васѣ:

— Нехорошо, нечестно вы со мною поступили, нечестно!

— Довольно, наконецъ, чортъ возьми!—вскрикиваетъ Вася, поднимаясь съ своего мѣста и схватывая за руку Клавдію Ивановну, съ намѣреніемъ вытолкнуть ее изъ тарантаса, но въ это время неожиданно поднимается заметъ, и показывается ухмыляющееся лицо объѣздного, который произноситъ:

— Васъ, господа, Степанъ Ивановичъ зоветъ: чай пить, говорить, надоть.

Съ крикомъ вырвавшись изъ рукъ Васи, выскакиваетъ изъ тарантаса перепуганная Клавдія Ивановна, а Вася гнѣвно замѣчаетъ объѣздному:

— Ну, и дуракъ же ты, Сенька, право! Убирайся лучше отсюда. Не мѣшай мнѣ: спать хочу. Такъ и скажи Степану Ивановичу, что спать хочу.

И, дѣйствительно, Вася скоро засыпаетъ.

Просыпается онъ уже въ дорогѣ, на пути къ слѣдующей прѣжкѣ.

— Ну, и поспалъ же ты здорово!—говоритъ ему Степанъ Ивановичъ.

— Усталъ я ужъ очень. Ночью не спалось.

— Усталъ, да и ѣхали мы все время за обозомъ, тихо. Это ужъ я для тебя постарался. Скажи мнѣ спасибо, — улыбаясь, говоритъ Степанъ Ивановичъ.

— Ладно, спасибо!—тоже съ улыбкой произноситъ Вася.— А полутчица-то наша гдѣ?

— Отстала. Говоритъ, нездоровится ей что-то и ѣхать потому дальше съ нами не можетъ. Рѣшила выѣхать завтра, вмѣстѣ съ хозяиномъ постоялаго двора, гдѣ мы останавливались сегодня утромъ. Онъ собирается, кстати, въ Бирюсу по дѣламъ.

— Захворала! Такъ...—грустно улыбается Вася и вслѣдъ за-
тѣмъ круто измѣняетъ начатый разговоръ восклицаніемъ:

— И какъ это не надоѣстъ Сенькѣ пѣть! Удивительно, право,
Ужъ хоть бы спѣлъ что-нибудь повеселѣе. А то все ноетъ, да
ноетъ...

— Пусть его! Богъ съ нимъ!—добродушно произноситъ Сте-
панъ Ивановичъ и, замолчавъ, начинаетъ прислушиваться къ за-
унывной пѣснѣ объѣздного.

М. Цейнеръ.

*
*
*

Когда на землю ниспадаетъ

Вечерній сумракъ съ высоты,—

Рѣка смутнѣе отражаетъ

Прибрежья, травы и цвѣты.

Такъ на душѣ въ часы страданья

Все словно въ сонъ погружено;

Молчатъ въ ней чувства и желанья

И въ ней все смутно и темно.

Но какъ въ рѣкѣ, въ часы разсвѣта,

Мгновенно жизнь проснется вновь,—

Такъ на душѣ, на звукъ привѣта,

Воскреснетъ вѣра и любовь.

И вновь блеснуть въ ея сознаньи

Давно уснувшія мечты,

Какъ въ яркомъ утреннемъ сіяньи

Въ водѣ прибрежные цвѣты.

П. Куз—инъ.

Кузнецкій Алатау.

Продолженіе, — см. книжка V за текущій годъ).

Телецкое озеро лежитъ на рубежѣ между двумя различными областями: Алтаемъ и Алатау. Дѣйствительно, на южномъ его концѣ вы вступаете сразу въ характерную область высокихъ плоскогорій, на которыхъ лежатъ еще болѣе высокія горы. Рѣки берутся преимущественно изъ озеръ и болотъ и чѣмъ далѣе отъ истока, тѣмъ глубже врѣзываются въ плоскогорія и, наконецъ, текутъ въ глубокихъ щеляхъ, обрамленныхъ высокими, крутыми увалами съ частыми бомами. Таковъ Чулышманъ и само Телецкое озеро, составляющее его прямое продолженіе. Это прекрасное озеро лежитъ на высотѣ 470 метровъ *) надъ уров. моря въ крутыхъ, отвѣсныхъ берегахъ, какъ бы въ глубокой щели, высѣченной въ сѣверной части озера въ отвѣсно—стоящихъ пластахъ глинистаго сланца, а въ южной—въ гранитныхъ породахъ. Но на сѣверномъ берегу сѣверо-западнаго рукава горы на всемъ ихъ протяженіи до р. Томи носятъ другой характеръ: онѣ — понижаются, склоны ихъ дѣлаются положе, мягче, долины расширяются, становятся удобопроходимыми, бома, столь характерные для Алтая, встрѣчаются рѣдко, водопадовъ почти нѣтъ, нѣтъ и тѣхъ бѣшеныхъ потоковъ, вода которыхъ отъ крутизны паденія превращается въ сплошную пѣну; водораздѣлы невысоки и часто незамѣтны, высокія вершины, большею частію, не связываются въ хребты, а стоятъ изолированно и не покрыты вѣчными снѣгами, а представляютъ голыя вершины, ушедшія за предѣлы лѣсной растительности и только кое гдѣ имѣющія небольшія снѣжные пятна. Такова страна, лежащая между Телецкимъ озеромъ и вершинами Томи и орошаемая Лебедью, Кондомой и Мрассой.

Р. Лебедь (на языкѣ черневыхъ татаръ — Ку) течетъ съ востока на западъ и впадаетъ въ Бію. По отношенію къ Алатау долина ея является поперечною, т. е. перерѣзываетъ хребетъ поперекъ, но вовсе не носитъ характера бурнаго потока. Адриановъ, проѣхавшій ея отъ вершины и почти до устья въ 1881 году, такъ характеризуетъ ея: „Лебедь—горная рѣка, довольно быстрая, течетъ сплошь по каменистому ложу, но это совсѣмъ не бурная рѣка, нигдѣ не образующая сколько нибудь значительныхъ пороговъ; она течетъ въ низкихъ берегахъ, широкою полосой воды, глубина ея вездѣ незначительна, что даетъ возможность перебродить черезъ нее въ любомъ мѣстѣ: ни одинъ изъ 45 бродовъ не доходитъ до брюха лошади (при этомъ, конечно, нужно имѣть въ виду время года,—іюнь-іюль, время низкаго урона воды) **).

*) Сапожниковъ. По Алтаю, табл. высотъ.

**) Адриановъ. Пут. на Алт. и за Саяны 1881 г. стр. 61.

Путешественникъ, повернувшій изъ долины Лебеди на югъ, чтобъ черезъ горы перевалить въ долину Біи, и не подозрѣвалъ, что ниже того мѣста, гдѣ онъ оставилъ мирную долину, рѣка вступаетъ въ узкое ущелье, перерѣзая отрогъ высокой горы Сулу (или Салопъ), лежащей между Лебедью и Біей, къ югу отъ устья первой. Въ этомъ ущельи, называемомъ „воротами“, рѣка бурно падаетъ, образуя порогъ, въ ниже ея лежащую долину Біи *). Правые притоки Лебеди, берущіе начало въ однихъ горахъ съ лѣвыми притоками верхняго теченія Кондомы—золотоносны; таковы — Сюэ (Сія). Атла, Куручакъ, особенно послѣдній. Въ лѣвыхъ притокахъ, которые, вообще, больше и многоводнѣе правыхъ, особенно р. Полгу (передѣланная русскими въ Байголъ), золота пока не обнаружено, за исключеніемъ р. Албасъ.

Р. Кондома (по произношенію черневыхъ татаръ—Мондумъ), какъ и Мрасса, берутся съ Лебедью въ однихъ горахъ; течетъ сначала на с. з., потомъ на западъ и затѣмъ, постепенно поворачиваясь, принимаетъ сѣверное направленіе, которому и слѣдуетъ до своего впаденія въ р. Томъ у города Кузнецка; перевалы между Кондомой и Лебедью достигаютъ до 850 метровъ. Мѣсто между поворотомъ теченія Кондомы и р. Біей можно считать за начало Салаирскаго кряжа, который отходитъ отъ этого мѣста по направленію къ с. з. и до самого устья Кондомы неразрывно слить съ Куз. А—у, такъ что условной границей между ними принято считать р. Кондому. За устьемъ Томи Салаирскій кряжъ отдѣляется отъ Алатау и Караканскихъ горъ (лежащихъ по лѣвую сторону Томи, отъ вершинъ Уньги до устья Нарыка) впадиной, извѣстной подъ именемъ Кузнецкой степи.—Р. Кондома носитъ тотъ же мирный характеръ, какъ и р. Лебедь. Адріановъ такъ описываетъ ее: „Это такая рѣка, которая изрѣдка, какъ бы рѣзвясь, нечаянно наскочить на утесъ или камень среди русла, рассыплетъ брызги, но тотчасъ же бѣжитъ далѣе, кроткая и веселая, тихо перебирая мелкую гальку на днѣ и погремливая ею. Самую характерную особенность Кондомы составляетъ ея необычайная извилистость **); безпрестанно поворачивая то въ ту, то въ другую сторону, забѣгая то туда, то сюда, она, подбѣгая къ какому нибудь утесу, оббѣжитъ его кругомъ и опять возвращается на прежнее мѣсто, точно узоръ рисуя своимъ теченіемъ черезъ

*) Ереминъ. О р. Лебедь въ смыслѣ ея золотоносности, Вѣс. золот. 1895 г. № 2.

*) Эта извилистость породила даже особую Легенду у Черневыхъ инородцевъ. Извилины у инородцевъ наз. Тохпахъ-ажингы (Тохпахъ-дровоколотная палка, ащадымъ-переваливаюсь черезъ гору). Въ извилинахъ рѣкъ богатыри, обыкновенно, имѣли зазѣдки для рыбной ловли. Дровоколотная палка у сосѣдей богатырей, промышлявшихъ рыбу съ двухъ противоположныхъ сторонъ одной и той же горы, обыкновенно, бывала общая и требовалась часто обоимъ богатырямъ. А такъ какъ обходить гору за палкою далеко, то они перекидывались ею прямо черезъ гору, отсюда и названіе тохпахъ-ажингы. (Вербицкій. Алт. инор., стр. 130.)

всю заповѣдную чернь. И высокія горы, густо поросшія пихтами и кедрами, не кажутся столь мрачными въ присутствіи Кондомы; она оживляетъ ихъ своей рѣзвостью, смягчаетъ ихъ угрюмый видъ". На Кондомѣ, какъ и на Лебеди, какъ и на Мрассѣ, глубокія плеса съ медленно движущейся водой смѣняются шумливыми и мелкими переборами, гдѣ вода быстро сбѣгаетъ тонкимъ слоемъ по мелкой галькѣ, чтобы опять умирить свой бѣгъ въ глубинѣ нижележащаго плеса, или съ шумомъ несется въ болѣе узкомъ мѣстѣ между подводными камнями, такъ что инородцы плаваютъ по этимъ рѣкамъ въ узкихъ неразведенныхъ лодкахъ и съ помощью шестовъ, а не веселъ, потому что весла бесполезны на быстринахъ и только шестами можно провести по нимъ лодку. Плоты же сплавлять по этимъ рѣкамъ можно только весною. Въ верховьяхъ Кондомы лежатъ золотые пріиска. Центромъ ихъ служитъ Спасская резиденція, бывшій Спасскій золотой промыселъ. Около нея расположены золотоносныя рѣчки, частью работающіяся, частью отработанныя: Мунжа съ Коарой, Кылташъ, Урушъ, Кабардинка (Эрина), Чуктукъ (Солдатова), Кочура, Александровка, Малая Кондома и другія. Наиболѣе значительныя притоки Кондомы: слѣва Мунжа и Антропъ, справа Мундыбашъ съ Тюльбесомъ и Тазомъ. Мундыбашъ берется съ гольца Пустагъ изъ маленькихъ озерокъ, лежащихъ въ глубокой сѣдловинѣ между его вершинами. Гора Пустагъ *) (на картахъ -- Мустагъ) самая значительная вершина между Кондомой и Мрассой, имѣетъ болѣе 1600 **) метр. абс. высоты, на ней круглое лѣто находятся снѣговья пятна, чѣмъ она и оправдываетъ свое названіе (пусъ-ледъ, тагъ-гора). Какъ и вообще всякія высокія горы, пользуется особымъ почетомъ окрестныхъ инородцевъ и фигурируетъ въ ихъ легендахъ, какъ владыка среди окружающихъ горъ и отецъ ихъ ***). Направленіе хребтовъ между Кондомой и Мрассой въ дополн. къ „Землевѣдѣнію“ Азіи Риттера приурочивается къ водораздѣламъ, и одинъ изъ нихъ показанъ между Кондомой и Мундыбашемъ, но это врядъ ли вѣрно. Можно думать, что Пустагъ составляетъ вершину хребта, идущаго какъ разъ въ перпендикулярномъ къ этому направленію. Юго-западный конецъ этого хребта извѣстенъ подъ именемъ Разлома (на картахъ Чанза) и пересѣкается дорогою изъ Бійска на Спасскую резиденцію на высотѣ около 800 метровъ; его-то и огибаетъ р. Кондома, текущая отъ Спасской рез. къ ю. з., а уже потомъ поворачивающая къ с. з. и с. Сѣверовосточный конецъ этого хребта перерѣзаетъ Мрассу и производитъ на ней извѣстные пороги, но только это, вѣроятно, не непо-

*) О ней см. мою статью „Чернь“ въ *Естествоз. и Геогр.* 1898 г. № 9.

**) Высота этой горы и нѣкот. др. опредѣлены мною. См. мою замѣтку: „Нѣкоторыя данныя къ орографіи Куз. А—у“, *Вѣст. Золот.* 1899 г. № 24.

***) См. напр. *Вербнц. Алт. Инородцы*, стр. 127.

средственное продолженіе Пустага, а нѣсколько восточнѣе его лежащій хребетъ Саинъ, начинающійся у вершинъ рѣчки Александровки (Камначи), раздѣляющій теченія рѣкъ Большой (Унзасъ—на картахъ) съ одной стороны и Порлу и Суэту—съ другой, продолжающійся по словамъ инородцевъ вплоть до устья Большой.

Р. Мрасса, течение которой въ общемъ параллельно теченію Кондомы, лежитъ восточнѣе ея; орошаетъ болѣе возвышенную мѣстность, а потому быстрѣе и порожистѣе. Она происходитъ отъ сліянія двухъ рѣкъ: Акъ-Мрассы и Соръ-Мрассы. Обѣ рѣки берутъ начало на валу, вершины котораго находятся выше пояса лѣсной растительности. Этотъ валообразный хребетъ носить разныя названія: въ верховьяхъ Акъ-Мрассы его называютъ Абаголемъ *). Въ верхней части Мрасса принимаетъ два большихъ притока—Пызасъ слѣва и Кобырсу справа, впадающихъ почти одинъ противъ другаго. Пызасъ сходится вершинами съ Куучакомъ, а Кобырсу съ Матуромъ. Ниже справа Мрасса принимаетъ большую и быструю рѣку Ортонъ съ лѣвымъ притокомъ Федоровкой, которая сходится вершинами съ Балыксой, текущей въ Томъ. Федоровка и Балыкса (собственно ея притокъ Магызы) богатѣйшія золотомъ рѣки въ Кондомо-Мрассо-Лебедскомъ районѣ. Ниже Ортонъ Мрасса стѣсняется горами въ ущелье и образуетъ бурный Мрасскій порогъ, на протяженіи 7 верстъ, ущемленный между горами. Волны выше сажени вздымаются чрезъ разбросанные на днѣ огромной величины камни, отъ рева ихъ не слышно и громкаго разговора. Такіе же камни находятся и по обоимъ берегамъ, равно какъ и на горѣ съ правой стороны, имѣющей видъ развалинъ. Плоты и лодки, освобожденные отъ клади, спускаются черезъ порогъ на веревкахъ, а кладь переносится по тропѣ, съ правой стороны проложенной по камнямъ. По обоимъ берегамъ валяются остатки исковерканныхъ плотовъ и осколки лодокъ, свидѣтельствующіе о небезопасности путешествія**). Послѣ порога рѣка дѣлаетъ поворотъ къ западу, какъ бы обходя какое то препятствіе, и затѣмъ, снова устремляясь на сѣверъ, вообще вырисовываетъ нижнимъ своимъ теченіемъ фигуру, аналогичную той, какую дѣлаетъ течение Кондомы въ верхнемъ. Мрасса ниже порога очень красива. Радловъ въ яркихъ краскахъ описывалъ величественную здѣшнюю природу, когда подымался на лодкѣ отъ ул. Тосъ (Сосновая гора) вверхъ по рѣкѣ: „Великолѣпною пестрою и безпрестанно мѣняющеюся поноромаю тянулись гористые берега. Прежде всего взоръ съ наслажденіемъ останавливался на свѣжемъ вѣсеннемъ

*) Гельмгакеръ, Къ вопросу о вторич. мѣсторож. золота, Вѣст. Золот. 1892 № 15

**) Вербицкій, Алтайск. инор., стр. 124.

ландшафтъ прирѣчной низменности, около 100 шаговъ шириною, которая представляла превосходный зеленый коверъ. Непроницаемымъ слоемъ, въ 2—3 фута высоты, широколиственные растенія покрывали здѣсь землю и изъ подъ нихъ выбивались милліоны различныхъ цвѣтовъ. Этотъ береговой коверъ окаймляли бѣловатые кусты тальника и березника. Далѣе подымались прелестныя группы холмовъ, поросшія березами, между которыми, какъ черные обелиски, возвышались стройныя островершинныя пихты. Черезъ нѣсколько верстъ ландшафтъ перемѣнился, свѣжая зелень исчезла и гигантскіе утесы ограничивали Мрассу. Лѣсъ, тянущійся по покатостямъ горъ, становился рѣже и рѣже; живописными группами выступали впередъ сѣрыя, голыя скалы. Безчисленными пирамидами громоздились каменные массы все выше и выше, а въ разсѣлинахъ ихъ росли деревья. Между дикими зубцами скалъ появились въ отдаленіи гордыя вершины горныхъ великановъ. Но и этотъ дикій каменистый берегъ скоро исчезалъ и скалы выступали все рѣже и рѣже, уступая мѣсто древесной растительности. Наконецъ, зубчатая скалы исчезли совсѣмъ и берега, какъ гигантскія каменные стѣны, тянулись надъ рѣкою. Покрытые мохомъ, онѣ также представляли глазамъ наблюдателя пріятный и разнообразный видъ. Мало по малу горныя породы совсѣмъ прекращались, лѣсъ одерживалъ верхъ и только вдали виднѣлись пирамидальныя вершины все выше и выше подымавшихся горъ. Черныя сосны и темнозеленые кедры покрывали горныя стѣны и придавали ландшафту величественный видъ. Въ отдаленіи горныя группы становились все свѣтлѣе и свѣтлѣе и на горизонтѣ возвышалась туманная горная масса, покрытая на вершинахъ вѣчнымъ снѣгомъ, который при солнечномъ сіяніи блисталъ какъ серебро. Не достаетъ словъ описать всѣ эти чудныя, поразительныя картины. Однако, не смотря на все это, имъ недостаетъ самага величественнаго въ природѣ—жизни. Человѣкъ никогда не обиталъ въ этихъ мѣстахъ и даже члены животнаго царства появляются по одиночкѣ. Весьма рѣдко слышенъ здѣсь шумъ въ кустахъ, производимый козулею, рѣдко раздаются пѣніе птицы. Только медвѣдь посѣщаетъ эту пустыню, гдѣ онъ въ мирѣ наслаждается своею любимою їдою,—ягодами и орѣхами, и глухо реветъ по ночамъ“ *).

Передъ поворотомъ къ сѣверу Мрасса принимаетъ слѣва значительный притокъ р. Большую (Унзасъ на картахъ, инородцы произносятъ Онзасъ). Между Ортономъ и Таштыпомъ находятся высокіе гольцы Коль-тайга, съ озерами на верху (что и показываетъ самое названіе (коль-озеро), а между притоками Ортона и Кобырсу—горы Падынъ. Между Ортономъ и верхнимъ

*) Костровъ. Путеш. д—ра Радлова, стр. 39.

теченіемъ Томи также есть высокія, достигающія до снѣжной линіи, горы—Солынъ*).

Имѣя возможность измѣрить высоты этого района А—у, и именно въ той части его, которая находится между горою Пустагъ и Телецкимъ озеромъ, и составивъ разрѣзъ этой страны по линіямъ своихъ маршрутовъ, я пришелъ къ нѣкоторымъ выводамъ, которые изложилъ въ своей замѣткѣ „Нѣкоторыя данныя къ орографіи Кузнец. А—у**), и привожу ихъ здѣсь:

„Предлагаемый разрѣзъ Кузнецкаго Алатау отъ Пустага до Телецкаго озера по линіямъ дорогъ, съ указаніемъ высотъ какъ Пустага, такъ и другихъ вершинъ, очень интересенъ, особенно при сопоставленіи его съ разрѣзомъ, даннымъ проф. Сапожниковымъ, далѣе вглубь Алтая, взятымъ изъ его книги „По Алтаю“. Въ масштабѣ его разрѣза составленъ и мой и соединенъ съ нимъ, такъ что получилась непрерывная линія, разсѣкающая Алатау-Алтайскую горную страну отъ вершины Пустага до р. Чуи на протяженіи около 380 верстъ. Разсматривая эту линію, мы видимъ, что въ Кузнецкомъ Алатау главные вершины достигаютъ высоты около 1500 м. Главныя вершины отъ Пустага къ долинѣ рѣки Кондомы постепенно понижаются (Ачинъ и Озій 1000 м., Тыдынъ и Кезій 950 м., Карадобичекъ 810 м., около самой Кондомы, лежащей здѣсь на 540 м. высоты, и вовсе нѣтъ высокихъ горъ). Отъ правыхъ притоковъ Лебеди долина верхней Кондомы отдѣляется довольно высокимъ валомъ (перевалъ изъ Чулеша въ Енекъ 850 м.). Долина же Лебеди лежитъ метровъ около 130 ниже долины верхней Кондомы. Лѣвые притоки Лебеди, отличающіеся отъ правыхъ своей длиной и многоводностью, орошаютъ менѣе высокую страну, чѣмъ правые (перевалъ изъ Кыргызана въ Базлю 600, изъ Базли въ Полгу 620), а отъ притоковъ Телецкаго озера отдѣляются опять болѣе высокимъ барьеромъ (перевалъ изъ Чедырвеса въ Юртокъ 820 метровъ). У Телецкаго озера, находящагося на рубежѣ между Алатау и Алтаемъ, Кузнецкій Алатау можно считать оконченнымъ. Путникъ, проѣхавшій Алатау съ его пологими скатами, округленными, невысокими вершинами, плывя по озеру, особенно тамъ, гдѣ оно поворачиваетъ къ югу, т. е. за мысомъ Куанъ (Кулганъ), вдругъ видитъ съ обѣихъ сторонъ крутыя каменные стѣны, которыя прорѣзаны узкими ущельями,—черезъ „медвѣдь не пройдетъ“, по мѣткой кличкѣ инородцевъ. То-же и далѣе по Чулышману, гдѣ стѣны, окружающія долину, дѣлаются еще выше, и когда подынешься на эту стѣну, то видишь, что рѣка и озеро прорѣзали плоскогоріе, на которомъ, въ свою очередь, вы-

*) Дополн. къ Риттеру, стр. 504—570).

**) Вѣст. Золот. 1899 г. № 23.

сятся вершины и хребты—„второй этажъ горъ“, по выраженію Адріанова. Обо всемъ этомъ краснорѣчиво и говоритъ профиль профъ Сапожникова. Разсматривая его, мы видимъ, что Телецкое озеро и долина Чулышмана врѣзались на уровнѣ Алатау, представляющаго какъ-бы первую ступень горъ въ плоскогоріе, рѣки котораго, какъ, напримѣръ, впадающія въ Чулышманъ близъ его устья Бѣже и Ачелманъ, текутъ въ верховьяхъ на высотѣ 1500 и 1560 метровъ, т. е. почти на уровнѣ главныхъ вершинъ Алатау, и уже отсюда водопадами скатываются въ узкую и глубокую щель, прорѣзанную между горъ Чулышманамъ и Телецкимъ озеромъ. А надъ ними высятся вершины, достигающія 2380 метровъ (Алтын-ту). Далѣе мѣстность еще повышается“.

Переходя теперь на правый берегъ Томи, мы должны прежде всего описать самую р. Томъ, главный притокъ Кузн. А-у, составляющій, начиная отъ устья р. Кондомы, западную границу этихъ горъ. Она сама родилась въ самыхъ нѣдрахъ А—у и питается, преимущественно, водами, текущими съ него, потому что верхніе лѣвые ея притоки Мрасса и Кондома принадлежатъ всецѣло Кузн. А—у, а ниже устья Кондомы, уже и нѣтъ слѣва значительныхъ рѣкъ, тогда какъ справа ее питаютъ—Уса, три Терси, Тайдонъ.

(До слѣдующей книжки).

М. Самохваловъ.

На пристани.

(Посвящаю Эл. Ст. У-вской).

Воскресный номеръ газеты былъ совершенно готовъ и редакція мало-по-малу пустѣла. Первымъ вышелъ редакторъ, не забывшій напомнить господину корректору, чтобы онъ опять вмѣсто слова орелъ не напечаталъ осель; затѣмъ, съ сигарой въ зубахъ и съ самымъ побѣдоноснымъ видомъ направился къ выходу „передовикъ“ газеты, довольный и сіяющій оттого, что въ завтрашнемъ номерѣ „Сибирскаго Обозрѣнія“ появится его „хлесткая“ статья о необходимости отмѣны пошлинъ на стеариновые свѣчи и ваксу; вслѣдъ за передовикомъ нервной походкой промчался репортеръ и въ редакціонной комнатѣ, послѣ этихъ великихъ выходовъ, осталось только два сотрудника, если не считать господина корректора, который уже давно пошелъ въ атаку на букву „Ѣ“, запятая, точки и другія вражескія силы,—имъ-же нѣсть числа въ гранкахъ типографскаго набора...

— Да, въ моей завтрашней статьѣ чего-то не достаетъ, — это я чувствую, но не могу додуматься — чего именно, — сидя — возлѣ открытаго окна, говорилъ одинъ изъ сотрудниковъ Кремневъ своему собрату по перу. Собратъ задумчиво сморгнулъ въ темноту наступающей теплой весеней ночи и, казалось, совсѣмъ не намѣренъ былъ отвѣчать товарищу. Послѣдній, однако, не унывалъ.

— Странное дѣло, братецъ ты мой! продолжалъ Кремневъ серьезнымъ, нѣсколько взволнованнымъ тономъ. — Съ нѣкоторыхъ поръ я ничего не могу написать такъ, чтобъ мнѣ лично понравилось, словомъ, не могу оставаться доволенъ самимъ собою...

Все какъ-то не ладится... Начнешь, кажется, хорошо... Сначала, конечно, прочувствуешь, а потомъ ужъ начнешь, — иначе я и писать не умѣю... Ну, вотъ, начнешь, пишешь, пишешь — конецъ!.. Свертываешь рукопись, идешь въ редакцію, сдаютъ въ наборъ, на слѣдующій день читаешь свое произведеніе, — нѣтъ!.. не то!.. не такъ надо... Кажется вяло, скучно, неубѣдительно...

Помолчавъ и желая расшевелить товарища, Кремневъ вышелъ, прошелся по комнатѣ и посмотрѣлъ на часы...

— Пойдемъ на берегъ, предложилъ онъ: тамъ людно, потолкаемся, а если есть какой-нибудь пароходъ — поужинаемъ... Скучно что-то, скверно...

Пріатели молча вышли на улицу, облитую холоднымъ, голубоватымъ свѣтомъ электрическихъ фонарей. Въ воздухѣ откуда-то потянуло запахомъ цвѣтущей черемухи, влажный ласкающій вѣтеръ властно врывался въ грудь, — такъ хорошо, покойно и безмятежно дышалось въ эту таинственную ночь наступившей весны...

— Славно! вздохнулъ полной грудью Кремневъ и на душѣ у него стало какъ будто легче, недовольство самимъ собой и своими произведеніями мгновенно куда-то исчезло...

— А мы съ тобой, видимо, совершенно не созданы для променадовъ... Словно настеганные улепетываемъ... Пойдемъ, Василій Ивановичъ, потише, куда торопиться, — еще, вѣдь, и 10 часовъ нѣтъ...

Пріатели пошли тише, но разговоръ у нихъ все какъ то не клеился. По привычкѣ наблюдать все встрѣчное, пріатели часто останавливались, обмѣнивались короткими дѣловыми, чисто газетными фразами и шли дальше. Василій Ивановичъ, по большей части, „отмѣчалъ“ санитарные непорядки города; его спутникъ поддакивалъ, но болѣе всего обращалъ вниманіе на прохожихъ...

— Моды — такъ ужъ моды, все перемудреныя... дамы — такъ ужъ дамы... вполголоса декламировалъ этотъ послѣдній и въ тоже время съ самымъ вѣжливымъ поклономъ посылалъ проходящей дамѣ вслѣдъ:

— Pardon! наступая этой дамѣ на шлейфъ или неосторожно задѣвая какую нибудь лѣтнюю накидку.

оте — И вѣчно эта толкотня, — ворчалъ, между тѣмъ, Василій Ивановичъ; — ну, чтобы городской управѣ пошире тротуары изобразить... А то вотъ, изволь, толкайся тутъ, да извиняйся...

Наконецъ, пріятели достигли берега рѣки, гдѣ, не смотря на довольно свѣжій вѣтеръ, бродила масса публики.

Вдали, за рѣкой, виднѣлись огоньки костровъ; оттуда доносились какая-то унылая протяжная пѣсня; гдѣ-то подъ самымъ яркомъ слышался плескъ воды, разсѣкаемой веслами; порой совсѣмъ близко заливался соловей, чаруя окрестность своими трелями первой страстной любви...

— А, вѣдь, и впрямь тутъ хорошо? заговорилъ первымъ Василій Ивановичъ, когда пріятели, за неимѣніемъ на пристани парохода, усѣлись на одной изъ скамеекъ возлѣ большого двухъ этажнаго дома... Какое — то, знаешь, особенное настроеніе чувствуется... Славно!.. Вонъ тамъ огоньки, пѣсня... И мы когда-то пѣвали, и мы когда-то беззаботность чувствовали!..

Василій Ивановичъ глубоко, тоскливо вздохнулъ и опустилъ свою голову на руки...

— Зрѣй наше юное племя, —
Путь твой широкъ впереди!..

Донеслись до Василія Ивановича мелодичные, призывные звуки и онъ вздрогнулъ... Ему что-то вспомнилось далекое, — хорошее, захватывающее и заставляющее сердце усиленно и больно биться...

Зрѣй! прошепталъ онъ. Да, зрѣй!..

И мы когда то того-же желали, а вотъ „созрѣли“ и — баста...

— Послушай, Василій Ивановичъ, что это ты вдругъ хандрить сталъ? я тебя совсѣмъ не узнаю...

— Поневолѣ, братъ, захандришь, когда вокругъ тебя вдругъ вотъ такая чертовщина очутится... Соловьи поютъ, черемухой пахнетъ... Хе-хе! какъ, братъ, не расчувствуешься... Поневолѣ и старое вспомнится...

Давай-ка, Кремневъ, возьмемъ лодочку, да и маршъ на ту сторону...

Кремневъ удивленно взглянулъ на Василія Ивановича, словно не узналъ своего пріятеля.

— Чего ты знакъ вопроса то надомной поставилъ; тутъ, братъ, двоеточіе слѣдуетъ, — какъ-то особенно улыбаясь, продолжалъ Василій Ивановичъ. Ей Богу, двоеточіе: возьмемъ лодку, да и айда.

— Да ты что это, въ самомъ дѣлѣ, что-ли, на ту сторону собрался?

— А то какъ-же еще... Конечно, въ самомъ дѣлѣ... Ты думаешь — я грести не умѣю или править, ошибешься: въ лучшемъ видѣ орудую... И, правду тебѣ скажу, весло мнѣ раньше милѣе

было, чѣмъ теперь перо... Раньше—куда хотѣлъ, туда и правилъ, а теперь—шалишь... Хочется на право, а тутъ, по независящимъ обстоятельствамъ, на лѣво надо тянуть... Эхъ!.. Не глядѣлъ-бы я ни на что... И зачѣмъ ты меня сюда вытащилъ?.. Василій Ивановичъ сѣлъ и снова задумался.

— А мнѣ еще тошнѣе стало, чѣмъ въ редакціи, заговорилъ Кремневъ. Знаешь, меня эта картина въ какое-то волненіе приводитъ, въ какое-то безпокойство... Знаешь, романсъ... „Кого-то нѣтъ, кого-то жаль... Къ кому-то сердце мчится вдаль“... Эта вода, эти пароходы... Помнишь, этотъ романсъ, какъ ее... Сокольская, что-ли, пѣла...

Василій Ивановичъ тихо усмѣхнулся.

— Ты чего?

— Да, вотъ, смѣшно мнѣ стало, что памяти у тебя нѣтъ... Сокольскую—и ту забылъ, смѣшно даже, коли даже я ее помню...

— Чтожъ, мнѣ не мудрено забыть... Я въ качествѣ рецензента этихъ Сокольскихъ сколько на своемъ вѣку перевидалъ,—всѣхъ не упомнишь...

— Будто? насмѣшливо спросилъ Василій Ивановичъ. Такъ таки и не упомнишь!..

— Да ты чего присталъ-то, слегка недовольнымъ тономъ отвѣчалъ Кремневъ. Ну—Сокольская, ну—забылъ...

— погоди, погоди... А помнишь рецензію о ея первомъ выходѣ, помнишь?

— Ну, чтожъ, ну—помню...

— То-то!.. Вы, г. рецензентъ, иногда ночью въ типографію прибѣгали, чтобы съ вашей рецензіи о ея пѣніи корректоръ какуюнибудь кляксу не сдѣлалъ.

— Это вовсе не потому, что я увлекался Сокольской, совсѣмъ не потому, а потому, что я дорожу репутаціей газеты... Ну, вотъ... ну, вотъ, и хотѣлъ, чтобъ кляксы не было...

— Ну, будь по твоему, оставимъ эту Сокольскую, чертъ съ ней!..

— Зачѣмъ такія рѣзкія выраженія, обидчиво сказалъ Кремневъ и началъ водить по землѣ своей изящной тросточкой...

— Вотъ видишь-ли, братъ, тебѣ вспоминается сейчасъ, при сей волшебной панорамѣ, сентиментальный романсъ и мнѣ почти такая-же исторія въ голову пришла... Тоже по части сентиментовъ... Конечно, и я съ тобой мало-мало расчувствовался... Видишь,—за рѣку на старости лѣтъ собрался, но у меня это моментъ, одинъ только моментъ и.. баста!.. Хочешь расскажу тебѣ исторію по части этихъ самыхъ сентиментовъ... Только, чуръ, не перебивай, я этого смерть не люблю..

— Это интересно,—вдругъ оживился Кремневъ: интересно потому, что этакій нелюдимъ и вдругъ о сентиментахъ рассказы-

вать вздумалъ... послушаемъ, только мнѣ не вѣрится, чтобъ ты что-либо въ этой области путное зналъ...

— Ну, и пусть не вѣрится; мнѣ, вѣдь, все равно; а хочешь слушать, такъ слушай, пока у меня это самое „настроение“ не прошло...

Василій Ивановичъ поудобнѣе усѣлся на скамейкѣ и заговорилъ...

— Было, братъ, это самое въ то время, когда я въ „Размѣнѣ“ работалъ... Компанія подобралась тамъ у насъ самая, что называется, аховая... Всѣ, братъ, и передовикъ, и фельетонисты, такъ на строчку и били. Лишь бы со строки пяточекъ получить, а за что, какъ приметъ ихъ сочинительство публики, какое они впечатлѣніе произведутъ,—объ этомъ никто не думалъ. Газета рекламная, коммерческая была... Задѣвать «нутро» чье-либо не дозволялось... Тотъ кумъ, тотъ свать, тотъ бесплатно матеріалишко носить, —ну, словомъ, понимаешь—такъ слава одна что газета... А ничего подѣлать нельзя было: потому пить, ѣсть хочется... Поддерживался я, не запряжался какъ слѣдуетъ и отѣлъ у меня самый безобидный былъ... Рѣжешь, бывало, изъ разныхъ газетъ, стряпаешь винигреты, а то такъ прямо рубленой капустой публику угощаешь... Направленіе выдерживалъ!.. Но не могъ, братъ, я все этакъ по сказанному, какъ пописанному дѣлать... Бродили кое какія мысли... Вотъ и попробовалъ я ихъ тиснуть... Написалъ, думалъ забракують, анъ нѣтъ, самъ редакторъ словно веселѣе сталъ, понравилось... „Пишите, говорить, а то у насъ совсѣмъ вяло дѣло идетъ“... И сталъ я писать,—увлекся и изъ винигретовъ кое-что выходить стало вкусное, да не на долго... Ну, ты самъ посуди: пишешь ты, на примѣръ, что городское дѣло у насъ отвратительно поставлено, твоя статья объ этомъ идетъ, а рядомъ съ ней глядь—кто-нибудь изъ доброхотныхъ сотрудничковъ цѣлый панегирикъ городскимъ законамъ печатаетъ... И это рядомъ!.. Зло меня взяло и плюнулъ я на все.. Опять сталъ по части кройки газетъ и шитья ихъ на живую нитку... Ужъ сколько времени я такъ протянулъ, не знаю... Только, братъ, случай со мной вышелъ... Познакомился я, знаешь-ли, съ одной барышней... Хорошенькая такая... Въ какомъ-то управленіи служила... Забылъ я ужъ теперь.. Бойкая была барышня... За словомъ въ карманъ, бывало, не полѣзетъ... За всѣмъ слѣдила, общественные вопросы обсуждала... Бѣдовая она была... Вотъ тутъ-то я эти сентиментики и узналъ...

Василій Ивановичъ на минуту замолчалъ, видимо, подъ вліяніемъ нахлынувшихъ воспоминаній. Кремневъ внимательно наблюдалъ рассказчика, а издалека, то замирая, то приближаясь, неслась чья-то захватывающая душу пѣсня...

— Было это такъ,—продолжалъ Василій Ивановичъ. Стала она, барышня-то эта,—смѣяться надъ моими окрошками да винигре-

тами... „Ну, что это, говорить, за статьи! Второклассники нынче и тѣ смѣлѣе свои сочиненія пишутъ. Вы, говорить, совсѣмъ отстали отъ вѣка, живете —ничего не видите, а между тѣмъ—вокругъ васъ такъ много живого матеріала... могли бы, говорить, пользу приносить“... И пойдеть меня отчитывать, до бѣлаго каленья, бывало, доведеть... А сама раскраснѣется, глаза разгорятся, голосъ вздрагивать начнетъ... Эхъ, такъ-бы вотъ и поговорилъ съ ней по настоящему,—а не смѣлъ, направленіе газеты защищалъ, ну и на разныхъ софизмахъ отыгрывался... Пишу, бывало, чушь, а она-то расходится... И, знаешь, мнѣ это нравилось сначала. Любилъ я ее позлить... Въ это время вся ея душа бывала передо мной, какъ на ладони.—Чистая душа! Сколько въ ней искренняго, неподдѣльнаго, самобытнаго было!.. Ну—а потомъ...

Василій Ивановичъ запнулся на минуту, но быстро овладѣлъ собой и продолжалъ свое повѣствованіе.

—Потомъ, жаль мнѣ ее стало!.. Пришелъ я, знаешь-ли, къ редактору и говорю ему напрямикъ: такъ, молъ, я писать больше не стану, зазорно... Думалъ, вы сами до этой мысли дойдете, а вы и не думаете... Такъ вотъ, говорю, или позвольте писать—какъ слѣдуетъ, какъ хочется,—или прощенья просимъ... Я и въ „Небосклонѣ“ работу найду... И чтожъ ты думаешь: редакторъ меня не отпустилъ... Пишите, говорить, что хотите... Мнѣ и самому надоѣлъ нашъ вѣчный слащавый тонъ... Пишите, говорить...

Вотъ, братъ, и сталъ я писать... Послѣ первой статьи о голодающихъ пришелъ я къ ней, къ этой самой барышнѣ то.. Читала, говорить, хорошо.. Кто это, говорить, у васъ такъ славно думать и писать началъ? Гдѣ это вы, говорить, этого сотрудника взяли? Здѣшній или прїѣзжій? Я, знаешь, молчу... Не смѣю, да и не хочу ей сознаться, а она возьметъ газету, да и начнетъ читать мою статью... Прочтеть, а потомъ и говорить: какое, говорить, у этого человѣка чудное сердце... Я молчу... Только люблюсь своей рецензенткой... И доллюбовался, братъ, до того, что приду домой, сяду за столъ, возьму перо, бумагу и сейчасъ статья готова... Такъ, братъ, смаху безъ помарокъ пишется... Пишу, знаешь, а самъ и въ этихъ буквахъ, и въ этихъ чернилахъ, и въ печатномъ наборѣ только одну свою читательницу и вижу... Вырвется отъ души какое нибудь слово, ляжетъ на бумагу—сейчасъ первая моя мысль: вотъ это ей понравится, вотъ это она съ удовольствіемъ прочтеть... Разъ, знаешь-ли, стихи написалъ... Хотѣлъ ей посвятить, не вышло... Началъ, видишь-ли, хорошо... Что-то вродѣ „Подъ душистою вѣткой сирени“,—ну а въ концѣ ерунда вышла... Риѹму никакъ подобрать не могъ,—загвоздистое слово въ концѣ написалъ, а ничего не вышло. Такъ и не посвятилъ... Ну—да это такъ, въ скобкахъ... Слушай,

какая чушь дальше то была... Я себѣ расписался во всю... Редакторъ говоритъ: вы, Василій Ивановичъ, не пишете, а просто поете, у васъ, говоритъ, не статьи, а чудныя мелодіи получаются... Такъ, говоритъ, каждое слово въ душу и падаетъ... А ужъ барышня, такъ чуть меня не на рукахъ носила... Т. е. не меня, конечно, а мой псевдонимъ... Я ей не говорилъ, все случая не было... да и не хвастливъ, вѣдь, я... Ну, братъ, только вотъ что въ концѣ концовъ и случилось... Теперь, смѣшно, а тогда я готовъ былъ пулю себѣ въ лобъ пустить... Служила эта барышня, какъ я говорилъ, въ учрежденіи и этимъ только и жила... А учрежденіе то самое продувное было... Сколько, братъ, мерзости и неправды тамъ было, такъ тамъ маленькихъ людей угнетали, да расшвыривали, что и не передать... Вотъ, барышня, мнѣ и рассказала про одну тамошнюю исторію... Съ ней было... Понимаешь, разъ пригласилъ ее начальникъ къ себѣ въ кабинетъ, да и скажи ей пошлость... Барышня въ слезы, было, сначала, но отошла скоро, да и отбрила своего начальника.. съ тѣхъ поръ, говорятъ, шелковый сталъ... Разказала она это мнѣ, смѣется, а у самой щеки вздрагиваютъ, слезы на глазахъ... Слезы то, знаешь, крупныя, какъ брилліанты,—а глаза у ней были темныя, красивые... Я совсѣмъ потерялъ голову.. Чуть было ей псевдонимъ свой не раскрылъ.. Этого, говорю, подлеца проучить надо, ихъ надо гнать, ихъ надо обличать... Кричу—а она говоритъ: не дѣлайте этого, я сама за себя заступиться сумѣла... Какъ, говорю, не дѣлайте, да развѣ это можно?.. Васъ—такую милую, хорошую, чистую дѣвушку... И пошелъ, и пошелъ... Не простился даже, на улицу безъ шапки выскочилъ, а барышня отворила окно да и грозитъ мнѣ пальчикомъ:—Смотрите, говоритъ, будьте умницей, не троньте наше учрежденіе, я васъ прошу... Видно, догадываться стала, что статейки то пишу... Не тутъ то было. Не стерпѣлъ я, прилетѣлъ домой... Перо... бумага... Пишу такъ, что наборщики едва-едва разобрали утромъ... Повѣришь-ли, самъ своего почерка не узналъ... Ну—ужъ и разнесъ-же я ихъ... То-есть прямо отъ всей души, отъ всего сердца...

Василій Ивановичъ вдругъ замолчалъ, съежился и, казалось, замеръ... Кремневъ дотронулся до его плеча..

— Ну — дальше-то, дальше, — заинтересованный спросилъ онъ Василія Ивановича, но послѣдній ничего не отвѣчалъ. Онъ низко опустилъ голову и былъ неподвиженъ.

— А дальше, — вдругъ встрепенулся онъ, — а дальше вотъ эти самыя сентименты и пошли.. Не стоитъ говорить... Поздно, пойдемъ...

— Ну, нѣтъ, ужъ доскажи, коли началъ, усадилъ на скамейку Кремневъ взволнованнаго Василія Ивановича.

— Ну что тамъ досказывать,—сурово и отрывисто отвѣчалъ Василій Ивановичъ,—дальше все ерунда была и говорить не о чемъ... Барышню эту самую въ 24 часа выгнали изъ учрежденія, а я.. а я.. Какъ, братъ, узналъ объ этомъ—шастъ на чугунку, да и удралъ... Газеты даже редакціи не сдалъ...

— А барышня?

— Что барышня? Я и на глаза ей показаться не посмѣлъ... Вѣдь, просила, чтобы не писалъ, значитъ, знала, что ей худо будетъ, а я ее и подвелъ... Ужъ потомъ-то грызъ-грызъ самъ себя за эту подлость, да поздно было...

— И ты барышню эту съ тѣхъ поръ не видалъ?

— Не видалъ,—коротко отвѣчалъ Василій Ивановичъ и отвернулся въ сторону...

Пріятели замолчали; изъ нихъ каждый былъ погруженъ въ свои давнопрошедшія впечатлѣнія, къ которымъ ихъ располагала весенняя майская ночь...

— Не люби-ить... погуби-ить, значитъ, жи-изнь молодую...

— Слышишь? тревожно спросилъ Василій Ивановичъ пріятеля, когда до нихъ, съ противоположнаго берега, донеслись звуки этой удалой и вмѣстѣ съ тѣмъ почему-то показавшейся пріятелямъ грустной пѣсни...

— Слышу,—тихо отвѣчалъ Кремневъ.

— Хорошо!.. У меня вотъ тутъ въ груди всегда что-то особенное поднимается... Знаешь что.. Я такъ думаю: только тогда хорошо можно писать,—когда жить есть чѣмъ, а жить—только тогда и живешь, когда любишь...

— Ну—это, братъ, ужъ философія... Пойдемъ-ка,—у меня сегодня къ ужину окрошка заказана...

— А la наша „Заграничная печать“,—шутливо отвѣчалъ Василій Ивановичъ.

— Ну, нѣтъ, шалишь, моя будетъ повкуснѣе... А, впрочемъ, попробуешь и оцѣнишь... Идемъ, что-ли, будетъ сентиментальничать-то... Не къ лицу, дружище, румяна...

И пріятели пошли вдоль городскихъ улицъ, освѣщенныхъ все тѣмъ-же холоднымъ голубоватымъ электрическимъ свѣтомъ. Они шли тихо, часто оглядываясь, точно имъ жаль было покинутой пристани и навѣянныхъ ею впечатлѣній...

Сибирякъ.

Енисейская губернія.

(Статистико-экономическій очеркъ).

(Продолженіе, — см. кн. V за текущей годъ).

Скотоводство и хлѣбопашество составляютъ главное занятіе жителей *г. Канска*; они также занимаются торговлею, работами на золотыхъ промыслахъ и др. мелкими ремеслами. Населеніе *г. Ачинска* занимается хлѣбопашествомъ, ломовымъ извозничествомъ и въ незначительномъ размѣрѣ ремеслами и, наконецъ, обыватели *г. Минусинска* занимаются, преимущественно, хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Хлѣбъ и скотъ минусинцы сплавляютъ по р. Енисею на пароходахъ, баркахъ, плотахъ и лодкахъ въ г.г. Красноярскъ, Енисейскъ и Туринскій край и, кромѣ того, скотъ отправляется отсюда и въ другіе уѣзды Енисейской губерніи и въ г. Иркутскъ. Промышленность и торговля Минусинска далеко болѣе развита, чѣмъ въ другихъ городахъ губерніи; здѣсь есть заведенія: мыловаренныя, кожевенныя, салотопенныя, свѣчныя и др., при чемъ производительность ихъ съ каждымъ годомъ увеличивается.

Важнѣйшимъ занятіемъ жителей губерніи, кромѣ хлѣбопашества, какъ мы выше сказали, служитъ скотоводство. По даннымъ губернскаго статистическаго комитета всего въ губерніи числится приблизительно до 1553092 головъ скота, изъ нихъ лошадей 435687, рогатаго скота 425690, овецъ 581478, свиней 77553, козъ 12262 и оленей 26624. Отъ эпизоотіи въ 1899 г. пало разнаго скота до 800 головъ. Въ Туруханскомъ краѣ на 3383 души обоего пола крестьянскаго и иныхъ сословій и на 7673 души обоего пола инородческаго населенія приходится лошадей 873, коровъ 778 и оленей 26100.

Главнымъ образомъ скотоводство развивается на югѣ губерніи вслѣдствіе благопріятствующихъ къ тому климатическихъ условій, обилія степныхъ пространствъ, дающихъ прекрасный кормъ скоту лѣтомъ и даже въ зимніе мѣсяцы, вслѣдствіе малоснѣжности зимъ; существующее степное скотоводство инородцевъ, а, отчасти, и крестьянъ возможно тамъ только потому, что скотъ содержится на подножномъ корму круглый годъ.

Кромѣ земледѣлія и скотоводства, жители губерніи занимаются, хотя и въ незначительныхъ размѣрахъ, огородничествомъ и культурою на бахчахъ, — собственно лишь въ Минусинскомъ уѣздѣ; огородничествомъ же занимаются даже до крайнихъ сѣверныхъ предѣловъ земледѣлія въ Туруханскомъ краѣ.

Пчеловодство составляетъ также существенную часть сельскаго хозяйства населенія губерніи и постепенно развивается. Въ 1899 году было 45221 ульевъ и добыто меда 8866 пудовъ 32 ф. и воска 1345 п. 6 ф.

Изъ вспомогательныхъ промысловъ въ губерніи существуютъ: лѣсной, кустарный, рыболовство и звѣроловство.

Истребленіе лѣсовъ въ широкихъ размѣрахъ, будучи послѣдствіемъ экстенсивности сельскаго хозяйства, прежде ничѣмъ не ограничивалось и хищническая эксплоатація лѣсовъ производилась безшабашнѣйшимъ образомъ впредь до открытія здѣсь управленія государственными имуществами, раздѣленія губерніи

*) Матеріалами при составленіи настоящей статьи служили, между прочимъ: „Памятная книжка Енис. Губ.“, „Статист. Обзоръ Енис. губ. за 1899 г.“, „Енис. Губ. Вѣд.“, „Восточ. Обзор.“ и др.

на болѣе мелкія лѣсничества и увеличенія числа чиновъ мѣстнаго надзора. Для пополненія кадра низшихъ чиновъ лѣснаго надзора года 2—3 тому назадъ въ с. Ермаковскомъ, Минусинскаго уѣзда, открыта первая въ губерніи лѣсная школа, о которой А. Л. П-вичъ въ № 43 „Вос. Об.“ за н. г., между прочимъ, говоритъ, что все минусинское общество относится не безъ интереса къ жизни этой школы, изъ которой, къ сожалѣнію, такъ часто выбываютъ ученики: изъ одиннадцати воспитанниковъ, принятыхъ въ 1900 г., въ данное время осталось только пять, два же воспитанника вышли изъ школы уже въ новомъ году. Недавно школу посѣтилъ лѣсной ревизоръ г. Шатцъ и мы думаемъ, что посѣщеніе это не останется безрезультатнымъ для будущей судьбы школы.

Лѣсъ здѣсь истребляется не только рукой человѣка, но и страшнымъ врагомъ, не менѣе страшнымъ, чѣмъ человѣкъ—это лѣсными пожарами. Начинаясь ранней весной, они прекращаются лишь глубокой осенью. истребляя въ своемъ грозномъ шествіи все, что ни попадетъ имъ по пути, нанося казнѣ убытки на сотни тысячъ рублей, а иногда сжигая и цѣлыя селенія. Причина пожаровъ, большею частью,—неосторожно пущенные „палы“, брошенная незагашенная папироса, оставленный не залитымъ костеръ и пр.

За послѣднее время уже поднятъ вопросъ о сбытѣ строевого лѣса за границу морскимъ путемъ, для чего образовалась компанія изъ англичанъ и красноярскаго купца Шарыпова; лѣсные участки для этой цѣли отведены въ Енисейской тайгѣ.

Несмотря на обиліе и разнообразіе произрастающихъ въ губерніи лѣсовъ, кустарная промышленность здѣсь крайне слабо развита и направлена къ добыванію и выдѣлыванію продуктовъ первой необходимости въ повседневномъ домашнемъ бытѣ, какъ то: издѣлій льна и конопли (холста и неводовъ), шерсти (суконъ, войлока, валенокъ) и шкуръ, продуктовъ перегонки дерева и обожженной извести; къ полученію различныхъ необходимѣйшихъ издѣлій изъ дерева (посуды разнаго рода, саней, телѣгъ, дугъ, колесъ и пр.). Въ 1899 г. населеніемъ губерніи выдѣлано издѣлій изъ льна и конопли на 28239 р. 90 к., изъ шерсти на 29077 р. 75 к., изъ дерева на 21369 р. 45 к.; обработано овчинъ и шкуръ разныхъ звѣрей на 1195 р. 50 к.; добыто смолы, дегтю и извести на 6507 р. 25 к., травяныхъ издѣлій (ковриковъ) на 111 р. и разныхъ другихъ издѣлій на 17375 р., а всего выдѣлано и добыто на сумму до 103875 р. 85 к. Въ настоящемъ году воздужденъ вопросъ высшей администраціей объ открытіи въ губерніи среди сельскаго населенія цѣлаго ряда школъ для обученія корзиночному производству, для каковой цѣли уже собираются необходимыя статистическія данныя о числѣ лицъ нынѣ

занимающихся этимъ промысломъ, доходности его, мѣстѣ сбыта произведеній и пр.

Промыслы—рыболовство и звѣроловство преобладаютъ почти исключительно въ сѣверной части губерніи, при чемъ рыболовство является главнѣйшимъ промысломъ крестьянскаго и инородческаго населенія сѣверной части Енисейскаго уѣзда и Туруханскаго края; въ остальныхъ же уѣздахъ оно служитъ лишь нѣкоторымъ подспорьемъ въ сельскомъ хозяйствѣ населенія и для собственнаго его продовольствія.

Рыбный промыселъ, какъ то доказываетъ г. Крутовскій въ статьѣ „Къ вопросу объ экономической эволюціи Туруханскаго края“, въ названномъ краю съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе падаетъ, благодаря отсутствію конкуренціи, отсутствію путей сообщенія и полной зависимости какъ въ транспортѣ, такъ и въ скупѣ отъ 2—3 лицъ; край нищаетъ и эксплуатируется самымъ наглымъ образомъ. Отсутствіе, какъ мы выше сказали, конкуренціи и невозможность миновать енисейскихъ пароходчиковъ дѣлаютъ то, что рыбы вывозится изъ Туруханскаго края не столько, сколько ее возможно даже сейчасъ при имѣющихся средствахъ добыть, а столько, сколько по расчету пароходчиковъ нужно. Остальная рыба или бросается, или просто недолавливается, иначе ее некуда было бы сбывать. Такой порядокъ вещей, говоритъ далѣе г. Крутовскій, держитъ цѣны на рыбу въ теченіи десятковъ лѣтъ на одномъ и томъ же уровнѣ, съ весьма незначительными отклоненіями въ сторону. По цифровымъ даннымъ о цѣнахъ на рыбу за 10 лѣтъ, взятымъ изъ журнала енисейской пароходной компаніи, видно, что стояли цѣны въ 85 г. — 86 г. — 87 г., 88 г. — 89 г. — 90 г., — 91 г. — 92 г., 95 г на сельди — 110 — 125 — 145 — 1 — 80 — 67 — 58 70, 70; на осетрину — 270 — 255 — 250 — 270 — 257 — 250 — 240 — 240 — 230. коп за пудъ.

Это почти полная фиксація цѣнъ, зависящая отъ той частной нормировки, которую установили енисейскіе скупщики туруханской рыбы. Цѣна на сельдь даже постепенно понижается, между тѣмъ—сельдь главный рыбный продуктъ. Копченіемъ сельди въ Туруханскомъ краѣ, какъ г. Крутовскій говоритъ, занимаются, главнымъ образомъ, въ выселкѣ Селиваниха, гдѣ первые сосланные сюда скопцы начали это дѣло; затѣмъ, въ с. с. Монастырскомъ и Міроѣдинскомъ. Здѣсь этимъ дѣломъ занимаются очень состоятельные крестьяне, которые уже имѣютъ возможность продержать товаръ до поднятія цѣнъ, и могутъ сами зимнимъ путемъ доставить его въ Енисейскъ на лошадяхъ.

Вообще, еще разъ повторяемъ, рыбный промыселъ въ Туруханскомъ краѣ стоитъ въ настоящее время на самомъ низкомъ уровнѣ развитія. Добыча здѣсь рыбы едва достигаетъ половины того, сколько бы возможно было добыть ее въ настоящее время при наличныхъ средствахъ.

Способы консервированія рыбы употребляются самые примитивные: засолъ и копченіе. Засолъ вполнѣ неудовлетворителенъ. Вся будущность этого края зависитъ исключительно отъ развитія и правильной постановки въ немъ рыболовства и рыбопромышленности. Пора и давно уже пора обратить на это особенно серьезное вниманіе и взять примѣръ хотя бы съ Обскаго бассейна, гдѣ уже нѣсколько лѣтъ какъ существуютъ рыбныя школы, возникшія при энергіи и предпріимчивости мѣстнаго крестьянина г. Земцова, гдѣ для засолки рыбы выписываются съ Волги спеціалисты рыбаки и пр.

Въ 1899 году всего по губерніи добыто рыбы красной и бѣлой и икры на сумму 141845 руб.

Звѣроловствомъ, какъ промысломъ, занимаются, главнымъ образомъ, въ Енисейскомъ уѣздѣ и Туруханскомъ краѣ; промыселъ этотъ, вмѣстѣ съ рыболовствомъ, служитъ единственнымъ обезпеченіемъ существованія населенія этихъ мѣстъ; въ средней и южной полосѣ губерніи звѣроловствомъ занимаются въ видѣ подспорья другимъ промысламъ; на крайнемъ же югѣ губерніи имъ спеціально промышляютъ въ тайгѣ по отрогамъ Саянъ инородцы и нѣкоторые изъ русскихъ крестьянъ.

Но и звѣроловство, какъ и рыболовство въ Туруханскомъ краѣ, какъ утверждаетъ и Крутовскій въ цитированной нами выше статьѣ, несомнѣнно падаетъ, доказательствомъ чему можетъ служить съ каждымъ годомъ уменьшающійся привозъ пушнины на Ирбитскую ярмарку. Упадокъ этого промысла мы приписываемъ, главнымъ образомъ, опять-таки лѣснымъ пожарамъ, угоняющимъ звѣря далѣе въ глубь тайги, а также и той дикой, безшабашной травлѣ звѣря, какая до сихъ поръ практикуется сибирскимъ звѣропромышленникомъ.

На золотыхъ промыслахъ, расположенныхъ въ районѣ губерніи, въ 1899 г. находилось рабочихъ 9060 и добыто было золота 188 пуд. 26 ф 93 з. 34 д.; въ операцію же 1900 г. добыто золота въ Южно-Енисейскомъ округѣ 77 п 5 ф. 18 з 36 д.

Естественныя богатства Енисейской губерніи хотя и обширны, но до сихъ поръ не способствовали развитію заводской дѣятельности, съ одной стороны,—благодаря малонаселенности губерніи и малокультурности населенія ея, отсутствію свободныхъ капиталовъ и большого спроса на заводскія издѣлія, а съ другой стороны,—устройству заводовъ въ губерніи препятствовали до сихъ поръ медленность и дороговизна доставки грузовъ по существующимъ путямъ сообщенія, такъ что устройство заводовъ обходилось далеко дороже, чѣмъ въ Европейской Россіи, продукты же ихъ сбывались слабѣе. Фабричная же промышленность здѣсь почти совершенно до сихъ поръ отсутствовала, но, вотъ, Великій Сибирскій желѣзнодорожный путь перерѣзалъ губернію и съ первыми же поѣздами стали показываться, вмѣстѣ съ иностранными туристами, и капиталисты, интересующіеся, главнымъ образомъ, металлургической промышленностью, появилась масса заявокъ на золото, каменный уголь и др. ископаемые, проектируется постройка нѣсколькихъ чугунно-плавильныхъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ и пр.

Винокуреніе, начавшееся со времени учрежденія въ губерніи акцизнаго управленія, быстро развилось, благодаря золотопромышленности и въ настоящее время составляетъ важнѣйшую статью всей заводской промышленности. Въ 1899 году на всѣхъ дѣйствовавшихъ заводахъ въ губерніи находилось 2158 рабочихъ и выдѣлывалось разныхъ продуктовъ на 2053299 руб. 14½ коп., въ томъ числѣ на заводахъ винокуренныхъ—1160634 р. 93½ к., чугунно-литейныхъ—284000 р., кожевенныхъ—138814 р., пивомедоваренныхъ—94670 р., салотопенныхъ, свѣчныхъ и мыловаренныхъ—76797 р., стеклодѣлательныхъ—66727 р., солеваренныхъ—55052 р., канатныхъ и веревочныхъ—54945 р., экипажныхъ и кузнечныхъ—31570 р., кирпичныхъ—28640 р., крупчатныхъ—13481 р., водочныхъ—12270 р., воскобѣлительныхъ—10900 р., гончарныхъ—5955 р., маслобойныхъ—17502 р. 50 к. и т. д.

Большинство издѣлій этихъ заводовъ служатъ для мѣстнаго потребленія и только лишь отчасти желѣзныя издѣлія выво-

зятся въ Томскую и Иркутскую губерніи и еще сбываются въ Минусинскомъ уѣздѣ и Усинскомъ краѣ жителямъ сѣверной Монголіи—сойотамъ--въ обмѣнъ на разный скотъ.

Говоря выше о положеніи лѣсного дѣла въ губерніи, мы позабыли упомянуть о производившихся въ ней лѣсоустроительныхъ работахъ, которыя, согласно Высочайше утвержденнаго положенія Государственнаго Совѣта, были начаты съ 1895 года и производились чинами лѣсоустроительной партіи, состоящей изъ четырехъ ревизоровъ лѣсоустройства и 12 кондукторовъ; для общаго же объединенія и направленія этихъ работъ былъ назначенъ вице-инспекторъ корпуса лѣсничихъ.

Въ 1899 году чинами этой партіи въ Ачинскомъ уѣздѣ были прорублены просѣки съ сѣвера на югъ, въ разстояніи 2 верстъ одна отъ другой, изслѣдованы Ачинская лѣсная дача въ 45000 десят. и Жуковская въ 13066 десят. Изслѣдованіе это имѣло главною цѣлью опредѣленіе возможнаго, по состоянію лѣсонасажденій, ежегоднаго отпуска лѣсныхъ матеріаловъ, а также осмотрѣны лѣса вдоль праваго берега р. Енисея, отъ устья р. Камы внизъ до устья р. Ангара и частью по правую сторону, въ предѣлахъ Казачинской волости, Енисейскаго уѣзда. Результатомъ этихъ работъ явилось обязательное постановленіе объ изъятіи изъ свободнаго пользованія 10 заказниковъ: 8 въ Енисейскомъ уѣздѣ (общей площадью 176000 десят.) и 2 въ Канскомъ (площадью въ 56000 десятинъ).

Въ Красноярскомъ и Канскомъ уѣздахъ работы состояли въ выборѣ участковъ для рубки лѣса для нуждъ желѣзной дороги, въ инструментальномъ ихъ отводѣ, а затѣмъ—и разбивкѣ лѣсо-сѣкѣ на болѣе мелкія дѣлянки, а также въ этихъ уѣздахъ производились прорубки квартальныхъ просѣкѣ, разграниченіе дачъ и пр.

1 марта 1899 г. открылось еще одно лѣсничество въ с. Подсосенскомъ, Ачинскаго уѣзда, состоящее изъ 4 казенныхъ дачъ, общей площадью въ 206600 десят.

Число недоразумѣній между сельскимъ населеніемъ и лѣсной охраной опредѣляется 710 дѣлами, разбиравшимися въ камерахъ мировыхъ судей, по обвиненію разныхъ лицъ въ похищеніи и поврежденіи казеннаго лѣса. Количество дѣлъ (710) довольно значительно и ясно указываетъ, что наши крестьяне еще до сихъ поръ не привыкли различать своего крестьянскаго лѣса отъ казеннаго.

Весь приходъ лѣсничества по губерніи за 1899 годъ выразился суммою 5929 руб 81 коп. Бесплатно отпущено было переселенцамъ для постройки домовъ и хлѣбозапасныхъ магазиновъ 10384 бревна и 3103 жерди разныхъ размѣровъ и породъ; для ихъ же нуждъ было заготовлено хозяйственнымъ способомъ

4377 бревенъ на средства фонда вспомогательныхъ предприятий Сибирской желѣзной дороги.

Торговля въ губерніи довольно слабо развита и въ теченіе 1899 г. было выдано промысловыхъ свидѣтельствъ и билетовъ всего 9822, изъ которыхъ приходится на уѣзды: Минусинскій—2945, Красноярскій—2425, Енисейскій—1562, Канскій—1460, Ачинскій—1163 и Туруханскій край 257. Ярмарокъ въ губерніи 19. Обороты болѣе важныхъ ярмарокъ были въ 1899 г. въ Ачинскомъ уѣздѣ Филипповской и Никольской (Шарыповской волости) 132820 р., Никольской (Балахтинской волости) 21000 р. и Рождественской (Подсосинской волости) 26000 р. Въ Минусинскомъ уѣздѣ на шести ярмаркахъ: Рождественской, Покровской, Знаменской, Георгіевской, Крещенской и Введенской продано товара на 50000 руб. Привозъ на эти ярмарки составляли мануфактурные, колоніальные, галантерейные товары и виноградныя вина, а вывозъ—хлѣбъ, кожи, конскій волосъ, желѣзо, овчина, щетина.

Населеніе губерніи достигало къ 1 января 1900 г. въ городахъ—60583 д. об. п. и въ уѣздахъ—547268 д. об. п.; при чемъ изъ городовъ наибольшимъ по народонаселенію является г. Красноярскъ—30874 д. об. п. и наименьшимъ г. Туруханскъ—170 д. об. п., а изъ уѣздовъ наибольшимъ—Минусинскій—181608 и наименьшимъ—Усинскій пограничный округъ—2193 д. об. п. Населеніе губерніи подраздѣляется на двѣ группы, изъ которыхъ первую, въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человекъ, составляютъ инородцы, аборигены страны, и, преимущественно, енисейскіе татары, а другую—многочислѣннѣйшіе представители европейскихъ національностей, среди которыхъ подавляющее большинство составляютъ русскіе.

Не смотря на большое сходство въ нравахъ и обычаяхъ, въ образѣ жизни и занятіяхъ, въ языкѣ, который обнаруживаетъ тюркское происхожденіе, несмотря, наконецъ, на общее названіе „татаръ“, присвоенное русскими мѣстнымъ инородцамъ, послѣдніе не представляютъ въ этнологическомъ отношеніи единаго цѣлаго. Это и понятно, говоритъ далѣе г. Крутовскій въ упомянутомъ выше докладѣ, въ виду того, что Енисейская губернія, а особенно ея южная часть была страной, населеніе которой не оставалось постояннымъ, а испытывало въ древнѣйшія времена значительныя измѣненія, происходившія отъ повторявшагося время отъ времени притока въ бассейнъ Енисея новыхъ и новыхъ племенъ изъ средней Азіи черезъ Алтайскія и Саянскія горы. Въ своемъ обзорѣ тюркскихъ племенъ южной Сибири и Джунгаріи академикъ Радловъ приходитъ къ заключенію, что аборигенами страны были *енисейцы*, остатки которыхъ, въ видѣ мелкихъ исчезнувшихъ теперь племенъ (арины, коты, асоны), встрѣчались русскимъ во время покоренія ими Сибири. Слѣдующей племенной формаціей академикъ Радловъ считаетъ угро-самоѣдовъ, къ числу коихъ онъ относитъ, между прочимъ, камасинцевъ и кайбаловъ; за самоѣдскими слѣдовали тюркскія племена, въ лицѣ киргизовъ (хагасовъ) и нѣкоторыхъ другихъ инородцевъ, жившихъ въ нынѣшнемъ Минусинскомъ уѣздѣ и далѣе на сѣверѣ губерніи.

Благодаря нѣсколько разъ повторявшемуся движенію извнѣ, племенной составъ обитателей губерніи въ XVI вѣкѣ, т. е. во

время появленія здѣсь русскихъ, былъ чрезвычайно разнообразенъ. Покореніе Сибири Московскимъ царствомъ и послѣдующій ходъ колонизаціи также не могли не отразиться на этническомъ составѣ туземцевъ, ихъ географическомъ распредѣленіи по территоріи и, вообще, на дальнѣйшей судьбѣ инородческихъ племенъ. Одни племена, какъ киргизы, калмыки, тубинцы, принуждены были почти совершенно выселиться за предѣлы русскаго государства; другія же, какъ ороны и качинцы, переселились изъ однѣхъ мѣстностей края въ другія и на мѣстахъ своей новой осѣлости вытѣснили ея аборигеновъ, тоже принужденныхъ, благодаря этому, пріискивать для себя мѣстожительство (сагайцы, бельтиры), послѣдствіемъ чего явилось сліяніе нѣкоторыхъ племенъ между собою; иныя подъ вліяніемъ русской культуры, обрусѣли и начинаютъ даже забывать свой языкъ; наконецъ, третьи или вымираютъ, или вымерли безъ остатка.

Неинородческое населеніе, появившееся здѣсь лишь въ XVI столѣтіи, также весьма разнообразно по своему этническому составу—главнымъ образомъ, благодаря ссылкѣ. Еслибы послѣдней не существовало, то эмиграція въ Енисейскую губернію дала бы ей исключительно представителей русской національности, такъ какъ изъ внутреннихъ губерній выселялись прежде и выселяются теперь, преимущественно, крестьяне-великороссы, рѣже малороссы и, въ исключительныхъ случаяхъ, бѣлоруссы. Между тѣмъ, благодаря ссылкѣ, въ Енисейской губерніи можно встрѣтить поляковъ, финновъ, эстовъ, латышей, татаръ, черкесовъ и представителей многихъ другихъ народовъ, входящихъ въ составъ населенія Россійской Имперіи.

Такимъ образомъ, населеніе Енисейской губерніи по своему разнообразному составу и происхожденію представляется крайне интереснымъ въ антропологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, и мы убѣждены, что изученіемъ въ этихъ отношеніяхъ населенія губерніи займется открытый 28 января настоящаго года подѣлъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества, которому Енисейская губернія дастъ крайне обильный и интересный матеріалъ для изученія ея во всѣхъ отношеніяхъ.

(Продолженіе будетъ).

Ал. Голо—новъ.

Поѣздка изъ Зайсана на Черный Иртышъ.

(Дорожныя впечатлѣнія).

Прошлымъ лѣтомъ мнѣ пришлось прожить нѣсколько мѣсяцевъ въ Зайсанѣ, небольшомъ уѣздномъ городкѣ Семипалатинской области, расположенномъ у подножья Саурскаго хребта, всего въ 50—ти верстахъ отъ китайской границы.

Городъ съ своими одноэтажными домиками изъ сырцовога кирпича, большею частію некрытыми и небѣлеными, имѣлъ бы совсѣмъ невзрачный видъ и производилъ бы на свѣжаго чело-вѣка грустное впечатлѣніе, если бы его не красила зелень деревьевъ: тополей, карагачей, ветель, расположенныхъ аллеями по всѣмъ восьми улицамъ города, и не оживляло журчаніе воды, пробѣгающей около домовъ по арыкамъ, проведеннымъ изъ горной рѣчки Джиминейки.

Жизнь въ городѣ, три четверти населенія котораго составляютъ киргизы, татары и сарты, скучновата. Общества въ культурномъ значеніи этого слова почти нѣтъ; нѣсколько чиновниковъ и врачей, занятыхъ службою и обязанныхъ проводить половину лѣтняго времени въ разъѣздахъ, писаря уѣзднаго управленія и казначейства, кое-кто изъ торговцевъ,—вотъ и все „грамотное“ населеніе города. — Клуба общаго или гражданскаго въ городѣ нѣтъ; есть военный, но и въ немъ цѣлое лѣто не бываетъ никого. Войска выходятъ на лѣто въ лагерь на рѣчку Уйдонэ, верстъ за семь отъ города, и офицеры только изрѣдка навѣщаютъ городъ.

Пребываніе въ Зайсанѣ лѣтомъ, несмотря на массу зелени и воды, отличный воздухъ, — было бы совсѣмъ несносно, если бы не представлялось возможности совершать поѣздки за городъ. — Мое служебное дѣло оставляло мнѣ много свободнаго времени. Я охотно пользовался имъ, чтобы познакомиться съ окрестностями. Ружье и удочки, а также кое-какіе минералогическія изслѣдованія давали цѣль и смыслъ моимъ поѣздкамъ.

Часто случалось мнѣ путешествовать въ обществѣ сторожиковъ на югъ отъ Зайсана съ цѣлію поохотиться въ Саурскихъ горахъ на горныхъ куропатохъ (кикиликовъ) и на дикихъ козъ (сайгаковъ). Когда отъѣдешь, бывало, отъ города верстъ двадцать, поднимаешься довольно высоко на горы и взглянешь назадъ, на сѣверъ,—глазу открывается обширный видъ на всю Зайсанскую долину, прорѣзанную Чернымъ Иртышемъ, окруженную съ во-

стока—Алтайскими, съ юга-Саурскими и съ запада Монракскими и Космурунскими горами.—Иногда мы ѣхали „на ночевую“ на Монракъ, чтобы на утренней зарѣ пострѣлять тамъ осторожныхъ горныхъ индѣекъ (уларовъ).

Въ половинѣ августа одинъ изъ моихъ знакомыхъ, человекъ, прожившій въ Зайсанѣ болѣе десяти лѣтъ и хорошо знакомый со всѣмъ Зайсанскимъ уѣздомъ, предложилъ мнѣ съѣздить на Черный Иртышъ, протекающій отъ города верстахъ въ 50-60.—„Мы прекрасно порыбачимъ тамъ,“—увѣрялъ Андрей Степановичъ, —„наловимъ и нельмъ, и тайменей, и шукъ, линей и какой вамъ угодно рыбы. Теперь самое время ѣхать: раньше августа насъ на Иртышѣ съѣли бы комары, которыхъ тамъ безчисленное количество, а теперь они позапали уже. Я и рыбаковъ иртышскихъ извѣстилъ уже, чтобы вскорѣ ожидали меня къ себѣ въ гости и готовили невода“.

Поѣздка вскорѣ состоялась.—Какъ оказалось, Андрей Степановичъ ѣхалъ на рыбалку не одинъ, а бралъ съ собою всю свою довольно многочисленную семью. Кромѣ того, онъ пригласилъ съ собою еще два знакомыхъ семейства, составъ которыхъ былъ также не малочисленъ. Всего, считая кучеровъ и прислугу, насъ отправилось на Иртышъ 35 человекъ.

Выѣхали утромъ, часовъ въ 7—8. Составился цѣлый поѣздъ въ восемь экипажей.—Вообще, по Зайсанскому уѣзду въ экипажахъ мало ѣздятъ: по горамъ возможно пробираться только верхомъ; но теперь намъ предстояло ѣхать по равнинѣ параллельно Саурскому хребту, и мы отправились въ путь въ повозкахъ и телѣжкахъ.

Сначала ѣхали верстъ 5—6 по каменистому грунту, постепенно понижавшемуся по направленію нашего пути. Мѣстность,—направо до самыхъ горъ и налѣво на цѣлую сотню верстъ,—была совершенно открытая. По сторонамъ дороги росла невысокая, пожелтѣвшая трава; зеленѣли прорѣзанные арыками городскія пашни и бахчи; виднѣлись на половину убранные уже пшеница, ячмень, просо, овесъ, арбузы, дыни; каждое отдѣльное поле обозначалось лентою широкоголовыхъ подсолнечниковъ. На поляхъ работали люди, большею частію совершенно обнаженные по пояса, киргизы. Деревьевъ, насколько хваталъ глазъ, не видно было ни одного.

Когда миновали пашни, дорога пошла *чіями* (степными камышами). Чіи были настолько высоки сравнительно съ травой и хлѣбами и тянулись такъ далеко по обѣ стороны дороги, что совсѣмъ закрывали отъ взора окрестности; по временамъ не видно было даже и самыхъ горъ, мало по малу все болѣе отступавшихъ отъ насъ вправо.—Такой скучной, однообразной и притомъ мѣстами очень кочковатой дорогой пришлось проѣхать ча-

совъ шесть, т. е. не меньше какъ версть 40, пока не доѣхали до небольшого притока Иртыша—Кендырлыка.

Здѣсь по словамъ сторожиловъ, можно было ожидать хорошей рыбалки и слѣдовало пробыть денька два—три.

Остановились на берегу рѣчки, распрягли коней, раскинули палатку. Дамы занялись: кто разборкою багажа и постелей, кто—приготовленіями къ чаю, дѣти отправились побѣгать, а мы, мужчины, — насъ было пять человекъ,—нимало не медля, спустились къ водѣ испытать, каково клюетъ рыба.

Закинули удочки, нажививъ ихъ, какъ обычно, червяками, захваченными съ собою изъ города. Не прошло двухъ трехъ минутъ, какъ рыба начала клевать; вытащили: кто—окуня, кто—линя, кто—чебака. Рыба была довольно крупныхъ размѣровъ: окунь болѣе фунта, линь фунта въ три. — Еще разъ закинули, добыли язя, нѣсколько чебаковъ, окуней. — Захотѣлось половить и зубастыхъ щукъ, которыхъ, говорили, здѣсь было много. Небольшихъ чебаковъ насадили на двѣ щучьихъ лесы, закинули въ воду; почти моментально попалась щука фунтовъ въ 5—6, которая и была съ торжествомъ вытащена на берегъ. За этой щукой попалась другая, потомъ еще и еще. Между тѣмъ, маленькими удочками попрежнему почти ежеминутно вытаскивали изъ воды окуней, чебаковъ, линей...

Рыбалка вышла роскошная, что называется—„покурить некогда было“. Увлеченіе ловлей было настолько сильно, что никто изъ рыбаковъ до самаго заката солнца не пошелъ пить чай, не смотря на настойчивыя приглашенія дамъ.—Оказалось, что за два часа мы добыли удочками около четырехъ пудовъ прекрасной рыбы.

Вечеромъ наварили ухи, нажарили рыбы и стали пировать подъ открытымъ небомъ, около костра. — Къ Андрею Степановичу, какъ человеку хорошо знакомому съ киргизскимъ бытомъ и языкомъ, а также и съ русскими законами, пріѣхали изъ сосѣднихъ ауловъ нѣсколько человекъ киргизъ „посоветоваться“. Ихъ также угостили рыбой, которую они ѣли очень охотно.

— Что-же—кто-нибудь изъ киргизъ промышляетъ въ этихъ мѣстахъ рыбою? спросилъ я у своихъ собесѣдниковъ.

— Нѣтъ, никто не промышляетъ, отвѣтили мнѣ.

— Почему же? здѣсь рыбы, очевидно, много. Если мы удочками въ самое короткое время натаскали столько, сколько же можно добыть здѣсь за цѣлый день сѣтями или неводомъ?

— Добыть-то здѣсь рыбы можно сколько угодно, да куда ее дѣвать? Свѣжую ее лѣтомъ и до Зайсана не довезешь: испортится; да и много ли въ Зайсанѣ раскупятъ? Солить? соль дорога, да и что дадутъ за соленую рыбу? Сушить? кто ее сушеную здѣсь купить, а далеко такой товаръ киргизъ не повезетъ.

Такимъ образомъ, становилось яснымъ, что рыбныя богатства этихъ мѣстъ совсѣмъ не эксплуатируются, и рыба живетъ здѣсь „на всей своей вольной волюшкѣ“. Вотъ гдѣ раздолье для охотниковъ поудить и для мастеровъ нажить копейку!

На Кендырлыкѣ мы пробыли еще два дня, добывая каждый день рыбы вполне достаточно для всего нашего стана и на обѣдъ и на ужинъ. Затѣмъ, мы паправились на самый Черный Иртышъ, до котораго отъ мѣста нашей стоянки было верстъ 6-7.

Дорога шла то лугами, то песками. Мѣсто было заливное. Здѣсь весною Иртышъ, выходя изъ береговъ и сливаясь съ двумя притоками и старицами, образуетъ одно сплошное водное пространство шириною въ нѣсколько верстъ. Отъ разлива остаются озера и болота, въ которыхъ водится масса рыбы и гнѣздится несмѣтное количество всякой водяной и болотной птицы.

Видъ самага Чернаго Иртыша на меня особаго впечатлѣнія не произвелъ. Иртышъ здѣсь совсѣмъ не такъ широкъ и величествененъ, какъ, напримѣръ, подъ Омскомъ или подъ Тобольскомъ. Здѣсь выше озера Зайсана и Колбинскаго хребта онъ представляетъ изъ себя во время спада водъ очень незначительную рѣчку, испещренную островами, раздѣляющуюся постоянно на нѣсколько отдѣльных, совсѣмъ неширокихъ рукавовъ. Теченіе его здѣсь также не очень быстро.

На Иртышѣ насъ ожидалъ съ неводомъ и другими приспособленіями для рыбной ловли извѣстный по всему Зайсанскому и Устькаменогорскому уѣздамъ рыбакъ Даніаръ.

Интересна исторія этой личности. Даніаръ—ни русскій, ни киргизъ. Одѣвается и брѣетъ голову онъ совершенно по киргизски, говоритъ обычно также на киргизскомъ языкѣ, русскую рѣчь понимаетъ, но говоритъ по русски неохотно и, видимо, съ трудомъ припоминаетъ русскія слова. Официально онъ значится киргизомъ Черноиртышской волости Зайсанскаго уѣзда, но въ дѣйствительности, какъ увѣряютъ, по происхожденію онъ русскій.—Вотъ что рассказываютъ объ немъ зайсанскіе старожилы.

Въ 50-хъ годахъ только что минувшаго столѣтія какой-то русскій солдатъ или казакъ, совершившій ли преступленіе или просто незахотѣвшій служить, перебѣжалъ изъ г. Устькаменогорска въ китайскіе предѣлы, на Черный Иртышъ, тогда еще не принадлежавшій Россіи, по крайней мѣрѣ—лѣвымъ своимъ берегомъ. Явился онъ къ мѣстному киргизскому султану, изъявилъ ему покорность, получилъ отъ него разрѣшеніе жить среди киргизъ и устроился рыбакомъ на Иртышѣ. Спустя нѣсколько времени, женился сначала на одной, а потомъ и на двухъ киргизкахъ, прижилъ съ ними дѣтей и совершенно „окиргизился“. Какъ звали раньше бѣглаго солдата,—никто не знаетъ или не

говорить; киргизы дали ему имя „Даніаръ“.—Когда въ 60-хъ годахъ Черный Иртышъ вмѣстѣ съ населеніемъ окрестныхъ мѣстностей былъ присоединенъ къ Россіи, Даніаръ снова попалъ въ русское подданство, но уже, какъ киргизъ. Теперь Даніару, по его словамъ, болѣе 70—ти лѣтъ, но съ виду—это еще живой и бодрый старикъ.

Справедливо или нѣтъ зайсанскіе старожилы считаютъ Даніара бѣглымъ русскимъ солдатомъ, — во всякомъ случаѣ, онъ оказался отличнымъ рыбакомъ, не хуже всякаго приволжскаго уроженца. Съ Даніаромъ мы ловили рыбу и удочками, и неводомъ, и переметомъ.

Охотничій день нашъ по Иртышѣ распредѣлялся такимъ образомъ: утромъ мы осматривали переметы и ловили рыбы удочками, среди дня отправлялись на охоту съ ружьемъ или ловили карасей сѣтями, вечеромъ неводили.

Переметь, устраиваемый для ловли рыбы на Черномъ Иртышѣ, заслуживаетъ, по своей оригинальности, хоть краткаго описанія. Онъ представляетъ изъ себя прочную бичевку толщиною въ мизинецъ, а длиною сажень въ 40—50. Къ этой бичевкѣ на разстояніи полуаршина другъ отъ друга привязываются поводки, т. е. короткія, но толстыя волосяныя лесы съ пробкою и острымъ крючкомъ на каждой. Приманки никакой на крючки не насаживается, такъ какъ имѣется въ виду не удить рыбу, а ловить ее просто за бокъ.—Устанавливается переметь въ водѣ слѣдующимъ образомъ: въ неособенно глубокомъ, но однакоже и не слишкомъ мелкомъ мѣстѣ,—проще говоря, на перекатѣ,—поперекъ рѣки вбиваются въ дно 10—12 длинныхъ, гладкообтесанныхъ кольевъ на разстояніи 4—5 саженей другъ отъ друга. На эти колья надѣваются свободно движущіяся по нимъ, сплетенныя изъ тальника, кольца въ руку толщиною. Къ кольцамъ привязываются бичевки аршина два-три длиною, свободными концами перехватывающія черезъ равные промежутки самый переметь. Къ концамъ послѣдняго привязываются гири или какая-либо другая тяжесть: зашитые въ тряпку камни, песокъ и пр. Когда тяжесть эту на той и другой сторонѣ натянутого перемета погружаютъ въ воду ниже кольевъ по теченію, переметь опускается на дно, а съ нимъ вмѣстѣ, скользя по кольямъ, опускаются въ воду и кольца. Достается переметь изъ воды для осмотра при помощи небольшого багра.

На переметь можетъ попасться только рыба, имѣющая толстую и прочную кожу, которая не разрывалась бы, не смотря на всѣ усилія сорваться съ крючка. И, дѣйствительно, когда, поднявшись рано утромъ, двое изъ насъ отправлялись осматривать переметы, — ихъ было два, — то находили на нихъ десятокъ два стерлядокъ разной величины, налимовъ, изрѣдка осетра, но частиковой рыбы язей, чебаковъ и пр. переметомъ не добыли ни разу. — Нечего говорить, что объ крючки перемета ранится далеко болѣе рыбы, чѣмъ остается на крючкахъ, и что этотъ способъ ловли справедливо запрещенъ закономъ для рѣкъ Европейской Россіи. Но строго осуждать рыбаковъ Чернаго Иртыша за употребленіе переметовъ при рыбной ловлѣ едва-ли будетъ справедливо. Надо принять во вниманіе, что всего въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ того мѣста, гдѣ мы стояли, Иртышъ становится уже китайскою рѣкою, и что китайцы, по словамъ очевидцевъ, употребляютъ еще болѣе варварскіе способы для добыванія рыбы. Рассказываютъ, что они, выждавъ время, когда поднимающаяся для метанія икры вверхъ по рѣкѣ красная рыба: стерлеть, осетръ, а также нельма—войдетъ въ китайскіе предѣлы, совершенно перегораживаютъ потомъ рѣку плетнями и рѣшетками, лишая, такимъ образомъ, рыбу возможности спуститься обратно по рѣкѣ, и вылавли-

вають ее неводами, гереметами и другими орудіями немного выше заповровъ. Одинъ изъ бывшихъ съ нами на рыбалкѣ сыновей Даниара рассказывалъ, что онъ самъ съ нѣсколькими товарищами изъ киргизъ и зайсанскихъ казаковъ поднимался однажды вверхъ по Иртышу въ Китай, чтобы уничтожить устроенный китайцами заповрь, и даже выдержалъ тамъ перестрѣлку съ жителями китайской деревушки.

Кромѣ переметовъ, каждое утро осматривались еще нами жерлицы, которыя мы съ вечера ставили на щукъ въ протокахъ Иртыша между островами. Жерлицы эти прикрѣплялись къ вѣтвямъ деревьевъ, наклонившихся надъ водою, или къ длиннымъ удилицамъ, крѣпко воткнутымъ въ берегъ. На жерлицы нерѣдко попадались щуки отъ 3 до 10 фунтовъ вѣсомъ.

Осмотрѣвъ переметы и жерлицы, налюбовавшись на добычу, а иногда и поудивъ еще немного около стана, охотничья компанія наша обычно дѣлилась на двое: одни брали ружья и шли на охоту, другіе забирали сѣти и отправлялись версты за три отъ Иртыша ловить карасей.

Едва-ли стоитъ упоминать, что ружейная охота на заливныхъ лугахъ Чернаго Иртыша была великолѣпна: озеръ и болотъ сколько угодно, дичь—совершенно непуганная. Охотники ни разу не возвратились домой съ пустыми руками, но, обыкновенно, приносили въ станъ по нѣскольку утокъ и куликовъ самыхъ разнообразныхъ породъ; однажды принесли даже пару гусей, въ другой разъ—стрепета.

Не менѣе богата по своимъ результатамъ была и ловля карасей сѣтями. Производилась она за все время пребыванія нашего на Иртышѣ въ одномъ и томъ же озерѣ, тянувшемся на нѣсколько верстъ почти параллельно съ рѣкою. Озеро это при своей значительной длинѣ шириною было не болѣе 15—20 сажень; надо думать, что это была старица какой-нибудь когда-то впадавшей въ Иртышъ рѣчки. Лодки на озерѣ не было, и ловить карасей приходилось слѣдующимъ образомъ. Ктонибудь изъ нашей компаніи раздѣвался, бралъ въ руки одинъ конецъ веревки отъ сѣти, переплывалъ довольно глубокое озеро и, вытянувъ сѣть поперекъ него, укрѣплялъ конецъ ея на томъ берегу. Затѣмъ, возвращался обратно, бралъ конецъ веревки отъ другой сѣти, отходилъ отъ первой натянутой уже поперекъ озера сѣти сажень на пять—на десять, снова переплывалъ озеро и ставилъ черезъ него новую сѣть. Шумно проплывъ нѣсколько разъ между сѣтями, иногда покуривъ съ нами на этомъ берегу, пловецъ отправлялся отвязывать сѣти, которыя вытаскивались нами изъ воды.—Повторять закидываніе сѣтей не приходилось: за одинъ разъ въ каждую изъ нихъ попадало по нѣсколько десятковъ карасей около фунта вѣсомъ, и этого было вполне достаточно на день для всего нашего стана.—Можно представить, сколько штукъ, пудовъ, воевъ карасей находилось въ этомъ

озерѣ, если въ 15—20 минутъ мы добывали здѣсь ежедневно не менѣе пуда!

Самою интересною изъ всѣхъ рыболовныхъ экскурсій нашихъ по Иртышу и его окрестностямъ была ежедневная вечерняя ловля рыбы неводомъ: сколько прелести, шума, оживленія! На неводьбу отправлялось обыкновенно почти все населеніе нашего стана: и дамы, и дѣти, и прислуга; при юртахъ и палаткахъ оставалось много-много два-три человѣка. Передъ самымъ закатомъ солнца все наше общество, усѣвшись въ большую лодку, переплывало на ту сторону рѣки, гдѣ не болѣе какъ въ верстѣ отъ нашего стана находилась песчаная отмель (рыболовные пески), тянувшаяся версты на три—четыре. Высадившись на берегъ, и дѣти, и взрослые запасались валежникомъ, чтобы вечеромъ раскладывать на берегу костры.

Даніаръ съ сыновьями и нашей мужской прислугой на другой лодкѣ перевозили неводъ и закидывали тону.

Пока неводъ былъ далеко отъ берега, наша компанія вела себя тихо и молча слѣдовала за рыбаками по теченію рѣки. Но за то, какое оживленіе овладѣвало всѣми, когда неводъ подходилъ къ берегу и въ немъ начинала изъ стороны въ сторону бросаться какая-нибудь крупная рыба! Было отъ чего, впрочемъ, и волноваться: въ неводъ каждый разъ попадало довольно много самой разнообразной по сортамъ и по размѣрамъ рыбы. Таймень, нельма, щука, налимъ, окунь, язь—вотъ главные сорта рыбы, попадавшей въ неводъ; осетры и стерлядь въ неводъ почему-то вовсе не попадались.

На нашу долю или, какъ говорится, на нашъ пай—Даніаръ давалъ ежедневно двѣ тони, послѣ чего начиналъ неводить собственно для себя.—Наша компанія, посидѣвъ еще немного у костра, который обыкновенно раскладывался на мѣстѣ, гдѣ ожидался выводъ „нашей послѣдней“ тони, садилась въ лодку и отправлялась „во свояси“.

Легкій ужинъ подъ открытымъ небомъ, веселые разговоры о приключеніяхъ дня, нѣсколько страницъ на ночь изъ захваченной съ собою книги,—и нашъ день кончался: весь станъ погружался въ мирный, здоровый сонъ.

На Иртышѣ мы пробыли пять дней. Дольше оставаться нельзя было: служба и дѣла требовали, чтобы мы отказались отъ своего „доисторическаго“ образа жизни и возвратились къ своимъ „обязанностямъ“.

Какъ ни незатѣйливо было возвращавшее насъ къ охотничьему періоду жизни времепровожденіе наше на Кендырлыкѣ и Иртышѣ, но оно до сихъ поръ припоминается мнѣ живѣе и полнѣе, чѣмъ разные званые „обѣды и вечера“, которыми приходилось угощаться въ Зайсанѣ прежде и послѣ по-

ѣздки на Иртышъ. Вообще, какъ хотѣлось бы даже и теперь, „покинувъ пыльный городъ, залиться хотъ на недѣлку“ съ ружьемъ и удочками въ такое пустынное и богатое рыбой и дичью мѣсто, какъ окрестности Чернаго Иртыша.

Ев. К—въ.

Роль сибирской желѣзной дороги въ дѣлѣ колонизаціи края.

(Статья 4-ая. См. I, II и IV книж. тек. года).

Въ своихъ предыдущихъ статьяхъ, посвященныхъ переселенческому вопросу, мы, пользуясь весьма обильнымъ матеріаломъ, напечатаннымъ въ особомъ неофициальномъ изд. Д—та Г. З. Им., познакомили въ общихъ чертахъ читателя съ состояніемъ переселенческаго дѣла въ четырехъ сибирскихъ губерніяхъ. Въ настоящей-же статьѣ мы намѣрены въ бѣгломъ очеркѣ прослѣдить за ходомъ переселенческаго дѣла въ степныхъ областяхъ Сибири, при чемъ весь фактическій матеріалъ и для этой статьи заимствуемъ изъ того-же источника.

Особенность работъ по образованію переселенческихъ участковъ въ степныхъ областяхъ Сибири заключается въ томъ, что землеотводнымъ работамъ предшествовало специальное естественно-историческое и хозяйственно-статистическое изслѣдованіе. Первоначальный планъ организацій указываемыхъ нами изслѣдованій заключался въ комбинаціи естественно-историческихъ и хозяйственно-статистическихъ изслѣдованій съ присоединеніемъ специально гидротехническихъ работъ, при чемъ придавалось большое значеніе почвеннымъ и батаническимъ изысканіямъ. Для достиженія указанной цѣли, по Высочайшему повелѣнію 15 марта 1896 г., было отпущено 29.000 рубл. изъ средствъ комитета сибирской желѣзной дороги. Завѣдываніе экспедиціей по изслѣдованію степныхъ областей было поручено извѣстному воронежскому земскому статистику Ф. А. Щербинѣ. Экспедиція открыла свои работы въ маѣ 1896 года пробной экскурсіей, въ составъ которой вошли въ роли завѣдывающаго г. Щербина, далѣе его помощникъ, статистики и регистраторы. Въ 1896 году экспедиція обслѣдовала Кокчетавскій уѣздъ и обѣ сѣверо-восточныя волости Акмолинскаго уѣзда. Въ слѣдующемъ 1897 году, вслѣдствіе личнаго знакомства съ ходомъ экспедиція на мѣстѣ управляющаго дѣлами комитета сибирской жел. дор. статсъ-секретаря Куломзина и директора Д-та Гос. Зем. Им. И. Тихѣева,

составъ экспедиціи былъ значительно увеличенъ, въ него вошли еще, кромѣ статистиковъ, спеціалистъ по геоботаникѣ и почвовѣдѣнію, 12 топографовъ и два гидротехника; ассигновано было въ этомъ году экспедиціи 42.000 рублей. Организациа и программы изслѣдованія въ 1897 году остались въ главныхъ чертахъ тѣже, что и въ 1896 году. За время съ 1896 по 1899 годъ результаты работъ выразились слѣдующими данными: были обслѣдованы въ Акмолинской области—уѣзды Кокчетавскій (12.500 хозяйствъ) и Атбасарскій (12.800 хоз.); въ Семипалатинской обл. Павлодарскій (21.800 хоз.), Зайсанскій (23.600 хоз.) и Устькаменогорскій—(17.300 хоз.); въ Тургайской области—Кустанайскій уѣз. (19.500 хоз.) и Актюбинскій (18.000 хоз.); кромѣ того, закончено было изслѣдованіе наиболѣе заселенной части Каркаралинскаго уѣзда (25.000 хоз.), почти закончено изслѣдованіе Акмолинскаго (15.700 хоз.) и начато изслѣдованіе Семипалатинскаго уѣзда (4.600 хоз.); въ общемъ, за четырехлѣтній періодъ дѣятельности экспедиціи, было изслѣдовано 171.200 киргизскихъ хозяйствъ, 6.175 дворовъ русскихъ переселенцевъ въ Кокчетавскомъ уѣздѣ и 2300 дворовъ въ Кустанайскомъ. Ближайшая задача экспедиціи заключалась въ выясненіи размѣра излишнихъ земель, которыя могли-бы быть обращены для цѣлей колонизаціи. Для этого изслѣдованіе должно было прежде всего опредѣлить, какая площадь земель находится въ пользованіи мѣстнаго киргизскаго населенія и какая площадь необходима этому населенію для удовлетворенія его потребностей.

По поводу работъ экспедиціи мы находимъ слѣдующій отзывъ въ неоднократно цитируемомъ нами неофициальномъ изданіи Д-та Госуд. Зем. Им.: „Если, однако, работы экспедиціи дали не все необходимое для практическихъ цѣлей, то, во всякомъ случаѣ, ихъ значеніе было громадно: онѣ впервые выяснили необходимость отказаться отъ господствовавшаго ранѣе представленія о якобы общемъ у широкихъ группъ киргизскаго населенія пользованіи земельными угодіями и считаться съ гораздо болѣе дробною группировкою киргизскаго землепользованія; а затѣмъ установленныя экспедиціей границы владѣній дали опредѣленныя рамки, внутри которыхъ чины временныхъ партій могли затѣмъ безъ особыхъ затрудненій, и не рискуя впасть въ крупныя ошибки, изучать распредѣленіе землепользованія по болѣе мелкимъ группамъ: работы экспедиціи дали вѣрныя контуры, при наличности которыхъ выписка болѣе мелкихъ подробностей представляется сравнительно легкимъ дѣломъ“.—Но для переселенческаго дѣла этихъ свѣдѣній было еще недостаточно. Для опредѣленія колонизаціонной площади, необходимо было знать то количество земли, которое требовалось для нуждъ каждой киргизской группы населенія, и только тогда

могъ опредѣлиться земельный излишекъ, который и составилъ бы переселенческій земельный фондъ. Для выясненія этого вопроса, въ виду скотоводческаго быта киргизскаго населенія, являлось необходимымъ выяснить: при какомъ количествѣ скота средняя по составу и благосостоянію киргизская семья можетъ удовлетворять своимъ обычнымъ потребностямъ, далѣе, какое количество угодій необходимо для годового содержанія одной головы скота. Однимъ словомъ надлежало опредѣлить нормально-необходимое для средней семьи количество скота и необходимое для головы скота количество земли, а затѣмъ уже путемъ перемноженія одной величины на другую и получается нормально-необходимое количество земли для средней по составу и благосостоянію киргизской семьи. Первый изъ вопросовъ рѣшался путемъ изученія бюджетовъ киргизскихъ семей и сопоставленіемъ полученныхъ такимъ образомъ данныхъ со средними размѣрами дѣйствительнаго киргизскаго скотоводства. Для полнаго обезпеченія потребностей средней киргизской семьи за норму принято экспедиціей въ переводѣ на крупный 24 головы всякаго скота.

Болѣе сложнымъ для рѣшенія являлся второй изъ приведенныхъ вопросовъ, о необходимомъ количествѣ пастбищъ для одной головы скота. Чтобы получить отвѣтъ на этотъ вопросъ, изслѣдуемая мѣстности распредѣлялись на естественно-историческіе районы, затѣмъ, опредѣлялась производительность земель и ихъ нормовое значеніе. По каждому району, болѣе или менѣе характерному, опредѣлялось количество десятинъ зимовочныхъ и призимовочныхъ угодій, нужное для одной головы скота. Путемъ разныхъ выкладокъ экспедиція пришла къ выводу, что для прокормленія головы скота въ теченіе 10 мѣсяцевъ, необходимо въ среднемъ 5,7 десятинъ зимовочныхъ и призимовочныхъ пастбищъ. Что-же касается лѣтнихъ пастбищъ, то нормы для нихъ получались производнымъ способомъ. Приведемъ здѣсь резюме департаментскаго изданія о выработанныхъ экспедиціей нормахъ. Въ неофф. изд. Д-та по этому поводу сказано слѣдующее: „не будучи абсолютно вѣрными, эти нормы въ смыслѣ твердости обоснованія, не могутъ идти ни въ какое сравненіе со всѣми ранѣе дѣлавшимися попытками опредѣленія нормъ кочеваго землепользованія; если при выводѣ нормы приняты во вниманіе не всѣ рѣшительно моменты, могущіе обусловить собою потребность кочевниковъ въ землѣ, то это обстоятельство лишь въ томъ случаѣ могло-бы имѣть серьезное значеніе, если-бы эти нормы примѣнялись механически, т. е. если-бы у кочевниковъ отрѣзывались всѣ рѣшительно излишнія сверхъ нормальной порціи земли. Но, какъ мы увидимъ, этого нѣтъ и не предполагалось“. Въ окончательномъ результатѣ работъ экспедиція видно, что изъ 20.000.000 десятинъ обслѣдованнаго ею пространства

можетъ быть выдѣлено въ колонизаціонный земельный фондъ почти половина, т. е. около 10.000.000 десятинъ. Заканчивая этимъ первую часть своего обзора, мы скажемъ нѣсколько словъ о значеніи и роли экспедиціи въ дѣлѣ выясненія нужды кочеваго киргизскаго населенія съ одной стороны, и съ другой о вполнѣ сознательномъ опредѣленіи земельныхъ излишковъ составляющихъ наличный свободный земельный фондъ въ областяхъ Сибири. Изъ отзывовъ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ учреждений, а также изъ работъ переселенческихъ партій видно, что экспедиція отнеслась къ своему дѣлу съ достаточнымъ вниманіемъ: мѣстное киргизское населеніе относится къ образованію переселенческихъ и запасныхъ участковъ изъ земель ихъ пользованія вполнѣ спокойно и не воздуждаетъ жалобъ, какъ это часто случалось ранѣе. Переселенческія партіи, располагая весьма солиднымъ статистическимъ матеріаломъ, имѣютъ возможность производить свои работы вполнѣ цѣлесообразно и достаточно продуктивно.

Работы по образованію переселенческихъ участковъ въ степныхъ областяхъ Сибири производятся на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ, выработанныхъ министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Основанія эти изложены въ особомъ проектѣ правилъ, хотя и не получившихъ законодательной санкціи, но цѣликомъ почти вошедшія въ циркулярныя распоряженія указаннаго выше министерства. Вотъ сущность проекта этихъ правилъ: работы по образованію участковъ открываются только въ тѣхъ уѣздахъ, или частяхъ уѣздовъ, по коимъ закончено статистическое изслѣдованіе, и въ коихъ имѣются сверхъ нормъ киргизскаго землепользованія земельные излишки. Изъятіе земель для образованія участковъ производится подъ тѣмъ условіемъ, чтобы во владѣніи каждой обособленной по землепользованію группы киргизъ оставалось не менѣе нормально-необходимаго количества земли, при чемъ за киргизами должны быть сохранены ихъ зимовки съ близъ лежащими защитными рощами и пастбищами, орошенныя арыками земли, искусственныя запруды и всѣ обрабатываемыя за собственный счетъ пашни, киргизскія могилы и пр. Этими положеніями въ главныхъ чертахъ исчерпывается проектъ указанныхъ нами правилъ.

Затѣмъ, мы обращаемся къ результатамъ работъ собственно по образованію переселенческихъ и запасныхъ участковъ. За описываемое нами время, т. е. съ 1896 по 1900 годъ, въ степныхъ областяхъ Сибири работали три переселенческія партіи: 1-ая Акмолинская, 2-ая Акмолинская и Тургайская. 1-ая Акмолинская партія, существующая еще съ 1893 года, за отчетное время занята была работами въ сѣверныхъ уѣздахъ Акмолинской области и производила экстренныя работы по устройству

уже водворившихся въ краѣ переселенцевъ. 2-ая Акмолинская партія все время работала въ тѣснѣйшей связи съ экспедиціей по изслѣдованію степныхъ областей. Тургайская партія занята была съемочными работами, нужными для экспедиціи, а въ 1899 партія пришлось приступить къ устройству существующихъ въ Тургайской области арендаторскихъ поселковъ. Общіе итоги работъ первой Акмолинской партіи выразились слѣдующими данными: ею было образовано 79 участковъ, общемою площадью въ 450.000 десятинъ, изъ нихъ удобной около 390 000 десятинъ, рассчитанныхъ на 26 638 душъ мужескаго пола. Общіе результаты работъ 2-ой Акмолинской партіи за все время ея существованія дали слѣдующія цифры: партіей было образовано и проведено черезъ коммиссіи 61 участокъ, площадью до 420 000 дес. съ 350.000 удобной на 23.059 душъ мужескаго пола. Наконецъ, Тургайская партія, какъ мы уже говорили, образованіемъ переселенческихъ и запасныхъ участковъ за описываемое нами время не занималась.

Заканчивая свой бѣглый очеркъ о положеніи переселенческаго дѣла въ степныхъ областяхъ Сибири, мы должны сказать, что экспедиція по изслѣдованію быта киргизскаго населенія и выработкѣ для этого населенія земельныхъ нормъ дала весьма надежную и твердую базу для всѣхъ послѣдующихъ работъ чисто поземельно-устроительнаго характера. При наличности современнаго обильнаго статистическаго матеріала вопросъ объ изъятіи излишнихъ земель изъ черты землепользованія аборигеновъ рѣшался вполне сознательно и имѣлъ надлежащую мотивировку, чего, къ сожалѣнію, мы не замѣчаемъ при образованіи переселенческихъ участковъ въ остальной Сибири, благодаря традиціонной 15-ти десятинной земельной нормѣ.

Ю. О. Горбатовскій.

Театры въ Сибири.

I.

Результатъ перваго въ Россіи опыта устройства «Плавучаго Театра» въ Восточной Сибири на р. Ленѣ.

Въ февралѣ 1896 г. явилась у меня мысль устроить плавучій театръ по р. Ленѣ во время сплава ярмарки до г. Якутска, о чемъ я и подалъ Иркутскому губернатору прошеніе съ приложеніемъ плана-театра. Дѣло затянулось въ строительномъ отдѣленіи Иркутскаго губернскаго управленія, разрѣшеніе получилось поздно, и за невозможностью, въ виду наступившей распутицы, вывезти необходимый лѣсъ для постройки, я принуж-

денъ былъ выстроить пока только паузокъ по типу общеупотребительныхъ этого рода судовъ на р. Ленѣ.

Паузокъ-театръ имѣлъ ширины 10 арш., длины до носа 7 саж., носъ 3 саж.; высота надъ сценой была въ $4\frac{1}{2}$ арш., а надъ зрителями $3\frac{3}{4}$ ар. Мѣстъ въ партерѣ имѣлось 120 и на галлерей, устроенной въ носу,—70. Сцена занимала $7\frac{1}{2}$ арш. Декорации написаны были помощникомъ декоратора Иркутскаго театра А. С. Добровымъ. Полный сборъ могъ дать, смотря по цѣнамъ, отъ 145 до 225 руб. Театръ проплылъ съ 1-го мая по 23 іюля отъ с. Качуга до областного города Якутска—2553 версты; при чемъ во время противныхъ вѣтровъ употреблялся, такъ называемый, «водяной парусъ» (родъ люльки $4+3$ арш.), который опускается на длинной веревкѣ съ носа судна въ воду и вода, напирая въ раму, обтянутую холстомъ, тянетъ паузокъ теченіемъ противъ вѣтра (2—3 версты въ часъ).

Дано было за это время спектаклей при остановкѣ 43. Именно: въ Качугѣ 5—сборовъ получено 164 р., въ Верхотенскѣ 1—сбора 17 р., въ Рудныхъ--3, сбора 154 р. въ Устькутѣ--1, сбора 12 р., въ Киренскѣ 6, 182 р. въ Витимѣ—13, сборовъ 1037 р.; въ резиденціи Мача—6, сборовъ 570 р., на Олекмѣ—6, сборовъ 211 р., въ Якутскѣ—2, сборовъ 247 р.

Кромѣ того, дано во временныхъ театрахъ: въ Якутскѣ 15 сбор. 1800 р.; въ Бодайбѣ 19 сп., сб. 2090 р.; а всего было дано, за время съ 1-го мая по 21-ое сентября, за 4 м. и 20 дней 77 спектаклей, съ которыхъ получено общаго валоваго сбора 6484 руб. Произведено расходовъ:

На устройство театра, декорации, каботажъ, печь и обзаведеніе. . . . . 844 р.

На проѣздъ труппы и подвозъ клади отъ Иркутска до Качуга. . . . . 218 р.

На проѣзды на пароходахъ и обратная дорога командѣ, артистамъ и музыкѣ. . . . . 710 р.

На устройство временныхъ театровъ въ Якутскѣ и на Бодайбѣ . . . . . 330 р.

Двумъ лопманамъ, 8 матросамъ и 2 человѣкамъ прислуга. . . . . 1075 р.

(два лопмана 275 р.; матросы по 70 р. за сплавъ, прислуга по 30 р. въ мѣсяцъ.

Итого. . . . . 3177 р.

Затѣмъ, уплачено музыкантамъ . . . . . 810 р.

Освѣщеніе, афиши, билеты и проч. обошлось въ. . . 512 р.

Перегребщикамъ выдано. . . . . 28 р.

За квартиры для артистовъ . . . . . 172 р.

Выдано артистамъ. . . . . 2245 р.

Содержаніе артистовъ, музыкантовъ, команды и прислуги во время сплава отъ 14 до 27 человѣкъ.	1546 р.
На водку и спиртъ для порцій командъ употреблено	240 р.
За аренду мѣста и берега уплачено	65 р.
Разныхъ расходовъ	312 р.

Всего-же израсходовано . . 9107 р.

Полученъ убытокъ въ 2623 р. Въ возмѣщеніе убытка получено: за доставку 1800 пудовъ муки, за выключеніемъ стоимости второго паузка,—392 р. и прибыли отъ буфета 216 р., всего 608 руб. Такимъ образомъ, чистый убытокъ выразится въ суммѣ 2015 руб.

Второй паузокъ былъ пріобрѣтенъ для устройства жилья для артистовъ во время сплава, грузъ же былъ взятъ вслѣдствіе того, что легкія суда при небольшомъ вѣтрѣ или стоятъ на одномъ мѣстѣ, или же гонятся вверхъ по теченію, что и было съ театромъ на верхнемъ плесѣ Лены, когда я нагромоздилъ на крышу 400 пустыхъ ящиковъ, взятыхъ на доставку до Витима отъ купца Дубникова.

Репертуаръ состоялъ изъ одноактныхъ комедій, водевилей и дивертиссементовъ. Репетировали *на плаву* между остановками. Вообще-же, это путешествіе до Якутска производило впечатлѣніе лѣтней пріятной прогулки.

С. А. Ярославцевъ-Сибирякъ.

Г. Иркутскъ.

Помѣщаемъ эту любопытную замѣтку г. С. А. Ярославцева-Сибиряка, принадлежащаго къ числу давнихъ дѣятелей сценическаго искусства въ Сибири, гдѣ онъ и родился. Отецъ С. А. былъ извѣстный въ свое время антрепренеръ въ Сибири А. Х. Ярославцевъ (настоящая фамилія *Астаповъ*) и подвизался со своими труппами въ Томскѣ, Красноярскѣ и др. сибирскихъ городахъ въ 50-хъ годахъ только что истекшаго столѣтія. Послѣ Астапова остались 3 сына, которые тоже избрали карьеру отца. Одинъ изъ нихъ — Н. А. Корсаковъ — въ настоящее время антрепренеръ Томскаго театра, принадлежащаго наслѣдникамъ коммерціи совѣтника Е. И. Королева и снятаго г. Корсаковымъ на нѣсколько лѣтъ. Въ „Дорожникъ“ за 1899 г. уже былъ помѣщенъ портретъ Н. А. Корсакова, а теперь, въ настоящей книжкѣ, мы даемъ портретъ С. А. Ярославцева-Сибиряка и изображеніе его паузка-театра.

С. А. Ярославцевъ-Сибирякъ за послѣдніе годы подвизается, преимущественно, на дальнихъ окраинахъ Сибири и съ неутомимою энергіей работаетъ въ интересахъ своего любимаго искусства, развивая любовь къ сценическимъ зрѣлищамъ на далекомъ сѣверѣ.

Редак.

II.

Въ Томскѣ въ нынѣшній лѣтній сезонъ даются ежедневно спектакли въ театрѣ И. Г. *Горланова* драматической труппою, сформированною самимъ владѣльцемъ. Ставятся легкія комедія и фарсы. По окончаніи спектаклей выступаютъ хоры пѣвицъ, балалашниковъ, куплетисты. Кромѣ-того, въ театрѣ и въ саду, примыкающемъ къ театру, играетъ весьма удовлетворительный оркестръ подъ управленіемъ талантливаго капельмейстера сибиряка М. И. *Маломета*. Изъ труппы отмѣтимъ г-жъ *Анину*, *Рябинину* и *Брауну* и г.г. *Хохлова* и *Козырева-Сокольскаго*. Иногда исполненіе пьесъ бываетъ живое, бойкое. Устроенъ также лѣтній театръ въ дер. *Заварзиной*, дачной мѣстности, въ 9 вер. отъ Томска. Нынѣшній сезонъ театръ этотъ снятъ артисткой А. *Антоновой*. Ставятся отъ одного до двухъ разъ въ недѣлю комедіи и водевили при участіи трехъ профессиональных артистовъ, самой антрепренерши и любителей и любительницъ. Исполненіе довольно гладкое. Цѣны отъ 1 р. 60 к. до 10 к.

В. Д.

Смѣсь.

Сибирскіе отголоски.

(Сезонъ пожаровъ. Средства борьбы съ ними. Постановка противопожарнаго дѣла въ городахъ. Городскія общественныя управленія и общій обзоръ ихъ дѣятельности. Современное положеніе дѣлъ въ городахъ и кое-что къ вопросу о преобразованіи городскихъ общественныхъ управленій. Земскія установленія и ихъ роль въ Сибири).

Къ народнымъ бѣдствіямъ, лежащимъ тяжелымъ бременемъ на экономическое благосостояніе населенія, какъ-то: неурожаямъ, наводненіямъ, эпизоотіямъ и пр., въ Сибири слѣдуетъ отнести и пожары. Если въ коренной Россіи этотъ ужасный бичъ народного довольства по своимъ послѣдствіямъ, вслѣдствіе иного склада жизни, не такъ чувствителенъ, то этого совсѣмъ нельзя сказать о нашей далекой окраинѣ—Сибири. Здѣсь, въ этой еще неустроенной странѣ, гдѣ, строго говоря, только недавно произошла ломка отжившихъ традицій и разставлены вѣхи новаго соціального строя, гдѣ ни пространства, ни природа еще не побѣждены, пожары являются грозными разрушителями народного довольства и счастья. По волѣ-ли судьбы или человѣческаго равнодушія—но это стихійное бѣдствіе, въ борьбѣ съ которымъ населеніе почти безсильно, носитъ на себѣ оттѣнокъ чего-то неизбежнаго, фатальнаго, и каждый годъ съ наступленіемъ теплыхъ дней—то тамъ, то здѣсь, огненная стихія пожираетъ безъ числа

и мѣры нажитое добро. накопленное нерѣдко слезами и кровавымъ потомъ. Горятъ лѣса, горятъ селенія; наконецъ, горятъ и города. Словомъ, изъ народнаго организма ежегодно высасываются жизненные соки, постепенно разрушается счастье многихъ людей и подтачиваются экономическіе интересы края.

Беремъ на себя смѣлость утверждать, что если-бы какой нибудь статистикъ посчиталъ-бы и привелъ-бы въ извѣстность приносимыя населеніемъ края жертвы всепожирающему пламени, то послѣднія достигли-бы внушительной цифры и, быть можетъ, своею неотразимою и вопіющею правдою разбили-бы ту беспечность, которая царитъ на стогнахъ и торжищахъ необъятнаго края.

Въ настоящее время „сезонъ“ сибирскихъ пожаровъ уже начался. Едва только первые горячіе лучи солнца коснулись сибирскихъ пространствъ, какъ—и телеграфъ, и газеты принесли намъ чуть-ли не цѣлый ворохъ извѣстій о бѣдствіяхъ. Есть, стало быть, надъ чѣмъ призадуматься, въ особенности, если принять во вниманіе, что львиная доля этого сокрушительнаго несчастья падаетъ на трудящіеся классы.

Мы могли-бы для иллюстраціи своей мысли привести здѣсь цѣлый рядъ газетныхъ сообщеній, но это не входитъ въ наши задачи. Наша цѣль совсѣмъ иная. На нашъ взглядъ, если въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ совершается одно и то же, то гораздо интереснѣе обратная сторона дѣла. Интересно знать: „гдѣ зарыта собака“, въ чемъ собственно скрываются причины, способствующія, главнымъ образомъ, народному бѣдствію, а не факты,—въ которыхъ, конечно, никто не сомнѣвается и которыми такъ богата хроника сибирской жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, сибиряки не могутъ сказать, что опытъ предшествующихъ лѣтъ особенно улучшилъ ихъ положеніе. Напротивъ, какъ прежде, такъ и теперь, выгораютъ цѣлыя селенія, а въ городахъ десятки и сотни домовъ и, какъ прежде, такъ и теперь, можно наблюдать то-же безсиліе людей съ разъяренною стихіею. Очевидно, горькій опытъ и жестокіе уроки судьбы не привели къ болѣе дѣйствительнымъ и раціональнымъ организаціямъ самопомощи, или-же противопожарныя улучшенія направлены на ложный путь.

Въ частности относительно лѣсныхъ пожаровъ слѣдуетъ признать, что борьба съ ними—задача далеко нелегкая. Вопросъ этотъ можетъ найти для себя болѣе правильное разрѣшеніе въ руководящихъ сферахъ, такъ какъ цѣлый рядъ причинъ, какъ-то: малочисленность населенія, отсутствіе удобныхъ и быстрыхъ сообщеній, огромныя разстоянія между населенными пунктами и др. въ общемъ представляютъ достаточно преградъ для успѣшной борьбы съ этого рода пожарами. Что-же касается „сибир-

ской деревни“, то громадную услугу ей могли-бы оказать земскія самоуправленія. Но объ этомъ мы будемъ говорить ниже и попутно укажемъ на роль земства въ дѣлѣ помощи сибирскому крестьянству въ борьбѣ съ пожарами.

Перейдемъ теперь къ критической оцѣнкѣ постановки противопожарнаго дѣла въ городахъ. Казалось-бы, что здѣсь какъ въ болѣе или менѣе крупныхъ центрахъ края, гдѣ жизнь хотя и не бьетъ ключемъ, но, все таки, нѣсколько повышена, гдѣ въ сферу общественныхъ интересовъ начинаютъ проникать болѣе свѣтлые идеалы, такой жизненный вопросъ давно долженъ былъ получить надлежащее удовлетвореніе и уступить мѣсто другимъ выдвигаемымъ жизнью вопросамъ, но это—казалось-бы... Въ дѣйствительности, если не считать кой-какихъ копеечныхъ улучшеній, можно утверждать, что „возъ и нынѣ тамъ“. Организациа нашей самопомощи далѣе звонкихъ словъ не ушла и обывателю сибирскихъ городовъ во время пожаровъ при сильномъ вѣтрѣ приходится также дрожать и трепетать, какъ и прежде. Конечно, вся тягость вины обывательскихъ нареканий и упрековъ всецѣло должна быть отнесена къ дѣятельности сибирскихъ общественныхъ управленій. Въ общемъ аккордъ голосовъ лучшихъ людей Сибири давно уже слышится нотка неудовольствія хозяйственною дѣятельностью мѣстныхъ муниципаловъ, заблудившихся, по мѣткому выраженію нѣкоторыхъ, между двумя соснами. Въ самомъ дѣлѣ, ни для кого не секретъ, что рѣдко гдѣ въ Сибири городское хозяйство поставлено болѣе или менѣе удовлетворительно, такъ сказать, правильно функціонируетъ и свободно отъ упрековъ безпристрастнаго наблюдателя. Въ большинствѣ случаевъ—напротивъ, масса пробѣловъ, дефектовъ и задолженность, красно-рѣчиво свидѣтельствуютъ объ упадкѣ городского хозяйства, вызваннаго исключительно косностью и близорукостью общественныхъ дѣятелей, призванныхъ довѣріемъ гражданъ пещись объ общественномъ благѣ. Оглядываясь мысленно назадъ и, сравнивая прошлое съ настоящимъ, нельзя сказать, чтобы узко-сословная группа общественныхъ дѣятелей, выполняя свою культурную миссію, не впадала-бы въ противорѣчія съ переживаемою дѣйствительностью. Живымъ укоромъ разлада съ требованіями жизни, неумѣнія или нежеланія пойти навстрѣчу нуждамъ и потребностямъ времени, является внѣшняя фізіономія сибирскихъ городовъ, оставляющая желать много лучшаго. Достаточно взглянуть на обстановку муниципальнаго хозяйства городовъ Сибири, чтобы составить себѣ болѣе правильное понятіе о характерѣ экономическихъ плановъ „вершителей судебъ“ городскихъ интересовъ, покоющихся въ большинствѣ случаевъ на невозмутимомъ равнодушіи, или-же убѣдиться въ отсутствіи твердо установленныхъ взглядовъ на общественное благо.

Возьмемъ для примѣра постановку противопожарнаго дѣла въ сибирскихъ городахъ. Цѣлый рядъ крупныхъ и мелкихъ пожаровъ, кажется, уже наглядно доказалъ, что имѣющіяся средства для борьбы съ огненною стихіею далеко недостаточны. Организация нашей самопомощи, какъ показала практика, граничитъ съ безсиліемъ. И что-же? Уроки судьбы не могутъ сломить доминирующаго равнодушія. Въ данное время, если не всѣ, то почти всѣ сознаютъ, что, вслѣдствіе преобладанія въ городахъ деревянныхъ построекъ, необходимо осуществить нѣчто капитальное. Необходимо устроить водоснабженіе городовъ, реорганизовать техническій надзоръ за вновь возводимыми постройками, приобрести паровыя машины и издать обязательныя постановленія, преслѣдующія противопожарныя цѣли. Дѣйствительно, не боясь впасть въ ошибку, можно смѣло сказать, что только съ устройствомъ и оборудованіемъ водоснабженія, сибирскіе города выйдутъ изъ того заколдованнаго круга, который въ общемъ создаетъ положеніе Сциллы и Харибды. Но за всѣмъ этимъ слѣдуетъ признать, что въ общественной жизни городовъ водопроводныя сооруженія являются могучимъ рычагомъ въ дѣлѣ улучшенія общежитія и осуществленіе ихъ—неотложная необходимость. Однако, какъ ни заманчивы перспективы такого осуществленія, какъ ни логична подкладка этихъ желаній, все-же еще ни одинъ сибирскій городъ не перешелъ отъ слова къ дѣлу. Правда, этотъ насущнѣйшій вопросъ въ сибирскихъ городахъ поднять и даже въ нѣкоторыхъ—чуть-ли не двадцать лѣтъ тому назадъ, но на этихъ добрыхъ порывахъ, кажется, все дѣло и остановилось. Исключеніе, пожалуй, составляетъ лишь городъ Томскъ, гдѣ, какъ извѣстно, дѣло стоитъ только за контрагентами.

Гдѣ-же скрыта причина такой неподвижности и инертности? Отвѣтить на это не трудно. Отсутствіе системы и экономическихъ расчетовъ въ дѣлѣ веденія городского хозяйства, нераціональная эксплуатація статей городскихъ доходовъ, индифферентное отношеніе къ назрѣвшимъ вопросамъ, санитарные дефекты и пр.—все это подчеркиваетъ и видвигаетъ болѣе сложный и капитальный вопросъ о необходимости преобразованія городскихъ общественныхъ управленій—и въ этомъ, какъ въ оптическомъ фокусѣ, заключена причина всѣхъ неурядицъ и хаотическихъ положеній городскихъ хозяйствъ. Какъ извѣстно, нѣсколько времени назадъ былъ поднятъ вопросъ о передачѣ квартирнаго налога городамъ и вмѣстѣ съ этимъ принципиально признавалось желательнымъ допустить плательщиковъ налога къ участию въ городскихъ дѣлахъ. По этому поводу въ печати было высказано много теплыхъ словъ и свѣтлыхъ надеждъ, но они, повидимому, разбились о суровую дѣйствительность и испарились въ пространство.

Вмѣсто радужныхъ упованій—въ результатѣ *status quo*. А между тѣмъ—время диктуетъ свои условія и мы не должны закрывать глаза, удаляясь въ область надеждъ и упованій, предъ дѣйствительностью. Кажется, такой неудачный и продолжительный опытъ, замѣтнымъ изъяномъ отразившійся на муниципальномъ дѣлѣ, долженъ примирить мнѣнія на томъ, что дальше оставаться равнодушнымъ къ этому вопросу не представляется возможнымъ, такъ какъ, несомнѣнно, Титъ Титычи, разные Митричи, да Оома съ Фокою, взбороздятъ такъ муниципальный огородъ, что придется призывать „варяговъ“ въ лицѣ временной администраціи...

Съ другой стороны, слѣдуетъ имѣть въ виду и то, что при благопріятныхъ условіяхъ, конечно, со временемъ многіе общественные вопросы, противорѣчащіе сейчасъ экономической дѣйствительности, примутъ форму нѣсколько стройныхъ системъ и будутъ втиснуты въ колесо исторіи, но развѣ то время, которое уйдетъ на процессъ смѣны отжившаго, нельзя будетъ поставить въ пассивъ общественной жизни? Разумѣется—да. И отъ такой неблагопріятной перспективы естественный выходъ только одинъ—допущеніе образованнаго элемента въ сферу замкнутой группы городскихъ дѣятелей, чающихъ спокойствія, а не активной, смѣлой и твердой работы.

Для Сибири вопросъ о преобразованіи городскихъ общественныхъ управленій въ данное время пріобрѣтаетъ особое значеніе. Мы присутствуемъ на рубежѣ чрезвычайно важныхъ моментовъ хозяйственныхъ плановъ городовъ. Сибирскіе города, выражаясь фигурально, собираются „перейти рубиконъ“. Почти во всѣхъ крупныхъ центрахъ края выдвинуты на очередь весьма капитальные вопросы какъ-то: сооруженіе водоснабженія, устройство электрическаго освѣщенія, боенъ, мостовыхъ, устройство „конки“, постройка казармъ и пр. Естественно, что правильное разрѣшеніе перечисленныхъ вопросовъ, выгодная разработка концессій и другія детали потребуютъ знаній, опыта, смѣлыхъ и широкихъ взглядовъ на положеніе вещей. т. е. въ сущности то, чего не достаетъ современнымъ городскимъ управленіямъ. Можно-ли при такихъ условіяхъ ручаться, что не будетъ допущено крупныхъ ошибокъ, быть можетъ, даже трудно поправимыхъ? Конечно—нѣтъ.

Что-бы ни говорили скептики и разные квасные патріоты, съ какою-бы они аргументаціею не возставали противъ новой идеи преобразованія городскихъ общественныхъ управленій, все-же истина останется истиною. Зачѣмъ же, спрашивается, остановка? Къ чему тормозить и задерживать то, что подсказала жизнь, что явилось прямымъ слѣдствіемъ цѣлаго ряда побѣдъ духа времени надъ устарѣвшими идеалами? Отвѣтъ на это—дастъ время, а пока замѣтное отсутствіе среди городскихъ дѣятелей людей съ широкимъ запасомъ знаній, опыта и энергіи будетъ задерживать прогрессивное преуспѣяніе городскихъ хозяйствъ въ ущербъ государственнымъ и общественнымъ интересамъ.

Аналогичный примѣръ отсталости и неустройства мы видимъ въ тѣхъ губерніяхъ Имперіи, гдѣ еще не введены земскія установленія, эти наилучшіе и вполне жизненные помощники правительственной власти. Въ Сибири земство, не касаясь другихъ соціальныхъ и экономическихъ вопросовъ, могло-бы урегулировать и придать болѣе широкой и безусловный характеръ одному изъ важныхъ государственныхъ вопросовъ,—переселенческому движенію. Ни для кого не тайна, что та сѣрая масса, которая съ вопросомъ на устахъ: „гдѣ лучше“?, бѣжитъ съ насиженныхъ мѣстъ въ далекую невѣдомую ей Сибирь, переживаетъ здѣсь часто массу лишеній и нерѣдко съ чувствомъ горькаго разочарованія, въ конецъ разорившись, возвращается обратно. И удивительное дѣло—цѣлый рядъ предпринятыхъ мѣръ, съ цѣлью урегулировать движеніе, являются какъ-бы недѣйствительными. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ накопившаяся за послѣднее время литература о переселенческомъ движеніи. Въ виду этого невольно напрашиваются вопросы иного свойства. Въ самомъ дѣлѣ,—въ чемъ кроется причина столь грустнаго явленія? По мнѣнію

статсъ-секретаря А. Куломзина, достигнуть болѣе существенныхъ результатовъ въ переселенческомъ движеніи можно не иначе, какъ урегулированіемъ быта нашей деревни, помощью крестьянамъ въ расселеніи въ предѣлахъ ихъ надѣловъ, поднятіемъ ихъ сельско-хозяйственной умѣлости, развитіемъ травосѣянія и прочими мѣрами.

Способы эти хороши и дѣйствительны, но—кто-же, какъ не земство, этотъ ближайшій „опекунъ“ крестьянскихъ интересовъ, можетъ вдохнуть лучшую жизнь въ это историческое дѣло, организація котораго сейчасъ, повидимому, направлена по ложному пути. Говоримъ такъ, потому что иначе трудно себѣ объяснить, какими обстоятельствами сгущаются такъ мрачно краски обстановки новоселовъ, представляющей изъ себя—„горя рѣченьку бездонную“.

Въ самомъ дѣлѣ—переселенецъ, привыкшій на родинѣ къ такой опекѣ, какъ земство, которое, улучшая его бытъ, давало ему всѣ средства къ раціональному веденію хозяйства и которое прибѣгало къ нему на помощь во всѣхъ случаяхъ, въ Сибири поступаетъ подъ покровительство губернской и уѣздной администраціи, прямыя обязанности которой обращены совсѣмъ на другую область государственнаго строя, вслѣдствіе чего она не имѣетъ возможности обращать особенное вниманіе на бытъ сельскаго населенія. И переселенецъ, на новой землѣ, въ новой обстановкѣ невѣдомаго ему края, теряется, ищетъ помощи со стороны и, конечно, не находитъ. Очевидно, жизненные интересы переселенца слѣдовало-бы направить такъ, чтобы все облегчало трудъ его первыхъ шаговъ и способствовало его экономическимъ успѣхамъ. Вообще, въ Сибири и коренное сибирское населеніе и пришлый элементъ, кромѣ земли и незначительной помощи, ничего не имѣютъ. Мы говоримъ въ смыслѣ тѣхъ воздѣйствій, которыя своимъ обаяніемъ и полезнымъ благотворнымъ вліяніемъ оказываютъ земства. Почему-то утверждаютъ, что вопросъ о введеніи земства въ Сибири преждевремененъ. Правда, сторонниковъ этого мнѣнія мало, тѣмъ не менѣе—это просто ошибка въ оцѣнкѣ тѣхъ событій, которыя наполняютъ жизнь Сибири. Наоборотъ, земство въ Сибири болѣе, чѣмъ необходимо, и вотъ почему: сибирскій крестьянинъ по своему умственному складу стоитъ не ниже „россійскаго“, если только не выше. Затѣмъ, крестьянское населеніе въ Сибири, принимая въ свои ряды съ каждымъ годомъ все новые и новые элементы земледѣльческаго класса, привыкшаго къ земской „опекѣ“, перенимаетъ отъ нихъ „ихъ культуру“ и, въ свою очередь, передаетъ имъ мѣстные обычаи и привычки, что на почвѣ взаимныхъ общеній и разныхъ интересовъ создаетъ нѣкоторую неудовлетворенность. Кромѣ того, за отсутствіемъ къ народу близкой авторитетной и заботливой власти задерживается

успѣхъ сельскаго хозяйства, вслѣдствіе чего итоги хозяйства на половину меньше того, чѣмъ должны были-бы выразиться при наличности всѣхъ факторовъ земскихъ учрежденій. Наконецъ, земство, какъ ближайшій участникъ въ интересахъ крестьянства, могло-бы съ меньшими расходами выполнить задачу надѣловъ земель и урегулировать переселенческое движеніе и своей энергіею и трудомъ расширить это историческое движеніе на сѣверъ. Однако, помимо этихъ данныхъ и сама жизнь въ Сибири требуетъ сгруппировки въ самостоятельныя земскія единицы, съ цѣлю развитія началъ самоуправленія, свободы дѣйствій и широкой инициативы. Это подтверждается послѣдними реформами правительства,—какъ-то: новое положеніе о порядкѣ опредѣленія земельныхъ надѣловъ и производства поземельно-устроительныхъ работъ, объ отводѣ лѣсныхъ надѣловъ, опредѣленіе лѣсного налога и пользованіе лѣсомъ въ Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губ., усиленіе штатовъ медицины, упраздненіе института чиновниковъ по крестьянскимъ дѣламъ и учрежденіе института крестьянскихъ начальниковъ, функціи которыхъ тождественны съ функціями земскихъ начальниковъ; земскіе засѣдатели переименованы въ станovýchъ приставовъ, окружныя учрежденія переименованы въ уѣздныя и округа—въ уѣзды и, наконецъ, подушная подать замѣнена оброчнымъ и земельнымъ обложеніемъ. Эти реформы вполне указываютъ, что для Сибири наступила новая эра и она близка уже къ полному объединенію въ отношеніи государственнаго общежитія съ Европ. Россіей. Не достаетъ только, какъ видите, объединительной силы—земства.

Не говоря о необходимости введенія земскихъ самоуправленій, мы полагаемъ, что въ Сибири оно должно принять новыя, болѣе жизненныя формы, не тормозящія стремленій крестьянъ къ индивидуальному хозяйству и творчеству, а напротивъ этому способствующія. Опытъ введенія земства въ Пермской губ. наглядно показалъ, что оно можетъ существовать и функционировать тамъ, а потому думается нѣтъ какихъ-либо существенныхъ преградъ и для Сибири, которая находится съ ней почти въ одинаковыхъ условіяхъ.

Справедливость, однако, требуетъ сказать, что продуктивность земскихъ установленій въ Сибири всецѣло будетъ зависеть отъ того, какой характеръ будетъ приданъ этимъ учрежденіямъ. Важно, чтобы здѣсь на далекой окраинѣ, гдѣ, несомнѣнно, земскимъ дѣтелямъ предстоитъ обширная и тяжелая работа, дѣятельность ихъ не была-бы втиснута въ бюрократическія рамки и была-бы свободна отъ рутины, часто самое живое дѣло превращающей въ мертвыя начинанія. Въ Сибири земскія самоуправленія, улучшая бытъ крестьянскаго населенія, могли-бы оказать крестьянамъ различными мѣропріятіями значительную помощь и въ пожарномъ отношеніи. Какимъ образомъ—это подскажутъ обстоятельства, но что всего важнѣе, такъ это—осуществленіе тѣхъ мѣръ въ дѣлѣ упорядоченія переселенческаго движенія, которыя выдвинулъ извѣстный государственный дѣтель статсъ-секретарь А. Н. Куломзинъ.

Не слѣдуетъ забывать, что съ точки зрѣнія политической, когда соприкающіяся съ нашими владѣніями восточныя государства начинаютъ выходить изъ своего вѣковаго застоя, колонизація востока, уплотненіе тамъ русскаго элемента, является воп-

росомъ крайней важности. Эти соображенія должны дать широкій просторъ приливу земледѣльческаго класса въ Сибирь, а параллельно съ этимъ вызвать со стороны правительства всѣ заботы о томъ, чтобы новый элементъ, переселяясь въ новый край, могъ жить тою же жизнью, къ какой онъ привыкъ на родинѣ. Отсюда ясно, что для болѣе правильнаго разрѣшенія этого вопроса государственная власть должна призвать себѣ на помощь земскія самоуправленія. Для опыта земскія учрежденія первоначально слѣдовало бы ввести въ болѣе культурной полосѣ края, а именно: въ Тобольской, Томской, Иркутской и Енисейской губ., а затѣмъ— перейти и на другія области обширнаго Сибирскаго края.

Гвидонъ.

Библиографія.

I.

Адресъ-Календарь Тобольской губерніи на 1901 годъ.—Изданіе губернскаго статистическаго комитета. Годъ второй. Тобольскъ, губернская типографія, 1900 г. LII+52+28+96 ст. (кроме объявленій).

Вышеназванное изданіе Тобольскаго губернскаго статистическаго комитета заслуживаетъ полнаго вниманія. Адресъ-календарь Тобольской губерніи отличается полнотой свѣдѣній, давая много матеріала какъ касающагося собственно Тобольской губерніи, такъ и имѣющаго общій характеръ. Въ него вошли слѣдующіе отдѣлы: мѣсяцесловъ, маршруты Тобол. губ. (почтовые и земскіе тракты, желѣзн. дороги, пароходн. сообщенія), географическія, статистическія и проч. свѣдѣнія о Тоб. губ. (занимаютъ 52 стран. убористой печати), почта и телеграфъ, тарифы на желѣз. дорогахъ, извлеченія изъ новаго гербов. устава, о промысловомъ налогѣ, объ операціяхъ въ банкахъ, вообще, и сельскихъ банковъ въ Тобол. губ., свѣдѣнія о порядкѣ отбыванія воинской повинности, объ отмѣнѣ ссылки; затѣмъ—идетъ подробный адресъ-календарь обо всѣхъ лицахъ, состоящихъ на госуд. и обществ. службѣ въ Тоб. губ., при чемъ въ концѣ приложенъ алфавитной указатель къ адресъ-календарю. Вообще, видно, что разбираемая нами книга составлена опытнымъ и знающимъ лицомъ и удовлетворяетъ вполне своему назначенію. Покрайней-мѣрѣ, для жителя Тобольск. губ. она должна быть настольной книгой. Цѣна назначена за нея, тоже, умѣренная—75 к.

Вл. Д.—овъ

С. А. Ярославцевъ-Сибирякъ.

(Serge Alexandre Iaroslavtzev-Sibiriak, artiste dramatique et entrepreneur du théâtre en Sibérie).

Плавучій театръ С. А. Ярославцева-Сибиряка на р. Ленѣ.

(Théâtre flottant sur le fleuve de la Léna, appartenant à M-r S. A. Iaroslavtzev-Sibiriak).

II.

И. И. Гойеръ. — Путеводитель по Туркестану. — Изд. I (Перепечатка воспрещается). Изданіе В. М. Ильина. Ташкентъ. Типо-литографія В. М. Ильина. 1901 г. 255 стр. въ 1/8 д. л. Ц. 1 р. 50 к. (безъ пересылки). Съ портретомъ и двумя картами.

„Путеводитель по Туркестану“ составленъ весьма обстоятельно и толково. Въ немъ помѣщены: 1) общій обзоръ Турк. края, 2) описаніе Закаспійской обл., 3) Бухарскаго ханства, 4) Самаркандской обл., 5) Сыръ-Дарьинской и 6) Ферганской области. Кромѣ-того, къ „Путеводителю“ приложенъ портретъ, покойнаго нынѣ, бывшаго туркестан. генераль-губернатора Конст. Петр. фонъ-Кауфмана и планъ русской части Ташкента и карта Туркест. края (масштабъ 200 в. въ дюймѣ).

Въ общемъ обзорѣ Турк. края въ „Пут.“ мы находимъ не мало интересныхъ свѣдѣній о туземныхъ народностяхъ (ихъ бытъ, занятіяхъ, религіи и т. п.), объ организаціи судебной части среди мусульманъ, о мусульманскомъ духовенствѣ, о бухарскихъ евреяхъ и проч. Любопытно, напр., то, что евреи, обитающіе въ Бухарѣ, есть потомки тѣхъ плѣнниковъ, которыхъ уводили съ собою ассирійскіе и персидскіе завоеватели послѣ войнъ съ израильскимъ и іудейскимъ царствами. Евреи тамъ, — какъ объясняетъ составитель „Пут.“, — „не пользовались любовью мѣстныхъ исламистовъ, и ихъ съ трудомъ терпѣли магометане и если позволяли имъ жить въ своихъ городахъ, то при условіи, чтобы ихъ дома сосредоточивались въ особыхъ кварталахъ, чтобы сами они носили одежду, отличающуюся отъ одежды сартовъ. Правъ гражданскихъ они почти не имѣли“; но — продолжаетъ г. Гойеръ, — „однако, живучій духъ предприимчивости этой націи, все-таки, помогаль имъ переносить всѣ эти притѣсненія и они съ успѣхомъ занимались торговлею. При такихъ условіяхъ жизни евреи — были одними изъ искреннихъ сторонниковъ завоеванія края русскими и теперь положеніе ихъ измѣнилось къ лучшему. Они значительно расширили свои торговые обороты и держатъ въ рукахъ мануфактурный рынокъ края“. Вообще, русское владычество въ Туркест. краѣ внесло въ тамошнюю жизнь гуманитарный духъ — смягчило нравы, сгладило рѣзкость въ обычаяхъ, ослабило силу нѣкоторыхъ предрассудковъ. Такъ, у киргизовъ имѣется свое дворянство — *бѣлая кость* (акъ-суякъ), — это потомство хановъ; до завоеванія края нами женщина бѣлой кости, вступавшая въ бракъ съ мужчиной *черной кости* (простолудиномъ), подвергалась проклятію. Теперь уже не то: русскій законъ сгладилъ разницу между людьми бѣлой и черной кости — и браки между ними совершаются сплошь и рядомъ...

Но—отсылаемъ читателей къ самому „Пут. по Тур.», гдѣ они найдутъ не мало любопытныхъ свѣдѣній...

Напечатанъ „Пут.“ очень опрятно,—замѣтимъ только, что цѣна его, по нашему мнѣнію, нѣсколько высока. Достаточно было-бы опредѣлить ее въ 1 р. 25 к. безъ пересылки.

Вс. Д—овъ.

Вышла МАЙСКАЯ (пятая) книга ежемѣсячнаго литературно-политическаго журнала

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

СОДЕРЖАНІЕ:

I) Жестокіе. Ром. въ двухъ частяхъ.—П. Д. Боборыкина (продолженіе). II) Зависть. Разсказъ—Эрнеста фонъ-Вильденбруха. (Пер. съ нѣм.) Макса Ли. III) Повезло.—Евгеніи Ловецкой. IV) Стихотвореніе—В. Мировичъ. V) Добрый. (Разсказъ матроса. Изъ дальняго прошлаго)—К. М. Станюковича. VI) Штернштейнгофъ. Дерев. повѣсть. Людзиса Анценірубера. Пер. съ нѣм.—Л. И. К—нъ. VII) Стихотвореніе.—В. Полтавцева. VIII) Къ университетскому вопросу —К. П. IX) Изъ дневника стараго критика.—А. М. Скабичевскаго. X) Во что обходится вооруженный миръ и какими средствами можно его прекратить.—В. Л. Бинштока. XI) Біологическія воззрѣнія и вопросы жизни. Школа XIX вѣка.—Владимира Вагнера. XII) Поденная плата пѣшимъ рабочимъ въ сельскомъ хозяйствѣ Европейскій Россіи. А. Н. Челинцева. XIII) Письма о западѣ. (Письмо второе).—П. С. Колана. XIV) Земство и крестьянское хозяйство.—2. Борьба земства съ малоземельемъ.—Л. С. Зака. XV) За пиренеями. (Путевыя впечатлѣнія).—И. М. Головачева. XVI) Оперныя происшествія на трагическихъ зрѣлищахъ.—Ив. Иванова. XVII) Внутреннее обозрѣніе. XVIII) Иностранное обозр.—В. А. Г. XIX) Библіографич. отдѣлъ. XX) Объявленія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ.

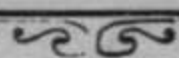
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи 12 м. 12 р., 9 м.—9 р., 6 м.—6 р., 3 м.—3 р., 1 м.—1 р. За границу 12 м.—14 руб., 9 м.—10 р. 50 к., 6 м.—7 р., 3 м.—3 р. 50 к., 1 м.—1 р. 25 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ, 1-го Апрѣля, 1-го Іюля, 1-го Октября по 3 руб. при непосредственномъ обращеніи въ Контору или ея отдѣленія. Цѣна отдѣльнаго номера съ перес. 1 р. 30 к. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 к. съ полнаго годового экземпляра. Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцевъ не принимается. Подписка принимается: въ Москвѣ, въ к-рѣ журнала Шереметевскій пер., д. гр. Шереметева, кв. 30; въ Спб. въ кн. маг. Н. П. Карбасникова; въ Кіевѣ, въ кн. маг. Н. Я. Оглоблина; въ Варшавѣ, въ кн. маг. Н. П. Карбасникова; въ Вильнѣ, въ кн. маг. Н. П. Карбасникова.

При редакціи находится магазинъ русск. и иностр. книгъ. (Уг. Б. Никитской ул. и Леонтьевского пер., д. Халатова) съ приѣмомъ подписки на всѣ журналы, газеты и словари Брокгауза и Граната. Кн. маг. принимаетъ на комиссію постор. изданія и высылаетъ по первому требованію всѣ существующія въ продажѣ книги и ноты, принимаетъ на себя составленіе народн. и другихъ библіотекъ на какія угодно суммы, даетъ справки по открытію библіотекъ и складовъ для продажи книгъ.

Редакторъ-Издатель В. М. Лавровъ.

L'OBSERVATEUR

SIBERIEN.

(DOUZE FOIS PAR AN).

№ 6.

TOMSK.

Typo-Lithographie P. J. Makouschine.

1901.

COMMUNICATIONS PAR EAU DE LA SIBÉRIE.

(Suite — Voir les livres I—V de l'année courant).

On attrape aussi le poisson au moyen de petits filets, alors que la glace fond et le poisson est au dessus de l'eau.

Près de Demianskoé, on commence à rencontrer sur les bords, des ostiaques. C'est un malheureux peuple qui se meint, et qui doit sa fin prochaine aux russes, qui ont apporté aux ostiaques en même temps que leur civilisation, l'eau de vie, poison mortel qui a perdu déjà plus d'une tribu indigène. Il ne sera pas non plus superflu de mettre les voyageurs en garde contre le sifilis, dont sont infestés presque tous les ostiaques. Leurs occupations se bornent à la chasse et à la pêche. Les chasseurs preuvent des zibelines et des renards gris et bleus, des ours, des gloutons, des renards blancs, des rennes, des martres, des hermines, des écureuils et des écureuils striés. Les moyens employés pour la chasse chez les ostiaques, sont des plus primitifs. Le butin se vend à bas prix aux russes qui achètent en gros, et ici aussi, l'eau de vie joue un grand rôle.

Les ostiaques Siberiens, par leur nationalité appartiennent à la tribu finoise, ils peuplent le pays de Narime dans le gouvernement de Tomsk, et certaines localités de ceux de Tobolsk et d'Iénisséïsk. On en compte en tout présentement, environ 25 mille âmes des deux sexes. Ils se nomment eux—mêmes, ou bien *as-ïak*, ce qui traduit en langue russe veut dire habitant des bords de l'Obi, ou bien *manzami*, ce qui veut dire *homme*. La plupart habitent le gouvernement de Tobolsk. Il faut les diviser géographiquement en ceux du nord habitant au delà de Berezoff, ville du gouvernement de Tobolsk, et ceux du sud. Ces derniers diffèrent un peu des premiers, vu qu'ils se sont mêlés avec des tatares et des russes. Les ostiaques ont été autrefois un peuple indépendant, et probablement assez nombreux, vu qu'ils se nommaient aussi *ariaki*, ce qui veut dire beaucoup d'hommes. Mais encore antérieurement à la conquête de la Sibérie par Ermak, les ostiaques tombèrent sous la domination des tatares, cependant encore bien longtemps après, ils étaient gouvernés pres-

que indépendamment par leurs petits princes. Les princes ostiaques, Taïchine d'Obdorsk et l'autre nommé Artanzieff, étaient reconnus princes par notre gouvernement, par des édits de l'Impératrice Catherine II, et encore auparavant par ceux des empereurs Boris Godounoff, Basile Chouisky, et Théodor Aleksiéwitsch Romanoff. Les ostiaques sont de petite taille, ils ont la tête grande les yeux étroits, et pour la plupart noirs, le front bas, les pommettes saillantes, les lèvres épaisses, le nez aplati. Les femmes sont laides, et se distinguent peu des hommes par le type. Ils sont excessivement malpropres. Mais d'un autre côté c'est un peuple bon et confiant, digne d'un meilleur sort. Présentement la plus grande partie des ostiaques sont chrétiens, quoique beaucoup le soient seulement de nom, car jusqu'à présent ils s'entretiennent au chamanisme, et remplissent ses cérémonies. Cette croyance païenne n'a pas de dogmes précis. Les dieux principaux des chamanistes sont, Noume Touroume ou Torime, le maître de l'univers et Chobaki-Objari-Oup. Des dieux inférieurs sont soumis aux supérieurs. Les inférieurs se divisent en bons et mauvais. On fait des idoles les représentant, de bois, de cuivre et même d'or. Ainsi d'après le témoignage de I. Zawalichine, il y avait une idole appelée l'homme d'or. Elle était assise dans un bassin dans lequel on versait de l'eau et on la buvait, avec la conviction que cette boisson éloignait les calamités. Les ostiaques et les tOUNGOUZES, pour se rendre les idoles favorables, leur enduisent les lèvres de graisse de poisson ou de sang, ou bien suspendent sur elles toute sorte d'ornements fort primitifs.

A 40 verstes de Samarowo, l'Irtiche se jette dans l'Obi fleuve géant de la Sibérie, l'un des plus grands de l'univers. La ligne entre l'Obi et l'Irtiche, se dessine assez nettement. En approchant du point de jonction l'eau de l'Obi semble bleuâtre et plus transparente, tandis que celle de l'Irtiche, prend une teinte trouble.

Sourgoute, ville de district du gouvernement de Tobolsk, se trouve située sur la rive droite de l'Obi, à 1½ v. de la rivière, près de son affluent, la Bordaquowka. Il n'y a pas de port en ville, vu que les bateaux à vapeur n'en peuvent approcher que lors des grandes eaux. Voilà pourquoi le port se trouve plus bas que Sourgoute, à 5 ou 6 verstes, sur l'Obi, dans une localité connue sous le nom Biélii Iar. Ce n'est que depuis 1868 que

Sourgoute est devenu définitivement ville de district, quoique sa fondation date du XVIe siècle. Auparavant il y avait une forteresse à l'emplacement où se trouve maintenant la ville; cette forteresse appartenait au prince ostiaque Bardaque ou Pardaque, qui fut vaincu en 1595 par le voyevode Théodore Bariatinsky sous l'empereur Théodor Iohannowitsch. Après la prise de la forteresse, le vainqueur construisit et fonda une ville, laquelle, à cause de sa proximité de l'affluent de l'Obi, reçut le nom de Sourgoute. Cette ville devint bientôt un fort de cosaques, et aussi un point de départ pour leurs conquêtes suivantes. C'est de là que partaient de temps en temps des cosaques déprédateurs, se dirigeant vers le nord jusqu'à l'Océan glacial, et soumettant toutes les tribus ostiaques et samoïèdes, qui dès lors leur payèrent des tributs.

De cette manière Sourgoute joue un rôle très important dans la conquête de la Sibérie par les russes. cependant par elle-même, elle n'a de nos jours rien de remarquable et n'a été élevée au rang de ville de district que par suite de la nécessité d'avoir un point administratif quelconque sur l'immense étendue de la région nord-ouest du gouvernement de Tobolsk. Sourgoute est situé dans une localité élevée, et un peu montagneuse. Le terrain est sablonneux voilà pourquoi en été il n'y a pas de boue; les rues ne sont jamais réparées et l'herbe y pousse pendant l'été. D'après le recensement, il y a 1120 habitants (545 h. et 575 f.) et jusqu'à 190 maisons. Les habitants s'occupent essentiellement de la pêche. Depuis le 23 décembre jusqu'au 15 janvier il s'y tient une foire. Le commerce le plus important est celui de poisson et de fourrures. Il s'y trouve une église en bois et une en pierre, cathédrale dédié à la Ste Trinité, deux écoles, une pour garçons et une pour filles, un hôpital, deux médecins, un pour la ville et un pour le district, deux aides-chirurgiens et une sage-femme. Il y a un bureau de poste, et un tribunal administratif de district. Il n'y a ni hôtels ni auberges. Les voyageurs descendent chez ceux qui veulent bien les recevoir.

Le district de Sourgoute comprend un espace immense, environ 8000 milles carrés. Il touche à la province de Narime et au gouvernement de Iénissiéisk et présente des forêts presque ininterrompues coupées dans le sens est—ouest par le fleuve Obi. Il n'y a en tout d'habitants sur une telle étendue, que 7025 (3460 h. et 3565 f.). Sous le rapport administratif il se divise en 6 baillages. Il y a six endroits peuplés de russes, et 165

peuplés d'indigènes (ostiaques et samoïèdes). Les habitants s'occupent principalement de la chasse des bêtes à fourrures. La récolte des noisettes de cèdre est aussi un des grands moyens d'existence de la population. Le prix des noisettes de cèdre, à partir de 1 rouble arrive jusqu'à deux et plus dans les mauvaises années.

Le bourg de **Timskoé**, port suivant Biélii-Iar, et premier endroit du gouvernement de Tomsk, situé sur l'Obi. Il possède une église de bois, jusqu'à 60 habitants et 20 maisons. Ici, le bord monotone de l'Obi est plus élevé et prend un aspect plus affable. Le bourg entier est entouré de forêts de cèdres et de pins, et semble se perdre dans la verdure. Il est traversé par la rivière Tyme qui est un affluent de l'Obi du côté droit, et qui s'en va plus loin dans la plaine marécageuse appelée Toundra, et couverte de forêts compactes.

Narime, ville sans district du gouvernement de Tomsk. Sous le rapport judiciaire, elle dépend des tribunaux de Tomsk et du juge de paix, qui réside dans le bourg de Bogorodsk à plus de 500 v. de Narime. Cette ville est située sur le bord droit de la rivière Kéti, à 2 verstes du bord de l'Obi. La localité est basse, marécageuse et sujette aux inondations, voilà pourquoi elle a reçu le nom de Narime, ce qui en ostiaque veut dire marais. Narime est baigné de deux côtés: du côté méridional par la rivière Narinka, qui se jette dans le fleuve Obi, et du côté occidental par l'Obi. Outre cela, deux affluents, le Bezimiani et le Paloï la partagent en deux parties, portant le nom de *Kamtschatka* et de *Zapoloïna*. Pendant les grandes eaux printanières, la ville est inondée et la communication n'a lieu qu'en bateau. Auparavant la ville était munie de canaux qui se dirigeaient vers les rivières Narime, Bezimiani et Paloï, mais à présent, ces canaux sont abstrués. Narime fut fondé en qualité de forteresse, en 1596, pour tenir dans la dépendance les tribus environnantes ostiaques et samoïèdes. Tout d'abord elle était entourée d'une palissade et dépendait des voyevodes de Tobolsk et de Sourgoute. En 1708, la ville fut annexée au gouvernement de Sibérie, en 1726 à celui de Iénissiéisk; en 1782, elle devint ville de district de la province de Tobolsk, et en 1822 elle redevint ville sans district. D'après le recensement, il y a 1129 habitants, 580 h. et 549 f. Il y a environ 170 maisons. Les habitants s'occupent de l'agriculture, de la pêche, de la chasse et de la récolte des noisettes de cèdre. Lorsque l'année est bonne, la pêche donne jusqu'à 60000 r., les fourrures jusqu'à 30,000 r. On récolte des noisettes jusqu'à 5000

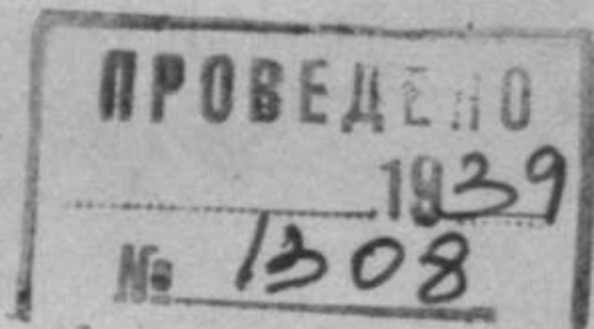

pouids. Ce sont surtout les indigènes qui s'occupent de la chasse. A Narime il y a une école, où on a ouvert une bibliothèque gratuite en mémoire du couronnement de Leurs Majestés Impériales, un hôpital possédant une pharmacie, un trésor local, un médecin et un aide—chirurgien. Il n'y a cependant à Narime ni hôtels ni auberges. Il y a plusieurs magasins de différentes marchandises. Nous mentionnerons parmi eux K. S. Prianischnikoff qui vend des épices de la farine, des étoffes et diverses autres articles. Il possède aussi de grands attirails de pêche sur le fleuve Obi. Puis I. A. Schtschépételnikoff qui outre ces articles fait aussi le commerce de vins russes et étrangers. Il a des magasins en ville et au port des bateaux à vapeur, à 1¹/₂ v. de la ville. Il y a aussi les marchands Rodikoff, etc. La poste pendant la navigation, arrive de Tomsk une fois par semaine et en hiver toutes les deux semaines.

La province de Narime comprend une place immense, jusqu'à 186000 de verstes carrées. La plupart des habitants sont des indigènes qui forment jusqu'à 14 baillages indigènes. Il y en a deux chrétiens, celui de Ketsk et celui de Parabelsk. La province de Narime abonde en eaux, rivières et lacs, et en poissons dont la pêche constitue la principale industrie des habitants, avec la chasse et la récolte des noisettes. Là où il n'y a pas de lacs et de rivières, s'étendent des forêts impénétrables qui couvrent quelquefois d'immenses marais. Il y a là beaucoup d'endroits où aucun homme n'a jamais mis le pied. Dans les forêts vivait des troupeaux de cerfs et d'élan, d'ours, de gloutons et de lynx.

Kolpaschewo. Dernier port sur le chemin de Tomsk, il y a environ 125 maisons et des habitants jusqu'à 450. Il y a une église russe et une école de village depuis 1884. Le bourg est situé sur un bord élevé de l'Obi. On est frappé là par l'aisance apparente des habitants. Il n'y a presque pas de misérables cabanes comme on en voit tout dans les villages du gouvernement de Tobolsk. Les maisons sont en belles poutres épaisses, ayant de 4 à 6 pièces.

(A continuer.)

L'OBSERVATEUR SIBÉRIEN.

(Ancien Itinéraire à travers la Sibérie et la Russie d'Asie).

Entrant dans la 3-e année de son existence, va paraître en l'année 1901 illustré comme auparavant, en langues russe et française, en livres de 72 à 100 pages d'1/2 de feuille chacune au lieu de six, douze fois par an.

D'APRES LE PROGRAMME SUIVANT NOUVELLEMENT SANCTIONNÉ ET AUGMENTÉ:

1) Description des voies de communication conduisant en Sibérie et les territoires russes de l'Asie, ainsi que de celles existant dans ces localités et les Etats qui y touchent. 2) Description des villes et des bourgs. Renseignements sur l'administration de la justice et l'ordre judiciaire. Sources minérales. Renseignements sur les théâtres, sur les sociétés érudites, celles de bienfaisance et autres. 3) Renseignements succincts descriptifs et servant de guide, en langue française. 4) Vues de localités remarquables, de villes, portraits des souverains et autres personnages distingués. 5) Variétés. 6) Récits, anecdotes, poésies. 7) Renseignements portant un caractère bibliographique sur les livres nouvellement parus, particulièrement sur ceux qui ont rapport à la Sibérie et la Russie d'Asie. 8) Annonces.

De son côté la Rédaction fera tout son possible pour que l'édition remplisse son but et donne aux personnes désirant faire connaissance avec la Sibérie et la Russie d'Asie, tous les renseignements indispensables sous le rapport historique, géographique, ethnographique et statistique et de plus des articles littéraires propres à la lecture. Bien des collaborateurs des gazettes locales, et autres personnes prendront part au travail de la rédaction.

Prix pour une année 4 roubles, pour 1/2 année 2 r. 50 cop. frais de post y compris. Pour l'étranger, le prix de l'Itinéraire est augmenté de 3 r. Dans la vente en détail, le prix d'un livre est de 40 k. Pour être expédié en Russie, 50 et à l'étranger, 60. Les personnes désirant qu'il soit fait mention de leurs ouvrages et leurs publications, sont priées d'envoyer un exemplaire à la Rédaction.

Prix des annonces: une page 15 r., 1/2 10 r., 1/4 6 r.

L'abonnement et les annonces sont reçus: A la Rédaction de «l'Observateur» à Tomsk: Rue Dvorianskaïa № 4, (Téléphone № 1), et à la librairie de P. J. Makouchine; à Moscou — chez J. K. Goloubeff (Pokrofska, 52, maison appartenant à l'église de St. Jean Baptiste); à Barnaoul chez F. A. Brizgaloff, rue de Pavlovskaja. A Varsovie à la librairie de N. P. Karbasnikoff (Nouveau Monde № 67); à Omsk, à la librairie d'Alexandroff. A Krasnoïarsk, à la librairie A. T. Komaroff. A Wladivostok, aux librairies V. E. Filiptschenkó et Cie. A K^{ie}nsk chez le notaire I. S. Miagtschilowitsch — Velsky; à Biisk — chez A. A. Zilberbart.

Le Rédacteur-Editeur W. A. Dolgoroukoff.

„Сибирскій Наблюдатель“

(бывшій Дорожникъ по Сибири и Азіатской Россіи).

вступая въ 3 годъ своего существованія, выходитъ въ свѣтъ въ 1901 году по прежнему съ иллюстраціями, на русскомъ и французскомъ языкахъ, книжками 12 разъ въ годъ, отъ 72 до 100 страницъ въ $\frac{1}{8}$ долю листа въ каждой, по слѣдующей, вновь утвержденной, расширенной программѣ:

1. Описаніе путей сообщенія, какъ ведущихъ въ Сибирь и Азіатскія владѣнія Россіи, такъ и существующихъ въ этихъ мѣстностяхъ и государствахъ, сопредѣльныхъ съ ними.
2. Описаніе городовъ и селеній. Свѣдѣнія о судопроизводствѣ и судоустройствѣ. Минеральные источники. Свѣдѣнія о театрахъ, обученныхъ, благотворителяхъ и другихъ обществахъ и т. п.
3. Краткія путеводительскія свѣдѣнія на французскомъ языкѣ.
4. Виды замѣчательныхъ мѣстностей, городовъ, портреты государей и чѣмъ-либо выдающихся личностей.
5. Смѣсь.
6. Разсказы, анекдоты, стихотворенія.
7. Свѣдѣнія библиографическаго характера о вновь выходящихъ книгахъ, преимущественно же — касающихся Сибири и Азіатской Россіи вообще.
8. Объявленія.

Редакція съ своей стороны приложитъ всѣ старанія, чтобы изданіе, удовлетворяло своему назначенію и давало для лицъ, желающихъ ознакомиться съ Сибирью и Азіатской Россіей, всѣ необходимыя свѣдѣнія въ историческомъ, географическомъ, этнографическомъ и статистическомъ отношеніяхъ, а также литературный матеріалъ для чтенія. Въ трудахъ редакціи примутъ участіе многіе сотрудники мѣстныхъ газетъ и др. лица. Укажемъ на М. Р. Бейлина, В. П. Булыгика, А. Бахарева, Р. Л. Вейсмана, А. К. Голодникова, И. К. Голубева, Ю. А. Горбатовскаго, Н. А. Гурьева, В. А. Долгорукова, А. А. Ершова, М. С. Кл—на (псевдон.), Д. Н. Корнатовскаго, А. М. Красовскаго, Е. Ф. Кудрявцева, С. А. Коваленко, А. А. Колычева, П. Н. Копылова, И. П. Кузнецова-Красноярскаго, Е. В. Кузнецова-Тобольскаго, С. К. Кузнецова, А. Б. Ключе, Р. В. Лоренцони, Вас. Ив. Немировича-Данченко, Н. Н. Новикова, П. В. Оленина, М. И. Цейнера, Н. В. Скорнякова, Г. Сергѣева, Е. Я. Ситгурскую, А. А. Скороходова, Э. Станиславскую, Ф. Ф. Филимонова, П. Л. Черневича, П. Чистякова и др.

Цѣна въ годъ 4 руб., на $\frac{1}{2}$ года 2 р. 50 к. съ доставкой и пересылкой. За пересылку за границу добавляется еще 3 рубля.

Лица, желающія имѣть отзывы о своихъ сочиненіяхъ и изданіяхъ, благоволятъ доставлять въ редакцію экземпляры ихъ.

Цѣна объявленій: 1 страница 15 руб., $\frac{1}{2}$ —10 руб., $\frac{1}{4}$ 6 руб.

Подписка и объявленія принимаются: въ редакціи „СИБ. НАБЛЮД.“ въ гор. Томскѣ, Дворянская ул. № 4 (телеф. № 11) и въ книжномъ маг. П. И. Макушина; въ Москвѣ—у И. К. Голубева, Покровка, 52, домъ церкви Іоанна Предтечи и у Д. Н. Корнатовскаго, Моховая, прот. Старога университета, д. Бенкендорфъ; въ Барнаулѣ—у Ф. А. Брызгалова; въ Варшавѣ—въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова (Новый Свѣтъ, 67); въ Омскѣ въ книжн. магаз. Александра; въ Красноярскѣ—въ книжн. маг. А. Ф. Комарова; во Владивостокѣ—въ книжн. магаз. В. Е. Филиппченко и К^о; въ Каинскѣ—у Нотаріуса І. С. Мягчиловича-Вольскаго; въ Бійскѣ—у А. А. Зильбербарта.

Лица, присылающія свои рукописи для помѣщенія въ „Сибирск. Набл.“, должны обозначить условія, на какихъ они желаютъ ихъ помѣстить. Статьи, присланныя безъ обозначенія условій, считаются *бесплатными*. Всѣ принятые статьи подлежатъ *измѣненіямъ и сокращеніямъ* по усмотрѣнію редакціи. Непринятые статьи объемомъ менѣе 4-хъ писанныхъ страницъ и стихотворенія *уничтожаются*; остальные сохраняются въ редакціи до востребованія ихъ авторами въ теченіе *двухъ мѣсяцевъ*.

Приняты всѣ *статьи* насъ мѣры къ аккуратному выходу книжекъ.

Редакторъ-Издатель А. Долгоруковъ.